

ISSN 0131 — 6656

СМЕНА 20 00

Отцы и дети. Потери и обретения

«Артек». За роскошным забором

Аркадий Ваксберг. Размышления о нравственности

Ладонь в пустоту. Очерк

Кто ответит? Повесть Андрея Молчанова

Фото Нины Свиридовой и Дмитрия Воздвиженского

7
НЕТ БРАТМ

Коммунистический Союз Молодежи... Семь десятилетий истории юных поколений страны... История надежд и порывов, искреннего энтузиазма и безоговорочной веры в будущее. Трудных поисков идеала, обретения и горьких потерь. А еще — истории судеб.

Сегодня, как, пожалуй, никогда прежде, мы хотим знать все о своем прошлом. Не только черное и белое, но и полутона. Хотим знать правду. И со стыдом признаем, как поверхностны, приблизительны, а то и искажены наши представления о том, что было до нас. Мы спорим о том, как комсомолу прибавить самостоятельности, как бороться с юными бюрократами, защищать права молодежи, как помочь ей утвердиться в жизни, не сбившись на потребительство и разочарованное брюзжание. Мы спорим, и это хорошо. Но в спорах порой не подозреваем, что трудные эти вопросы мучили и первых комсомольцев.

НАША ИСТОРИЯ

Первые комсомольские билеты.

Вот они, совсем молодые, смотрят на нас с архивных фотографий... Что знаем мы о них? Хотя бы об этих семерых — участниках I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. Кто этот парень в солдатской шинели, стоящий справа? Быть может, он только что приехал с фронта, а через день в эшелоне вернется обратно и погибнет от рук белогвардейцев? Кто эти девушки с одухотворенными лицами? А этот юноша с тетрадкой в руке? Может, он станет инженером и отправится строить Магнитку, а в 41-м уйдет добровольцем на фронт и погибнет, защищая страну? А может, жизнь его оборвется трагически несколькими годами раньше?..

Мы не знаем их имен. Не знаем, как сложились их судьбы. Как больно, что нам остается лишь строить догадки. Как больно, что так велики потери в общей нашей памяти.

Окончание на стр. 4-5

2 Делегаты II съезда РКСМ. Москва, 5—8 октября 1919 г.
 Участники I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. Москва, октябрь 1918 г.
 В. И. Ленин в группе делегатов X съезда РКП(б) — участников подавления Кронштадтского мятежа. Март 1921 г.
 Плакаты художников Д. Моора (1), неизвестного художника (2), В. Лебедева (3).

Поначалу подумалось: обычная автобусная ссора, привычная уже, — ссоры сейчас вспыхивают мигом — злости, раздраженности, бессмысленной агрессивности в нас накопилось с избытком. Пожилый мужчина, не сдерживая себя, не считая это нужным, громогласно выговаривал пареньку, демонстративно уткнувшемуся в книжку:

— Ты что же это нацепил на себя, а? Совесть у тебя есть? Это тебе что — игрушка? Больше играть не во что?

Что он так распалился, сразу было не разобрать. Парнишка с книжкой одет был скромненько, на вид — тихий отличник. Ни металла на нем, ни волос выкрашенных, ни серег в ушах — ничего такого, что действует на многих взрослых безотказно... Место, что ли, не уступил?

А потом у паренька не осталось терпения сидеть с независимым видом, он захлопнул книжку и двинулся к дверям. И тут на сереньком, будто с чужого плеча пиджачке стал виден значок, который и разбередил душу его взрослого соседа.

Нет, не было на этом значке ни рисунков предостудительных, ни надписей иностранных. Ничего на нем не было, кроме простых слов «XXVII съезд КПСС».

Парнишка прыгнул в раскрывшиеся двери и пропал в толпе. А бывший сосед его долго еще не мог успокоиться, все возмущался: как «такое» может в голову прийти! Совсем уже ни стыда,

Или вдруг узнаешь про казанские «моталки», которые объединяют в смертельно враждующие друг с другом группы сотни молодых парней города и терроризируют, не дают нормально жить никому вокруг — дело уже до отрядов самообороны у подъездов и чуть ли не введения военного положения дошло... Или вдруг в своей собственной квартире, на экране собственного телевизора видишь молодого фашиста — нашего, отечественного! — разлагольствующего, не смущаясь, о необходимости стерилизации большей части нашего народа, недостойного иметь детей...

Продолжать можно было бы долго и все в таком же духе: примеров более чем достаточно, и под руками, и перед глазами. Словом, есть от чего растеряться, решить для себя, что все они, нынешние молодые, такие, ни на что, кроме гадостей и жестоких развлечений, не способны, ничто их не интересует — только бы тусоваться и иметь то, что считают необходимым иметь. Что у них может быть святого?

Так что объяснить поведение разволновавшегося в автобусе мужчины не так уж сложно. А если у него к тому же и в собственной семье одни прорехи? Такие, например:

«У меня с родителями, с бабкой и дедом одни скандалы. Отца один вид мой и тон, каким я разговариваю, выводят из себя. За человека он меня, судя по всему, не считает. Он даже способен на

чего они ни в перестройке, ни в других наших делах не понимают. Для них это игра.

Я начал было в ответ говорить о ленинградских школьниках, вышедших на демонстрацию с самодельными плакатами в поддержку перестройки, об экологических митингах, где большинство — молодежь, о сборе подписей и средств на создание памятника жертвам сталинских репрессий, о клубах афганцев, об общественно-политических объединениях, о...

Приятель меня не слушал. Для него все было ясно: играют, забавляются, и потом это же единицы, большинство этим не интересуется. Политическая активность, политическое сознание молодых ничтожны. Поэтому и отказывают им в праве на них. И правильно делают. Они способны только любое дело скомпрометировать. Пусть лучше развлекаются. Понастроить для них дискотеки, пустить по телевидению специальный канал с музыкальной сутки — пусть оттуда нос не высовывают!

Такой вот был разговор. А лет примерно пятнадцать назад мой приятель болезненно конфликтовал со своими родителями, любил порассуждать о том, что в нас, молодых, не видят людей, которые имеют право быть такими, какие они есть, а не такими, какими нас хотят видеть, не видят людей, способных на самостоятельные идеи и мысли... Ну и так далее. Теперь же он

упорно закладывалось представление о молодежи как о некоем монолите. Помните? «...Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке. Знак ГТО на груди у него — больше не знаем о нем ничего!» И действительно, не знали. Достоинство было констатировать с радостью и гордостью, что «многие парни плечисты и крепки, многие носят футболки и кепки», что «много в столице таких же значков — каждый к труду, обороне готов». Те значки в отличие от сегодняшних, как видите, протестов не вызывали. Потому что они были не вызовом, а необходимой принадлежностью, удостоверяющей, что носитель ее ничем от миллионов других не отличается — ни мыслями, ни одеждой, ни мечтами.

Дело не в том, чтобы поиронизировать над тем поколением. Судьба его, трагическая и героическая одновременно, заслуживает самого глубокого уважения. И понимания. До него еще нам доходить надо.

Дело в том, что многие годы в сознании старших поколений царствовал стереотип: каждое новое поколение, вступающее в жизнь, подойдя к определенной возрастной отметке, должно обратиться в ряды «плечистых и крепких», с песнями и горящими от распирающей сознательности глазами выполняющих поставленные задачи, немедленно откликающихся на призыв. «Комсомол ответил — есть». В этом умении без

О БЕЛЫХ ПЯТНАХ

ни совести! Его слушали без особого интереса, но скорее сочувственно. Словно никто и подумать не мог, что такой значок на груди может выражать всего-навсего поддержку идеям съезда. Всего-навсего!

Сразу вспомнилось, как совсем недавно регулярно вспыхивали дискуссии о том, почему молодые люди не носят комсомольских значков. И так это было важно — уяснить, почему не носят, и придумать, как сделать, чтобы носили! А тут парень сам решил для себя, что должен носить, а на него со всех сторон как на преступника или святотатца смотрят. Почему? Разве не может молодой парень умом и сердцем поддерживать идеи партийного съезда? Почему в этом ему сразу отказано? Напрочь! Что он — провинился в чем? Или отверженный какой? В чем дело-то?

Вот ведь прицепился вопрос, и попробуй ответь на него.

Впрочем, так ли это сложно? Подумаешь, биним Ньютона! — восклицал, помнится, герой Булгакова.

Вот в редакционной почте натякаешься на такие письма: «Компания у нас большая, все свои, и тех, кто нам не по душе, мы травим. Многих мы так с подругой затравили, что нас боятся. Давно уже мы курум, пьем, гуляем не «до Времени». И нам это нравится. И еще. Могут ли нас принять в комсомол, если мы не хотим?»

«Ради чего мы собираемся в свои группировки? Ради того, чтобы нас боялись. Чтобы трусливо поджимали хвосты, когда видят нас на улице. Мы можем отделать всякого — и это самое главное. А все остальное — мурра. Правда, одной силы мало в наше время, нужны еще деньги. Тут нужно брать пример с «деловых», которые умеют их «делать», а не гнут горб за грошовую зарплату. Правда, есть еще всякие там начальнички, которые тоже неплохо устраиваются, но меня больше тянет в «деловые». Этим хоть притворяться не нужно, высокие слова говорить».

меня — свою дочь! — поднять руку. Я пыталась доказать ему, что тоже человек и требую человеческого отношения, так он затолкнул меня в мою комнату и заявил, что я у него «по струнке ходить буду». А иначе... При этом глаза у него были жуткие — тупые, беспощадные. «Человек ты или кто?» — это у него любимый вопрос ко мне. А сам он человек, если позволяет себе быть таким? Не может, видимо, вынести, что кто-то имеет свою точку зрения.

Тут, согласитесь, взвесьте.

Ну, ладно. Можно объяснить. Можно понять. А дальше что? Дальше жить как? С предубеждением против всего, что делают молодые? Когда каждый их шаг — не в ногу, каждое слово — не в лад, каждая мысль — крамола?

Это же самая настоящая трагедия. Тут вопрос нешуточный.

Махнуть рукой на целое поколение, а то и на несколько? Нельзя. Жить с закрытыми глазами, не видя их бесконечных метаний, пугающих забав? Тоже не выход.

Тем более что предубеждение взаимно. Очень у многих молодых людей существует настороженно-недоброжелательное отношение к людям старших поколений. Все, что идет «с той стороны», попросту не воспринимается. Вернее, воспринимается, но как не заслуживающее серьезного отношения, как вообще к их жизни отношения не имеющее. Примеров тут — тьма. И тьма эта пугающая, настораживающая, сулящая многие беды и страдания.

Ведь на предубеждение отвечают предубеждением, на предвзятость — предвзятостью, на нежелание понять — ответным нежеланием, на раздражение — злобой, на слезы — смехом, на упреки — оскорблениями. Замкнутый круг взаимного неприятия.

Рассказал об истории в автобусе своему приятелю — тоже из тех, кого на улице порой еще называют молодым человеком. Он поморщился:

— Это у них теперь мода такая! Ни-

Игорь СЕРКОВ

заметки взрослого человека, которого иногда еще называют молодым

точно знает, какой следует быть нынешней молодежи, как ей себя вести, кого любить, чему поклоняться, а от чего бежать. Теперь его раздражают и пугают быстро меняющиеся интересы молодых, их экстравагантные увлечения. Все это ему непонятно, а значит, лучше, чтобы всего этого и не было. А я вспомнил, как в лета нашей юности, в дни приезда в Москву президента США Ричарда Никсона, этого самого приятеля задержали на углу улицы Горького и проспекта Маркса крепкие мужчины с удостоверениями одного солидного учреждения, отвели в ближайший переулок и настойчиво посоветовали держаться подальше от пути следования президента, потому что одним своим видом он позорит нашу страну, подрывает ее авторитет. Как он тогда бушевал! Как это было обидно и оскорбительно, как хотелось выкинуть в ответ что-нибудь такое!.. Да он лучше их знает, что такое разрядка и зачем она нужна! Да он!.. Да он!..

Это было. А теперь он похлопал меня по плечу:

— Не бери в голову. Правильно мужик в автобусе орал — это все им не игрушки. Время серьезное.

Время, конечно, серьезное, но только ли для тех, кому за тридцать и старше? Или можно считать с девятнадцати? Или с двадцати? Чепуха же ведь получается.

В механизме действия этих взаимных предубеждений не разобраться, если не понять, как он складывался, что запустило его в работу. Дело это не безнадоедное, было бы честное желание.

Десятилетиями в нашем обществе

промедления ответить «Есть!» виделись высшая доблесть, не подлежащая сомнению сознательность.

Стереотип начал разрушаться не сегодня. И не вчера. Но и живучесть его паразитична. Почему? Да потому, очевидно, что есть на него спрос. Хотя время от времени мы и пытаемся его подкорректировать, так сказать, осовременить, подправить, подретушировать.

Несколько лет назад в ЦК ВЛКСМ слушался вопрос о ходе школьной реформы, о формах школьного самоуправления, о сотрудничестве учителей и учеников. Присутствовали там и специально приглашенные представители одной из школ, расположенных в древнем российском городе, — директор, учитель и ученик, парнишка лет тринадцати, аккуратный, ясноглазый, с прелестной застенчивой улыбкой. Пришел его срок, и он вышел на трибуну. Не буду пересказывать, что он говорил, всех поразило, как он говорил. С таким отретпетированным пафосом, с такими профессионально поставленными интонациями, что залу не по себе стало. Какая-то неловкая тишина установилась. Взрослым людям было неудобно глядеть в глаза друг другу. А он смотрел с трибуны преданно сияющими глазами, и голос его, где надо, звенел, где надо, пел, где надо, был тверд, как металл. Потом ему задавали вопросы, как показалось, в единственной надежде услышать от него нормально сказанное слово. Стало ясно, что ничего действительно дельного сказать он не может — не было в той школе ничего, что свидетельствовало бы о каких-то серьезных сдвигах. Но отвечал он на

вопросы с теми же отработанными интонациями, с тем же горением во взоре. Сбить его не удалось.

Когда представители школы и города покинули зал, установилась сконфуженная тишина. А потом секретарь ЦК комсомола, который вел заседание, откашлявшись, сказал с укоризною:

— Это, конечно!.. Готовиться к заседаниям, конечно, надо, но не до такой же степени.

Да, сегодня такой вот, поставленным голосами декламирующей пустые слова, а то и попросту вранье, видеть нашу молодежь уже мало кто хочет. Мы уже что-то позволяем ей, уже допускаем, что она может вести себя так, как считает нужным и правильным, вмешиваться в то, что ей не нравится, но... до определенной степени. Определяем для себя эту степень, и чуть она окажется не той — скрипим зубами.

То есть опять же отделяем жесткие границы и требуем неукоснительного подчинения, убежденные, что нашли ту золотую середину, которая устраивала бы всех — и отцов, и детей.

А может, ее нет — этой самой золотой середины?

Больше того, не может быть. Больше того, не должно быть.

Пока мы запугиваем друг друга крайностями и ужасными примерами, разговора не получится. Пока мы делим наше общество на поколения, определяя, кому что дозволено, кто на что имеет право, наше движение вперед так и будет спотыкаться из-за этой раздельности.

Всех нас — и молодых, и взрослых — искушает тяга к обобщениям, к вынесению приговоров, не подлежащих обжалованию. И уже не здравый смысл руководит нами, а накопившаяся критическая масса предубеждений. Мы, конеч-

с мое, тогда и поймете, что к чему! А то умные очень!..»

Жалкое утешение?.. Вопль бессилия?

Но ведь и впрямь со временем понимают: жизнь далека от идеалов и вовсе не состоит сплошь из красивых поступков, обреченных на успех и признание. Жизнь — это борьба, в которой можно и проиграть, потерпеть жестокое поражение. Не успеваешь глазом моргнуть, как подопрут еще более молодые, и вот ты, еще вчера упрекавший мир взрослых в чем угодно, уже сам среди тех, кого считал во всем виноватым, на кого валил все претензии к жизни без разбора, в ком видел причины всех несовершенств.

Да, со временем все они понимают. Жизнь не остановишь, она идет вперед, мнет всех под себя. Только радоваться ли этому?

Нынешним летом, в пору выпускных экзаменов в школе, встретился со старым знакомым. Дочь его как раз заканчивала школу. Был он почему-то слишком уж грустен и задумчив.

— Я же всех одноклассников дочери с самого начала школы помню, — говорил он. — Они на моих глазах выросли. Мне все казалось, что они какие-то совсем другие люди, что жизнь их будет несравнимой с нашей — лучше, значительнее, умнее. А тут вдруг посмотрел на них и изумился — они такие же, как мы! То же самое, что были мы. Обычные люди. Кто-то смел, кто-то недалек, кто-то расчетлив, кто-то завистлив, кто-то слаб... Понимаешь, их уже не переменишь. За одним тянутся, другой ходит в изгоях и завидует. Один способен сказать правду, другой способен лишь промолчать. Один удачлив, другая никого вокруг, кроме себя, не видит. Обычные люди. Уже сейчас ясно почти на сто процентов, что из кого будет...

Да, многие взрослые не умеют говорить с ними, но их желание добра искренне. Нельзя не понимать этого. Слишком жестоко и несправедливо.

Трудные для сознания примеры, о которых шла речь в начале статьи, не должны отбить у старших поколений желания пробиться к молодым. Потому что у них нет другого выхода. Потому что у нас есть только та молодежь, которая есть, и другой не будет. Разговоры, что все надежды должны связываться лишь с теми, кто сейчас еще совсем мал, кого не опалило мертвящее дыхание застоя, попросту нелепы. Разве можно вычеркнуть из жизни миллионы? В ответ-то вычеркнут нас.

Сдается, многие взрослые в отношениях с молодежью страдают этим привычным для нашего сознания недугом. Когда собственные недостатки и слабости простительны, понятны и нестрашны, а «их» — необъяснимы, непростительны и ужасающи.

Но разве не болеют этим же и молодые люди, не желающие ничего понимать и признавать у старших? Упивающиеся слепым высокомерием молодости, ощущением избытка еще не проверенных в серьезных испытаниях сил?

Что же это получается: стенка на стенку? Только констатация наличия замкнутого круга взаимной предубежденности вряд ли кого успокоит. Сегодня перед всеми нами стоит одна цель: приподняться над взаимным недоверием, найти точки понимания, звенья сотрудничества.

Задача эта — для всех поколений. Разве недостижимо понимание, что люди делаются не на тех, кто старше, и тех, кто моложе, а на честных и подлых, подвижников и подонков, рабочих и лентяев, порядочных и негодяев? И что первым надо протянуть друг дру-

по-моему, мы долгие годы не спешили призывать людей к такому ответу, откладывая его на все более поздний срок, а то и вовсе забывая о нем. Потому что у человека не было выбора — он должен был быть таким, каким требовала быть официальная идеология. Со школы. С детского сада. С яслей.

Отрицалась сама возможность пройти какой-то путь развития. Заблуждения приравнивались к терактам, саботажу, вредительству, к покушению на основы. Но ведь недаром тысячелетиями говорилось о необходимости найти, выстрадать истину. Когда же она навязывается тебе в строго отведенном и упакованном виде, вряд ли стоит надеяться, что она станет твоим личным убеждением.

Единственная возможность — научить человека думать и брать на себя ответственность. Ответственность за себя, за близких, за страну, в которой живешь и благо которой тебе не безразлично.

Бесполезно возмущаться тем, что из марширующих колонн бегут в грязные подворотни в надежде там ощутить себя личностью, индивидуальностью, пусть это и звучит для кого-то совершенно нелепо. Этого желания — заявить себя как самостоятельная личность — у молодых не отнять, потому что это природное, естественное стремление, уничтожить которое можно только вместе с человеком.

С недоумением и горечью, но надо признать, что у нас сейчас отсутствует общепринятое, если хотите, народное представление о том, какой должна быть достойная, уважаемая общественным мнением личность. Еще недавно — да и сейчас порой — официально такой личностью провозглашался без особой выдумки сконструирован-

“ЗАПРЕТНЫЕ ТЕМЫ”

но, хотели бы, чтобы молодежь соответствовала требованиям времени, которое переживает наше общество, но не делаем ничего для этого. Или делаем ничтожно мало, с великим неумением. А молодые механически закрывают глаза на многие действительно серьезные сдвиги в жизни, которыми общество обязано прежде всего старшим поколениям. Согласитесь, когда люди могут видеть, но не видят, могут слышать, но не слышат, нормальным и здоровым такое положение не назовешь.

Читал в «Правде» беседы с высокопоставленными в прошлом взяточниками и казнокрадами из Узбекистана — ныне все арестованы, — и вдруг как обухом по голове ошарашило: каждый из них — все трое! — начинал свою деятельность в школе. Был учителем! Чему-то учил детей... Чему?

Чья это трагедия — входить в жизнь с таким учителем? Учеников? Родителей? Общества?... В том-то и дело, что наша общая, — от этой беды себя не отъединишь.

Наверное, все люди старших поколений, ищущие контакта с молодежью, время от времени ощущают себя загнанными в отчаянный тупик: они вынуждены призывать к тому, чему сами в водовороте жизни следовать зачастую не в силах. Надо учить тому, на что у самого в силу тех или иных обстоятельств недостает мужества, самоотверженности, терпения. Молодые в таких случаях реагируют незамедлительно. Ловят на этом противоречии холодно и жестоко. Так ткнут носом, что приходится лишь в бессилии отступать, бурча про себя: «Ничего, поживете

Как они не хотели быть похожими на нас! Прекрасно помню их высокомерные улыбки в наш адрес, снисходительные взгляды, и подумай — такие же...

— Так радоваться же надо, — как-то не очень влопад сказал я. — Люди как люди. Значит, сможем понять друг друга.

— Понять сможем, — вздохнул знакомый. — Да счастливее нас они не будут. Но понимают всё. Даже странно — объяснить ничего не надо, всё знают.

Еще несколько лет назад этот человек мучительно страдал от сознания невозможности объяснить собственному ребенку, почему наша жизнь делится на официальную и противоположную ей. Он не представлял себе, как скажет дочери, что ложь — необходимое условие нашей действительности и надо пытаться не воспринимать это трагически. Он не знал, как сказать про чудовищность культа личности, трагические беззакония, надругательство над человеческим достоинством и правом, как объяснить что-то существовавшие во времена застоя двойную мораль и нравственную дикость, вопиющую бездуховность и расцвет мафиозных нравов... Как это можно было объяснить?! И — самое жуткое — что этому можно было противопоставить?

Сейчас он мало вспоминает об этих недавних мучениях. Сейчас во взаимоотношениях с дочерью и ее сверстниками его волнуют иные проблемы. Но и сейчас, и тогда он желал им добра. Как умел, как умеет. И, совершенно очевидно, другого отношения к тем, кто идет тебе на смену, не должно быть. Другое — патология. Как хотелось бы, чтобы молодые видели и ценили это.

гу честно руки, потому что вторые горлазды отыскивать друг друга и объединяться в свои коудлы, шайки, мафии.

Разве не открываются для всех нас сегодня — когда все яснее пути и перспективы нашего общественного развития — возможности честного и прямого разговора без «закрытых тем» и «белых пятен»? Сегодня такой диалог возможен, но только если нам удастся — каждому! — преодолеть в себе сразу высокомерного предубеждения, что «они» все равно не поймут.

Вряд ли «они» хуже «нас». Вряд ли есть смысл запугивать «своих» ужасами из «их» жизни. Потому что, если честно разбираться, ужасов и бед хватает в жизни и тех, и других. От них нельзя отворачиваться, но все же не ими движется жизнь, не они определяют лицо поколений.

Нравственное одичание, духовная скудость, политическая неразвитость поразили не одно конкретное поколение, это болезни, распространенные во всем обществе. Ни одно поколение не справится с ними в одиночку. Старшим нужна вера в то, что есть будущее, перед которым они ответственные. Молодые, отделяя себя от опыта старших, рискуют впасть в еще большее одичание, ибо высоты духа и нравственности — плод тяжелейшей работы человечества на протяжении всей истории его существования. В одиночку на пустом месте такое не создаст.

Ни перед кем из взрослых не стоит угроза помолодеть. Но каждый молодой человек неминуемо взрослеет, чтобы в один прекрасный момент понять, что вся ответственность за то, какой он, уже лежит на нем.

ный, оторванный от действительности фантом, в реальное существование которого никто не верил. О нем говорили с трибун — особенно много с комсомольских, а в жизни образцом для подражания молодежи становились совсем иные персонажи — жестокие, налитые тупой силой супермены, удачливые дельцы. Главной, все покрывающей целью существования и деятельности стала возможность бывать за границей. Вот где требуется самый решительный переворот. Тут не поможешь словами. Нужно изменить жизнь так, чтобы самым высоким общественным признанием и истинным уважением пользовался человек, честно работающий, болеющий за общественное дело и соответственно за это от общества получающий.

У каждого человека, и у молодого непременно, должна быть возможность подлинной, а не показушной деятельности, позволяющей ощущать себя полноправным, по-настоящему уважаемым членом общества. Общества, которое сегодня стремится преодолеть поразившие его социальные и нравственные недуги, возродиться на основе уважения друг к другу и взаимного сотрудничества. Создание такого общества сегодня — единая цель всех, кто способен думать и страдать за Отечество. И она, эта цель, достижима лишь при условии совместных усилий всех поколений. Это громадная и достойная цель. Достойная того, чтобы отдать ей свои силы. Цель, способная поднять, сделать человеком, личностью. Поэтому нельзя никому отказывать в праве участвовать в этой работе. Тем более что лишних в ней быть не может. И не должно.

1
 По всем вопросам поступления в школы ВВС
 обращаться к невоеннослужащим и инструкторам учебно-тренировочных командиров — инструкторам диспетчерского состава.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

1
 Как студент работает на заводе над своим конструктором.
 Как университетская молодежь борется за социальную справедливость.
 Союзный труд рабочих-коммунистов в Советской России.
 Красная молодежь учится строить новую жизнь и завоевать власть трудящихся.

К ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Всех, кто и этаким строится,
 Хочет мыслить и учиться,
 Мы зовем от неких старей
 В ряды юных коммунистов,
 Дети мощного народа!

Дети фабрик и заводов!
 Н вам виднее наше слово:
 Мы зовем вас и наших людей,
 Без спешки и дрожи
 Все в Союзы Молодежи!

3
 ПЕТ ДО СТА РАСТИ. ГОД ОТ ГОДА РАСТИ
 НАМ БЕЗ СТАРОСТИ. НАШЕЙ БОДРОСТИ

К СЕДЬМОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Окончание. Начало на 2-й стр. обл.

В дни еще совсем недавних юбилеев комсомола мы много говорили о достижениях и успехах. Кому-то казалось, что юбилей — это только праздник. И не место в такие дни спорить о проблемах, трудностях. Но жизнь показала обратное. Незнание всей правды лишь подрывало веру, размывало идеалы. Жизнь доказала, что только правда может помочь в излечении даже запущенной болезни. Доказала, что только обратившись к конкретной душе конкретного молодого человека, можно сделать его союзником в общем деле, общей борьбе. Те, кто забывал эту истину, вредили комсомолу, а значит, и делу коммунистического воспитания. «Особенно опасайтесь завести у себя в комитетах лю-

дей равнодушных, чиновников. Они очень вредны, в том числе и коммунистические чиновники», — предупреждал Владимир Ильич в день встречи с членами президиума I съезда комсомола. Сегодня мы возвращаемся к Ленину, и актуально звучит его предупреждение: «опасайтесь... людей равнодушных». Это к нам обращены его заветы, прозвучавшие с трибуны III съезда РКСМ. Как много в них пищи для раздумий нам, молодым, живущим в конце восьмидесятых!

...Архивные фотографии, плакаты прошлых лет. Вглядимся в них пристальнее, ибо все это — наша история. Наша память.

В оформлении использованы плакаты и фотографии из альбома «Боевая вахта комсомола», вышедшего в Воениздате в 1988 году.

Плакаты художников Донского, Эльского, Денисова (1); неизвестного художника (2); В. Корецкого (3); А. Самохвалова (4); Б. Мухина (5); В. Серова (6); Е. Малолеткина (7); С. Забалуева, И. Коминареца (8); В. Овсянникова (9).

5
**МОЛОДОЙ ПАТРИОТ!
 КАКОЙ ПОДАРОК
 ТЫ
 ГОТОВИШЬ
 КРАСНОЙ АРМИИ?**
 ДАДИМ ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ БОЛЬШЕ:

Этот орден за № 39634, пробитый осколком снаряда, принадлежал лейтенанту Кадыр Тарли Джемилеву. Он был участником боев на озере Хасан, затем работал секретарем Алуштинского райкома комсомола. Орденом награжден за мужество и отвагу, проявленные в боях на подступах к Харькову.

● Сантехник — с университетским дипломом?

● За свои права надо бороться!

● «Предлагаю Всесоюзную конференцию творческой молодежи»

✉

Тридцатилетний Данте мог бы и не согласиться, если бы его отнесли к молодым. Помните, как он писал о себе: «Земную жизнь пройдя до половины...»

В нынешние времена не всякий скажет о себе, как Данте. Ведь только на достижение социальной зрелости уходит добрая половина жизни. Возможность реализовать свои творческие задатки стала для молодого человека проблемой. В постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» (1976 г.), в частности, говорилось, что надо активнее привлекать талантливую молодежь в творческие союзы. Прошло двенадцать лет. Как оно выполняется? А никак! Если, к примеру, на момент принятия постановления в Союзе писателей было три десятка литераторов комсомольского возраста, то сейчас их не стало больше.

А в науке? Четырнадцать лет назад я окончил философский факультет МГУ. Из 120 выпускников моего курса десятка полтора работают сторожами и дворниками, слесарями-сантехниками. Некоторые обратились к религии, ушли в духовную эмиграцию. Причина — невозможность реализовать свои творческие потенции.

В целом по стране несколько миллионов выпускников высших учебных заведений заняты трудом, не требующим вузовского образования. Большинство привлекательных мест заняты старшими. Молодым расти некуда...

Особенно это бросается в глаза в сфере управления. По прикидкам социологов, лишь 10 процентов управленческих мест заняты людьми моложе сорока лет. Посмотрите, кто руководит комсомолом. Часто это люди далеко не комсомольского возраста.

А сфера распределения и потребления! Надо ли привлекать статистику, чтобы сказать: большинство молодых семей имеют доходы ниже ста рублей на человека? Что же касается демографического критерия, то приведу одну лишь цифру: ежегодно в СССР около миллиона супружеских пар разводятся. Немалая доля разводов приходится на молодежь.

Замедленность темпов социального взросления, неотлаженность механизма социализации — вот объективные причины молодежных проблем. А молодость так коротка!..

Владимир БОРЕВ,
кандидат философских наук,
кандидат искусствоведения

✉

Прочитал статью Ю. Рагозина «На цыпочках?» («Смена» № 17). Согласен с автором: молодежи надо учиться отстаивать свои права.

С болью в душе вспоминаю свою работу в комсомоле с 1982 по 1986 год. Был секретарем комитета ВЛКСМ с правами РК. Никаких перемен в отношении к первичкам за это время я не почувствовал, за исключением перио-

да, когда после кончины Л. И. Брежнева все немного встряхнулись от вековой пыли, бюрократии и формализма. Перед глазами — наше комсомольское собрание, обсуждавшее итоги ноябрьского (1983 года) Пленума ЦК КПСС о дисциплине. Все как-то по-иному начали работать! Критика не щадила никого. Однако перегибы, связанные с дисциплинарной политикой на местах, напоминали сталинщину. Людей преследовал страх наказания, о самосознании думать не приходило. Но вот пришел 1984 год и — снова застой. Мы кричали: спасите от бумаг, от бездумных приказов и нажима сверху, дайте самостоятельности!

1 января 1984 года мне запомнилось особенно. Решением бюро РК ВЛКСМ я был освобожден от занимаемой должности за срыв массовых гуляний на центральной площади города вокруг елки. Спустя некоторое время для серьезности обвинения эта затея бюро ГК ВЛКСМ была названа «политическим мероприятием в честь Нового года». Дело в том, что с комсомольцами мы подготовили художественный номер, но вот привести учащих для массовости не смогли (на Новый год учащиеся от дома). Благо нашлись люди, которые правильно поняли истинные обстоятельства моей апелляции; наказанными оказались те, кто наказывал нас. Я был восстановлен в должности.

1985—1986 годы, хотя и считаются годами перестройки, немалого отличались от предыдущих. Может, разве только тем, что вместо участия в Ленинском зачете на передний план выдвинулась акция «Революционный держите шаг». Особой активности комсомольцев она не вызвала. Были у нас инициативы, конкретные предложения, но ничего из них не прошло, да и не могло пройти, ибо система руководства комсомолом сверху не позволяла внести что-то новое без специальных разрешений. Нас к этому заставили привикнуть...

Было бы большим успехом комсомола, если бы на XIX Всесоюзную партконференцию он пришел не рядовым участником, а застрельщиком перестройки, с конкретными предложениями. Но, увы... На партийные форумы приглашают очень мало представителей ВЛКСМ с решающим голосом. Свежий пример этому — весьма низкий, на мой взгляд, процент делегатов от комсомола на партийной конференции.

О каком авторитете комсомола можно говорить, если так будет продолжаться и дальше? А ведь комсомол — это та же Коммунистическая партия, только объединяющая наиболее активную часть молодежи. ВЛКСМ — это Коммунистический Союз Молодежи! Но вот беда: комсомол ждет указаний партии. Да, комсомол — помощник и резерв партии, но он не придаток КПСС, который бездумно фотографирует все ее решения. Мы сегодня ищем нечто вроде гарантий перестройки, а не подумав ли о том, что главная гарантия — активность нашей молодежи?

А. КОЦОВ,
аспирант Института истории СССР
АН СССР

✉

Подчиняются ли министерства Совету Министров СССР? Очень много написано о неблагоприятной экологической обстановке в стране, а практически все остается по-прежнему. Минводхоз стал уже «притчей во языцех». Очевидно, товарищи из Совета Министров не читают газет и журналов.

У меня есть предложение — Минводхоз переорганизовать в организацию, нацеленную на улучшение экологической обстановки (строительство очистных сооружений и т. д.). Тогда у них не будет времени рыть ненужные каналы и поворачивать вспять реки.

В. РОЖКОВ,
Евпатория

✉

В № 15 «Смены» за этот год опубликовано письмо 14-летнего Александра Войтенкова об абсурдности захоронения у стен Московского Кремля палачей советского народа Сталина и Вышинского. Я присоединяюсь к осуждению преступной деятельности Сталина по уничтожению лучшей части моих соотечественников и поддерживаю предложение московского юноши. Но при этом хочу напомнить, что у Кремлевских стен покоится прах Брежнева, Суслова, Черненко и их окружения — тех, кто довел хозяйство страны до развала, кто культивировал вседозволенность, казнокрадство, взяточничество. По достоинству ли?

И. СУРКОВ,
ветеран войны и труда,
Москва

✉

Назрела и носится в воздухе идея Всесоюзной конференции творческой молодежи. Хорошо бы в Москве на три-четыре дня собрать вместе, не разделяя по видам и родам искусства, молодых писателей и художников, композиторов и архитекторов, критиков и музейных работников, искусствоведов и фотомастеров, философов и публицистов. Этот «собор» молодых интеллектуалов страны всегда был желателен и благодатен, а сейчас в связи с движением национального вопроса, тягой к взаимообогащению культур народов и национальностей значение подобного «собора» резко возрастает.

Именно так давно и с успехом делают иркутяне. Оттого-то Иркутск — яркая, незатухающая звездочка на культурной карте Сибири и Дальнего Востока. Здесь раз в три года трубят сбор областная конференция «Молодость. Творчество. Современность». Весь город в эти дни на ногах! Полны театры и филармония, музеи и выставки, местное телевидение и радио не спускают на эфирное время, газеты — на публикации. Буквально по всему городу укреплены броские афиши. Через дороги над головами людей и машинами протянуты полотнища: «Привет конференции молодых!» Правда, и здесь существует первоначальное деление на творческие секции. Тем не менее одновременно и в одном месте проходит этот сводный смотр завтрашних творческих сил. Возможно, это будущее Репин и Добужинский, Стасов, Каратыгин, Ермолова и Ида Рубинштейн, Фокин, Дягилев? Известно, что аристократ духа может родиться и в курной избе, но вовеки не развить природный дар без освоения культурных сокровищ, а главное — без укрепляющего, всегда необходимого общения с даровитыми ровесниками и старыми, умудренными мастерами. Вот в Иркутске и завязываются отношения молодых, знающих не только об узкоколовых проблемах, но и о том, что беспокоит, допустим, сверстников в смежном искусстве. Все слышат обо

всех, каждый может, если хочет, узнать каждого.

Я вырос в пыльном и драчливом Канске, в бараках, среди пьяных и несчастных людей, сам попил, погулял, служил в армии, мотался по Сибири. Лишь к тридцати пяти годам взялся за ум, пить и курить бросил, заочно и поверхностно окончил университет. Вышли в свет две книжки. И вдруг я осознал: все, стоп! Нахватавшая как попало «культуришка» поможет составлять лишь простодушно-азбучные книжицы. Схватился за трактаты по истории, искусству и философии, пошел в концертный зал слушать Баха и Генделя, срочно знакомился с художниками, благо и в Красноярске есть сильные творческие личности. Но вижу: лучшие мои годы для постижения культуры ушли. Ладно, что хоть поздно, но спохватился и кое-что успел. Рассказываю об этом сегодняшним молодым в науку.

Думаю, я не один среди сверстников, которые в силу обстоятельств копали землю, пасли скот, валили лес, ночевали в вытрезвителях, клали стены жилых домов, а тем временем ровесники-счастливики сидели в читальных залах, слушали Рихтера и Третьякова, пополняли личные библиотеки. Что же теперь? У каждого творца, заметил Леонид Леонов, своя задача с неба. Важно лишь скорее это в себе определить и держаться.

Мысль о Всесоюзной конференции молодых укрепилась у меня в Ульяновске, когда там учреждался Всероссийский фонд культуры. Едва, помню, ступили на раскаленную от жары землю, как Тойво Ряннел, красноярский художник, пожилой, мудрый финн, потащил нас осматривать местную картинную галерею и художественный музей. Постояли у дома, связанного с именем великого писателя — Гончарова. Вечером в филармонии слушали музыку Прокофьева, Свиридова и Шостаковича. Весь следующий день проходил в чутком зале, где с толковыми обзорными выступлениями вышли к нам люди различных творческих направлений.

С чего начать подготовку к Всесоюзной конференции творческой молодежи? Сначала провести конференции молодых во всех республиках. В Российской Федерации, например, это хорошо бы сделать будущей весной. Совсем необязательно собирать молодежь в Москве, можно выбрать любой город, где проявят гостеприимство: Ленинград или Ярославль, Новосибирск или Тулу, Новгород или Вологду... Затем самые одаренные представляют республики на Всесоюзной конференции в Москве, которую, очевидно, могут возглавить Фонд культуры СССР, все творческие союзы и ЦК ВЛКСМ.

Думаю, что многие мои коллеги с радостью возьмут на себя организационную работу по подготовке конференции.

Олег ПАЩЕНКО,
Красноярск

✉

Меня взволновало письмо жительницы Москвы, которые рассказали о превращении дома Дениса Давыдова в контору. Как же так? Последнее время только и слышно: надо беречь нашу историю, хранить в памяти имена патриотов. А на деле что творится? Денис Давыдов дорог нам как поэт, как герой и человек. Я горжусь своим соотечественником и голосую за создание в этом доме музея войны 1812 года, музея Дениса Давыдова. Надеюсь, еще не поздно поставить все на свои места.

Надежда ДУМИНА,
Калининград
Московской обл.

Борис ДАНИУШЕВСКИЙ

ГОМБУБОИ ГОРОД

Нижнекамску, если исчислять его возраст с того дня, когда он получил статус города, около 27 лет.

Тофику Фасхутдинову, председателю оргкомитета первого в Нижнекамске МЖК, столько же.

Сначала город и человек росли, ничего не зная друг о друге. Тофик еще ходил под стол пешком, когда в морозные утренние сумерки на заснеженной луговине в пойме Камы перестроители вбили первый колышек, от которого и начал строиться будущий город.

Таких, как Тофик Фасхутдинов, среди жителей Нижнекамска большинство. Объяснение тут простое: жизнь у ребят только начинается, и хочется, чтобы уже в самом ее начале было что-то значительное, ну, как эта большая стройка, которую потом имеешь полное право называть своей.

Вспомним, в 16 мальчишеских лет кого не влекли неизведанные дороги? Кого-то манил ДнепрогЭС, кого-то звала целина, магнитом притягивал Братск... Сейчас, конечно, время иное, и адреса новостроек иные, а вот молодость, которая у каждого в жизни случается, увы, однажды, и сегодня без романтизма обойтись не может. И пусть романтизм этот не такой уж бескорыстный и бесхитростный и не все получается так складно, как пишут в книгах. Но все-таки, если ты живешь в городе, который строил с первого кирпичика сам, биография которого точь-в-точь схожа с твоей биографией, — такой город не может не нравиться.

Нижнекамцам нравится их город. И мне он нравится тоже. Нравится в неяркий полдень, когда хлещет по крышам домов дождь.

И в предвечерние сумерки, когда заводчане возвращаются с работы домой, ведут за руку детишек из садика и громко рассказывают друг другу последние новости из своей жизни.

Нравится мне Нижнекамск по выходным, когда он непривычно пуст и тих, потому что почти каждая семья здесь

имеет за городом свой садовый участок и с наслаждением отдается такому полезному и здоровому отдыху — работе на земле.

Ну, а в рабочий день город прощется рано, надежный трамвай или комфортабельный «Икарус» развезет всех по рабочим местам, и деловая жизнь, как и положено, пойдет своим чередом.

Придет и Тофик Фасхутдинов на свое рабочее место — в микрорайон-25, где 162 бойца комсомольско-молодежного строительного отряда возводят стены МЖК, о котором столько лет все они мечтали.

— Это здорово, что руководит стройкой такой парень, как Тофик, — сказал мне В. С. Непомнящий, начальник проектно-строительного объединения, в ведении которого все жилищное строительство города. — В нем все — и хорошая прорабская хватка, и тонкое знание дела (немудрено — электронщик!), и приятная интеллигентность.

Ну скажите, кому не похвально заслужить такой комплимент от человека, в руках которого, можно сказать, в прямом смысле слова ключи от новоселья, а значит, и от счастья 324 молодых семей?

Отправляясь вместе с Тофиком на стройку, я уже заметил, что Нижнекамск строится без временок. Никакого намека на недоделки, на спешку. И еще бросается в глаза сочетание элегантной планировки с буйством заботливо оберегаемого леса. Хотя, конечно, высотные дома, вставшие по разные стороны от центра, и не отличишь от их близнецов в любом другом городе. Но это обычные высотные дома обычного городского микрорайона. Они же, комсомольцы, строят первый в городе МЖК, значит, он обязательно должен отличаться от всего уже построенного вокруг!

— Наши «генералы» (так в Нижнекамске зовут всех генеральных директоров крупных объединений) во всем идут нам навстречу, — рассказывает Тофик. — Мы строим свой МЖК, не вле-

зая в карман городу ни за одной копеечкой, причем строим сверхпланово. При том, что сметная стоимость стройки немалая — 4,5 миллиона рублей. Все проблемы у нас только с выбиванием фондовых материалов. Но и тут нам протянули руку и Госплан, и Госснаб СССР.

— Неужели так никто палки в колеса и не ставил? — не удерживаюсь от вопроса.

— Палки-то ставили, — с довольной хитрецей отвечает Тофик, — но при этом не учитывали, что у нас не колеса, а гусеницы.

Стратегия у нижекамских эмжэковцев правильная, современная, продуманная. Они очень хотят все сделать в своем МЖК неординарно. Идеи так и носятся в воздухе. В основе их принцип: не только ребяташки, но и их родители — не такие еще и взрослые, кстати, — должны жить весело и красиво. Что это значит применительно к сегодняшнему дню с его специфическими задачами и особыми требованиями? А вот что. Внутри дворового пространства ребята мысленно уже видят объект, какого пока нет нигде в городе: под одной крышей в нем будут вечерний детский садик, компьютерный клуб, видеосалон, спортзал с бассейном. И это отнюдь не розовая мечта — социологическая лаборатория Казанского университета уже разрабатывает для МЖК особую социально-культурную программу.

На письменном столе у меня стоит маленькая, с чайное блюдце величиной, резиновая шина-пепельница. Хотя я и не курю и, следовательно, по прямому назначению ею не пользуюсь, а выбросить все равно не могу: сувенир этот вот уже шесть лет напоминает мне о славных ребятах с Нижнекамского шинного объединения.

Ясно, что с тех пор тут многое изменилось. Мне показались, что даже небо над серебристо-серыми корпусами шинного стало чище и прозрачнее — кое-где только колыхается легкое марево.

И в комитете комсомола, конечно, уже совсем другие ребята. Но такие же приветливые, откровенно жизнерадостные, уверенные и энергичные. С тем же запалом рассказывают они о своих повседневных делах и заботах, которые мне, постороннему, кажутся покачало и скучными, и необязательными, но скоро я начинаю понимать, что в нынешних благоприятных для хозяйственной деятельности комсомола условиях это как раз то, что надо.

А рассказывают ребята о только что созданном комсомольско-молодежном кооперативе «Коралл» по ремонту и восстановлению автопокрышек. До сих пор в городе таким видом услуг никто не занимался — изношенные покрышки приходилось возить в Набережные Челны, а теперь все на месте: мастерская — на территории завода, приемные пункты — в городе. Выгодно ли заводской молодежи иметь свой кооператив? Еще бы! 20 процентов прибыли — а это 50 тысяч в год! — идет комитету комсомола на решение социально-культурных вопросов. Когда это такие деньги были у первичек?!

— Что зачастую подрезает крылья нашим замыслам? Самые банальные вещи, — с сожалением рассказывает Саха Махотин, секретарь заводского комитета ВЛКСМ. — Хотим в сектор учета компьютер поставить, а купить не можем, хотя деньги и есть. Еще приходится «воевать» с общественным мнением. Некоторые говорят: вот, мол, Миронов — это наш комсомольский директор кооператива — собираются защищать деньги. И невдомек, что ребята решили: на зарплату по 300 рублей каждому, остальное — в комитет комсомола, в фонд помощи афганцам, в Детский фонд, на развитие базы досуга молодежи объединения.

Вот о досуге надо рассказать особо. Потому что есть тут один показательный примерчик. Ребята с шинного, живущие в общежитии, давно присматривались к застекленной пристройке, где располагались красный уголок и буфет. Ну о том, что в красный уголок с ряда-

ми стульев и столом, покрытым сукном, по вечерам ходили толпами «отдохнуть» за чтением общественно-политической литературы, говорить, конечно, не приходится. Пустовал красный уголок, это и ому понятно. Ничуть не больше привлекал и буфет — ассортимент там был тот еще...

И настал день, когда наиболее смелые и инициативные ребята решили наложить на все это хозяйство, а точнее, «бесхозяйство», свою лапу. Решили и пошли к генеральному директору. Когда они выложили перед ним свою идею насчет создания на площади, занимаемой красным уголком и буфетом, молодежного клуба (по стране как раз такие клубы стали расти, словно грибы после дождя), генеральный чуть со стула не свалился. В этот самый момент ребята разложили перед ним проект и смету перестройки всего помещения. «Ну,

допустим, — сказал генеральный, оправившись от легкого шока, — а кто за все это будет платить?» «Как кто? Объединение», — удивились, но не растерялись ребята и назвали кругленькую сумму. И вот тут генеральный оказался на высоте. Он взял смету и проект, еще раз все внимательно просмотрел и сказал: «Ладно. Половину того, что вы просите, я вам дам». Так были получены самые первые деньги. Две с половиной тысячи рублей.

Естественно, аппетиты у ребят разыгрывались, денег, как вскорее оказалось, надо на все это гораздо больше, но теперь уже им помогали все. И в том числе горком комсомола.

Приходится только удивляться человеческой энергии и расторопности, когда дело касается прекрасной идеи: Рустем Бикмуллин, первый секретарь горкома комсомола, чтобы

выбить для клуба музыкальный центр, поехал в Москву аж к самому В. Г. Захарову — министру культуры СССР. Но, прежде чем направиться в министерство, встретился с бывшим нижекамцем, ныне министром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР Н. В. Лемаевым. «Отношение к нам у него изумительное» — так отзываются о Николае Васильевиче земляки. Конечно, все, что нужно было для клуба, они получили.

— Как-то решили мы пригласить к себе «металлистов» со всего города, — рассказывает руководитель клуба Володя Колчин. — Думали, все и не вместится в наш зал. А их, оказывается, всего-то 55 человек. Ну, они как увидели, что мы тут сделали, так и отпали. Вот тут и бери их голыми руками, — смеется Володя.

Здесь надо отметить один существенный момент. Молодежный клуб сегодня — предприятие с точки зрения хозяйственной абсолютно невыгодное. Володя Колчин так и сказал: «Хозрасчет для культуры — это утопия. Он заставляет нас делать только деньги, и все. Это же гиблое дело — мы не с людьми работаем, а работаем на мероприятия». Причем, добавлю я, молодежный клуб и не обязан давать денежную прибыль. Его назначение — заботиться о том, чтобы молодым людям можно

было интересно и с пользой для духовного развития провести время.

В Нижнекамске денег на это не жалуют.

Значит, дело-то все-таки выгодное? Конечно.

— В городе сегодня уже 5 таких клубов, как у шинников, — рассказывает Рустем Бикмуллин. — И вот что интересно: сейчас нам не надо кланчить деньги у хозяйственников — сами дают. Среди генеральных директоров даже своеобразная конкуренция развилась, такая здоровая зависть: как это, дескать, у него есть клуб, а у меня нет?

Думаю, читателю ясно, что среди этих крупных хозяйственников не найдется ни одного, кто бы не умел считать деньги. Совсем даже наоборот. Умеют, да еще как! А вот на искусство, на красоту средств не жалуют. Потому что она, эта красота, выгодна еще и экономически. Сегодня красота становится, как это ни странно звучит, производительной силой.

Хотел было уже на этой положительной ноте закончить рассказ о культурном досуге молодежи Нижнекамска, да вспомнил беседу с Татьяной Андреевной Наговицкиной — секретарем горкома партии по идеологии. Вот о чем она с горечью говорила:

— У нас в городе растет поколение

Компьютеры и увлечений и работа.

Ира Каримова учится в Нефтехимическом техникуме.

На службу ратную...

Шины для «восьмерки». Их собирает Абузар Рахимуллин.

Город молодости строит молодью.

После рабочего дня в молодежном клубе объединяют «пульсы».

Каким будет завтра Нижнекамск? Это зависит и от них...

ребят, которые ни разу в жизни не были в театре, не слушали симфонического оркестра. Представляете, растет такой человек, оканчивает школу, идет учиться дальше, и я не уверена, что он когда-нибудь заинтересуется настоящим искусством. Потом он окончит институт и станет специалистом узкотехнической направленности. Таких, кстати, у нас в городе подавляющее большинство. Мы хотим создавать в городе здоровую нравственную атмосферу, и здесь вся надежда только на творческую интеллигенцию, а где ее взять? Вот серьезнейшая для нас проблема.

Да, молодому промышленному городу с населением в 180 тысяч человек крайне необходим свой театр, хотя бы ТЮЗ. Надо дать юным нижекамцам то, чего, по понятным при-

чинам, были лишены первостроители. Думаю, нарастающий рост правонарушений среди подростков на 45 процентов в этом году по сравнению с прошлым объясняется прежде всего низким уровнем их эстетических представлений, неразвитостью их вкуса, или, как мы это называем, «морально-культурным вакуумом». Хорошо известно: если подростку не знакомо чувство прекрасного, он становится черствым и грубым. И единственный надежный путь уберечь растущего человека от духовного оскудения — это приобщение его с детства к прекрасному. На этом экономить нельзя. Тут, я думаю, нижекамцам есть над чем подумать, поразмышлять, поломать голову.

Проблемы у города есть, и пробле-

мы нешуточные. Вот что говорят о них самые, пожалуй, непосредственные и беспристрастные нижекамцы — мальчишки из 13-й и 15-й средних школ.

Игорь Маргушов. Я здесь родился, и все мне здесь, конечно, дорого. Но я не могу сказать, что жить мне в городе интересно. Вечерами, бывает, совершенно нечего делать. Кафе закрывается в 8 вечера, после этого пойти уже некуда. Так и слоняемся по улицам. Но я скоро уеду: хочу быть военным летчиком, поэтому поеду поступать в летное училище.

Азат Фатыхов. Я коренной нижекамец. Сам город, его атмосфера, его трудовой ритм мне нравятся. Но с сожалением думаю о том, что придется с ним расстаться — собираюсь поступать в Одесскую мореходку.

Саша Павлов. Что-то мне нравится, а что-то нет. Иногда впадаю в уныние оттого, что некуда пойти. В дискотеку нас, школьников, не пускают, там все свои, завсегдатаи. Ну, а нам что остается? На скамеечках в парке сидеть?

Три высказывания. Три почти одинаковых мнения о городе, который в целом любим, а вот в частности... Так ли уж малы, незначительны эти частности? И разве они свидетельствуют только об утраченной или скорее еще не вызревшей социальной активности самих ребят и серости их будней? И каковы пути выхода из названных проблем? Думается, молодому городу и его руководителям есть тут из чего извлечь уроки. И пусть уроки эти будут стоить дорого, но ошибки-то ведь стоят еще дороже.

ЗА ЗАБОРОМ

С начальником Главного управления Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» Виталием Шевченко беседует наш корреспондент Наталья РОДИОНОВА.

...«Артек» начинается с забора. Каменного, громадного, ценою почти в полтора миллиона рублей.

...«Артек» — страна костров и песен, вечного мажора, где радуются, поют и танцуют все без исключения.

И вдруг «Я — против!» — первый крик из бастиона единодушия раздался год назад. Телевидение сообщило: на IX Всесоюзном пионерском слете произошло непредвиденное — ребята отказались принять подготовленную резолюцию.

— Что же случилось тогда, Виталий Николаевич?

— Мы, взрослые, оказались не готовы к той перемене, что произошла с ребятами. Привыкли, если диктует «за», значит, все — «за», если «против» — тоже единогласно.

...Днем, как и предполагалось, резолюцию слета обсудили в отрядах. Пионеры с чем-то согласились, с чем-то нет. Это были, может быть, не очень значительные, но все-таки их собственные соображения. А вечером по привычке формально резолюцию зачитали в первоначальном варианте. Только вот формально принять не вышло...

— Два года назад вы стали первым начальником «Артека», выбранным коллективом, победив почти три тысячи претендентов...

— Не совсем точно. Столько было желающих, а после отбора анкет в ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО, по инициативе которых был проведен конкурс, в «Артек» приехали 19 человек. Они и приняли участие в организационно-деятельностной игре, предшествовавшей выбору.

Неделю шла игра — напряженнейшая мозговая атака. В ней было задействовано несколько экспериментальных групп, люди и из «Артека», и со стороны — педагоги, медики, психологи, социологи... Потом нас осталось трое, и началась настоящая предвыборная кампания: каждый со своей программой «пошел в народ». Начались выборы.

— Какова же была ваша програм-

ма? — В первую очередь хотел решить социально-бытовые проблемы — жилье, снабжение, реконструкцию комплекса «Артека». С этими вопросами я неоднократно сталкивался на прежней работе и считал, что в силах их решить. Сюда пришел с должности заместителя председателя горисполкома в Навои. А до того семь лет работал мастером, начальником цеха, потом в горкоме и обкоме партии, позже окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС...

— Простите, а можно откровенно: зачем вам «Артек»?

— Не понаслышке знал о коррупции и упадке социальной системы в Узбекистане. И, честно говоря, уже не видел той реальной прослойки, которая смогла бы защитить социализм. А «Артек» — шанс. Я мечтал о демократической пионерской республике, чтобы дети перестали быть игрушкой в руках взрослых организаций. Ну, а идеология пионерской работы... Мне казалось, здесь все в порядке, все давно отработано.

— А с чем пришлось столкнуться?

Однако прервем разговор. Совершив небольшую экскурсию по «Артеку» и сразу удивимся... облупившейся штукатурке, отсутствию простейших фонтанчиков для воды, разбитым балюстрадам, малочисленности спортивных площадок, практически не оборудованным пляжам и... размаху монументального зодчества.

Громадный мемориал — Ленинская линейка — огромной тенью нависает над «Артеком». Это классический первертись всем нам памятных недавних лет — удобно, празднично тем, кто на трибуне, гостеприимно распахнулась гигантская диорама моря и гор, и... рукоплещущий народ. Только вот народу и трибун-то не разглядеть... Именно здесь проходил IX слет, с тех пор линейка пустует. Редкий пионер забежит сюда, пораженный размерами сооружения. Если бы он знал и цену — 3 миллиона 257 тысяч рублей! Столько же стоят путевки всех 27 тысяч детей, побывавших в «Артеке» за год!

А вот мрачная скульптурная группа с земным шаром в центре и силуэтами корпусов «Артека» на нем — памятник артековскому «опулизму», как наместливо величают его здесь. Стоимость «опулизма» — 185 тысяч рублей. Эта «забота о детях» оценена Государственной премией СССР.

— Сегодня «Артек» — это архитектурно-экологический хаос. Застройка велась чаще всего без учета живой среды Крымского побережья, а главное — без должного учета условий жизни детей в пионерском лагере. Например, во время учебного года «Артек» принимает почти 2 тысячи пионеров, а школа, оборудованная в приспособленном помещении, рассчитана всего на 800 человек, зал Дворца пионеров — на 300.

У нас нет ни одного помещения, где мы могли бы собраться всем педагогическим коллективом. Более половины кружков работает в полуподвальных помещениях. Не хватает спортивных площадок, библиотек. У лагеря «Алмазный» нет стадиона. На весь «Артек» всего один бассейн.

А жилые корпуса? В комнате по 12 коек. Для девочек на корпус один душ, мальчикам и этого не положено. Примерно то же самое с прочими житейскими удобствами.

Вопреки санитарным нормам плохо оборудован комбинат питания. Нет у нас изолятора для инфекционных больных. Медицинская служба — вообще разговор особый... 200 километров инженерных коммуникаций в аварийном состоянии. Вообще беда в том, что материально-техническая база лагеря формировалась без достаточного научного анализа и прогнозирования ее развития.

Поэтому сегодня потребовалась новая, единая концепция развития «Артека», и мы пригласили специалистов из Союза дизайнеров УССР. Все — от значка до кипариса, благоустройство территории, интерьеры, архитектура, визуальная информация — теперь в зоне их внимания. При этом, что особенно ценно, они не только разработчики, но и исполнители своей дизайн-программы, рассчитанной на много лет. Уже ведется реконструкция интерьеров. Так что планы большие, а вот что получится, неизвестно.

За последние 15 лет «Крымспецстрой» годовое задание выполнял лишь трижды. Не освоено свыше 10 миллионов рублей. А строить надо срочно и много, чтобы обеспечить «Артек» хотя бы самым необходимым. Вообще местные проектные и подрядные организации не балуют нас вниманием. В этом году мы так и не смогли разместить свой заказ на проектирование жилого дома в КрымНИИпроекте. Пришлось обращаться к услугам московского проектного кооператива.

Тяжелейшая проблема для нас — и снабжение строительными материалами. Стоимость основных фондов «Артека» — около 70 миллионов рублей. Только на поддержание их нужно почти полтора миллиона. Но наши заявки никогда не удовлетворяются полностью: то одного нет, то другого. А потом выясняется, что все можно найти... И мы находим. Только каким путем: обмениваем автобусы на пластик, пионеров — на металл...

— ?
— Скажем, объединение «Запорожсталь» могло бы дать нам металл, но в условиях хозрасчета оно резонно интересуется: а что получит взамен? У нас есть свой «конвертируемый рубль» — места для взрослых в нашей гостинице на 20—30 дней и путевки для пионеров...

— Значит, неприступная для непосвященных цитадель так легко открывается с черного хода?

— Да, получается, я торгую самой идеей «Артека» и вынужден продолжать это делать, чтобы обеспечить нормальную жизнь здравницы. Хозрасчет выбросил нас за борт хозяйственных интересов многих предприятий. Вот простой пример — артековская форма. Сегодняшней модели 18 лет. Летняя одежда еще кое-как смотрится. А посмотрите на зимнюю из обносившейся фланельки: сиротки, да и только!

Но швейным фабрикам невыгодно с нами связываться. Часть заказов после многочисленных поклонов разместили в Краснодаре, Темрюке, часть — так и не удалось. Вообще положение аховое: потребность лагеря в строительных материалах обеспечивается процентов на 50, мебели — на 60. Нет запчастей для автотранспорта. Практически не выделяются фонды на спорт-оборудование и инвентарь.

— Кто непосредственно вами руководит?

— В принципе Управление делами ЦК ВЛКСМ и Центральный совет ВПО. Но они, как и мы, «просители». Так не лучше ли предоставить нам право напрямую, без «инстанции» защищать свои заявки перед министерствами? «Артек» у нас один. Это — достояние страны. И разве не естественно, что государство должно защищать свою Всесоюзную пионерскую здравницу, заботиться о ней?

Или взять, к примеру, обеспечение ребят овощами, фруктами. Дело в том, что мы не включены в число потребителей общесоюзного фонда. Это мешает установить прямые договорные отношения с совхозами, и мы получаем капусту, огурцы, помидоры, различные фрукты, ягоды, что называется, второй свежести. А теперь вспомним решение, принятое Советом Народных Комиссаров еще в 1935 году: «Приравнять лагерь «Артек» по снабжению к санаториям повышенного типа». Не отмененное, оно почему-то забылось.

Крымская область — крупная курортная зона. Здесь достаточно отличных пансионатов с прекрасной финской мебелью, роскошными номерами, первоклассным питанием. Всесоюзная же пионерская здравница по уровню внимания со стороны властей Крымской области и обеспеченности занимает 8-е место после других санаториев. Почему все лучшее по-прежнему не детям?

Вот конкретные предложения: пусть возвратят нам отобранный в 60-е годы ближайший лес — «Дубраву», превращенный нынче в своеобразный «заповедник» для отдыха взрослых людей. Ведь дети не видят крымского леса, а он под боком...

Лагерь остро нуждается в самой передовой технике, оборудовании. Мальчишки и девчонки с удовольствием

идут в компьютерный кружок, а компьютеров-то раз-два и обчелся. Мы начали внедрять и нетрадиционные источники энергии — солнечные батареи, но и здесь нам нужна помощь... Почему бы не ввести такую практику, чтобы экспонаты с ВДНХ СССР, зачастую остающиеся без применения, привозить к нам? Пусть ребята знакомятся с новинками науки и техники!

В нынешних условиях «Артек» должен стать местом, где закладываются опорные структуры образа жизни и личной позиции человека будущего, — стержень нашей новой концепции, которую мы мучительно, на ощупь выстраиваем сегодня из осколков прежних надежд и сегодняшних противоречивых желаний...

А мне припомнились два ребячьих письма, присланных вожатым после артековской смены. «Я приехал в «Артек», чтобы отдохнуть, а не для того, чтобы научиться многому, — написал Эдик В. из Еревана. — А здесь происходило очень много лишнего, не применимого у меня дома... У нас во многом разные понятия. Например, вы говорите «пионер-активист», мы же говорим «пионер-дурачок». И я того же мнения... И еще: я считаю, что драться нужно. У нас невозможно прожить без умения драться. И я рад, что умею делать это. Вы не поймете меня, но того, что поймете, хватит, чтобы не считать меня хорошим».

И другое, поражающее чистотой и неэмоциональностью. Боря Б. из Пушино: «Артек» — это школа. И сейчас ощущается громадный духовный отрыв от остального. Мне здесь, дома, стало трудно общаться с друзьями, и вся реальная жизнь отталкивает возмущительно. Помнишь, Марина, ты рассказывала о мальчишке, который стал замкнутым после «Артека»? То же самое происходит и со мной».

— **Виталий Николаевич, вот такие письма. Что вы скажете?**

— Долгие годы мы воспитывали ребят по принципу того отца, что наказывал сыну: «Делай не то, что я делаю, а то, что я говорю». И воспитали фальшь. Для всех очевидно: существующая пионерская организация не удовлетворяет ни детей, ни взрослых. Нужна альтернатива. Я допускаю возможность отказа от форм и содержания, исчерпавших себя.

— **От каких традиций вы отказываетесь уже сегодня?**

— В первую очередь от нелепой заорганизованности, штампов, бессмысленных лозунгов, от показушности, «потемкинских деревень». Ведь было это, что скрывать, когда перед приездом сановного лица до двух часов ночи муштровали ребят... Точнее, пытаемся отказаться, но не всегда получается. Полностью отменили хождение строем, «речевки», ежедневное построение на линейку.

Кстати, в «Артеке» часто вспоминают об одном горьком и поучительном случае. Несколько лет назад приезжала к нам делегация детей из ФРГ — борцы с неофашизмом. Когда они пели «Интернационал», наши пионеры молчали — слов, кроме первого куплета, никто не знал. Зато сколько отчетов весомых о прекрасном интернациональном, коммунистическом воспитании...

В ходе деловой игры, что проводилась в марте, впервые за годы существования лагеря вопрос был поставлен драматично и определенно: «А нужен ли нам такой «Артек»? Сказка на один месяц, порождающая детское двоедушие?»

И посыпались предложения: нужны и старый «Артек», и новый — лаборатория пионерского движения. И даже «Анти-Артек», где неформалы будут жить так, как хотят, как привыкли жить.

Отчаянно фантазировали дети: «Хотим не отряды, а клубы», «Я хочу жить с настоящим актером», «А я с врачом!», «Школа на дирижабле! Зачем? А чтобы с уроков никто не сбегал...»

Многие взрослые бескомпромиссно настаивали на исключительно комплексном подходе, когда трое — педагог,

вожатый, врач — станут работать в одной упряжке.

Жизнь блеснула в этих идеях. И показались, рушится забор безразличия, карьеризма, фальши, за которым так легко оказалось спрятаться не только от критики, но и самой жизни. Забор, за которым сами дети стали дети кого-то средством к собственной сытой жизни.

Показалось...

Артековская смена почти четыре тысячи ребят. Сколько взрослых может понадобиться такому числу детворы? Оказывается, почти 3 тысячи. Не многовато ли? Интересно, сколько из них так или иначе соприкасаются с детьми? Меньше 500. Остальные — это обслуживающие службы и густой многозвенный аппарат.

— **Виталий Николаевич, давайте обратимся к строгой цифре. День пребывания пионера в лагере стоит 11 рублей 16 копеек. Из них на питание идет рубль девяносто... На одежду — 42 копейки, на учебно-воспитательные расходы (приобретение книг, учебников, культтоваров) — 12, на медицинские нужды — 6 копеек. Так истинно ли утверждение о том, что главная задача «Артека» — учебно-оздоровительная? Продолжим перечень расходов и выясним, что заработная плата сотрудников поглощает из бюджета ребенка 3 рубля 57 копеек. Арифметика незатейливая: один «каравай» печется для пионера, «два» — на поддержание взрослого. Так для кого же «Артек»?**

— «Артек» — это в самом деле целое государство. У нас 5 управлений, 20 отделов и подразделений. Своя милиция, автохозяйство, морской флот, радиостанция, школа, медслужба, свое строительство, жилой фонд, инженерные коммуникации, спортивные сооружения, банно-прачечный комбинат... Словом, самостоятельное натуральное хозяйство. Структура его, без сомнения, нуждается в оптимизации. Разрастание лагеря не оправдано. Вот сейчас проводим эксперимент: перевели лагерь «Лазурный» на хозрасчет. Быть может, здесь выход из тупика...

Взрослый «Артек» — пестрый калейдоскоп, как и положено государству, но коллективом единомышленников его назвать пока трудно. Руководитель астрономической лаборатории А. Д. Онищенко пишет не первую жалобу в газету, пишет совсем не потому, что прирожденный склочник, по натуре он прирожденный астроном. Пишет потому, что болит душа за «Артек» уже много лет и, кажется, не будет просвета. Пишет потому, что убежден: где-то, вероятно, возможны ошибки и слабости человеческие, только не в «Артеке». Человек с «двойным дном», с червоточиной, приспособленец не может работать с детьми.

— **Об этом горько говорить, но посмотрим правде в глаза: взрослый коллектив «Артека» нездоров. За последние годы в «Артеке» известны случаи пьянства и драк сотрудников. За тяжкие преступления осуждено несколько вожатых... Между тем, судя по числу увольнений, вы довольно терпимы, вы размышляете...**

— Уволить человека несложно. Но тут, как в любой замкнутом пространстве, сформировались непростые, своего рода коммунальные отношения. Прекрасная почва для правонарушений, как, впрочем, и для слухов, подкрепленная своеобразной психологией южного побережья. Часто действует эффект микроскопа, когда из мухи делают слона.

В каждом вопросе следует тщательно разобраться, отсеять шелуху. Я верю в этот коллектив. Здесь есть люди, с которыми работать — счастье. А отличное средство для осушения топкого болота сплетен — гласность. Коллектив должен знать, какую работу ведут его руководители, какую — каждое звено. Сейчас готовимся к выходу многотиражной газеты «Артековец»...

— **Я понимаю, кадровый вопрос — один из насущнейших...**

— Мы ищем яркие личности. Но могу

ли я пригласить кого-либо на работу, гарантируя нормальное житейское обустройство? Обратите внимание — у меня на столе целая куча штрафов за проживание без прописки двух сотрудников — начальника лагеря и главного архитектора. Местные власти не прописывают.

Буквально катастрофа — жилищная проблема: сотни семей годами стоят на очереди. За минувший год удалось ускорить строительство 173-квартирного дома, два корпуса которого скоро будут сданы, открыты два детских сада, организовать садово-огороднический кооператив. Я считаю, что надо обеспечить людям нормальные условия жизни прежде, чем рассчитывать на полноценную отдачу. Интересное предложение о строительстве в «Артеке» целого города получили от американского миллионера Гарри Кислевича, одержимого идеей создания прекрасных интернациональных маленьких городов дружбы, где все бы знали друг друга, где максимально удобно жило бы каждому. Но это пока планы...

— **А устраивает ли вас система подготовки вожатых? Почему столько людей, работающих в «Артеке», оказываются потом никому не нужными? Я слышала здесь такое страшное определение — «покаленные»...**

— Это вопрос действительно очень большой. За последние пять лет из 500 пионерских вожатых, работавших в «Артеке», лишь четвертая часть была трудоустроена комитетами комсомола.

Сейчас для реализации новой концепции «Артека» мы ищем кадры, умеющие решать творческие задачи. «В каждом ребенке сокрыт Моцарт. Надо только открыть его» — так, кажется, сказал Экзюпери. Я люблю эти слова. Но найти людей, способных на такое открытие, ох, как непросто.

В прошлом году мы объявили через «Комсомольскую правду» конкурс вожатых. Вроде бы нужное, полезное дело. Но в результате в число выбранных попали и те, кто просто желал провести время у моря. Сейчас мы решили: пусть начальники лагерей сами едут на места и подбирают нужных им людей — своих единомышленников. Вожатыми мы хотели бы видеть не только педагогов, но людей разных профессий, обязательно любящих детей, образованных, азартных...

И еще об одном хочу сказать. Жаль, что ученые у нас редкие гости. Ведь «Артек» — блестящий «полигон» для них. Вот сейчас готовится Пленум ЦК КПСС по международным отношениям. Заглянули бы ученые к нам, поблагодарили за детей: зеркало безупречное. Внимательные вожатые «ловили Нагорный Карабах» задолго до трагедии... Процессы, завалуированные в обществе взрослых и вскрывающиеся неожиданно и так болезненно для нас всех, отражаются в детском обществе особенно ярко, выпукло.

Вожатый рассказывал: «Ко мне зашел мальчик лет десяти, приехавший из Средней Азии: «Переведи меня в другой отряд, я дам тебе 100 рублей». Я опешил. А он не смутился: «Я знаю, ты начальник, а каждый начальник берет деньги». Вы смеетесь? Я тоже смеялся вначале...»

Сергей Лебедев, в прошлом инструктор Свердловского обкома ВЛКСМ, в «Артеке» пять лет, начальник лагеря «Лазурный»:

— **В прошлом году был в Томске, встретился с бывшими артековцами. Они говорят: да, «Артек» — это сказка. Спрашиваю: а пригодились ли то, что вы узнали у нас? Нет!..**

Пионерская организация нужна, но живая, настоящая. Мы хотим вернуть лучшие традиции «Артека» и переосмыслить их с учетом реальной ситуации в детском движении страны. И все-таки «Артек» последние лет мне нравится больше, чем прежде: его, во всяком случае, перестали называть тем, чем он никогда не был...

— **«Артек» — пионерская академия, вот уже 63 года — зеркало наших надежд. Но каких? Время мно-**

гое меняет. Вот оно высветило образ пионера-героя Павлика Морозова и заставило задуматься всех нас... Кстати, была ли в самом деле в «Артеке» целая смена детей, повторивших поступок Павлика?

— В наших архивах сохранились постановления ЦК ВЛКСМ 1934—1935 годов. Там сказано о направлении в «Артек» пионеров, проявивших образцы исключительной сознательности в охране социалистической собственности. Приводятся и фамилии детей, разоблачивших своих родителей. Таких было действительно немало.

— **А какова сегодня система отбора делегатов в «Артек»? Кто сегодня «герои»?**

— Из ЦК ВЛКСМ путевки направляются в обкомы, а затем в школы. Только до школ, увы, как показывает состав артековской дружины, «доходят» не все путевки, особенно летом и в международные смены. Вот была отличная задумка в этом году — экологическая смена. Приехали иностранцы — отчаянные бойцы экологического фронта, победители конкурсов, авторы лучших сочинений на экологические темы. А среди наших пионеров оказалось немало людей случайных. Не теми ли были присланы, что отлично усвоил лозунг: «Без лучше — моим детям!»

Однако даже если официально предусмотренный порядок соблюдается, то рекомендуются пионеры-активисты, чаще всего — пионеры «при должности», некоторые из которых и приезжают, чтобы получить «портфель» пионерской академии. Прямо-таки маленькие бюрократы-выдвиженцы.

Вредна и строгая разрядка: сколько отправлять детей с такой-то родительской зарплатой, а сколько с такой-то. При чем тут родители? Получается, что детей подгоняют под путевки.

Не функционеров, не пионерских активистов в прежнем понимании, а ребят творческих, ярко мыслящих хотим увидеть в «Артеке». Пусть здесь соберутся победители школьных олимпиад: физики или математики или юные артисты, художники. И «неформалы». Представляете, как им будет интересно! И нам... Но сегодняшняя система подбора делегатов не допускает такой возможности.

— **Виталий Николаевич, если я не ошибаюсь, еще в дни выборов, когда шли деловые игры, трое кандидатов, в том числе и вы, подписали приказы о прекращении строительства забора-миллионера, именуемого «объект режимная зона»...**

— Да, сооружение это симпатии у меня не вызывало: слишком дорогой памятник затратной экономике. Но дело в том, что мне, как директору, вмешиваться уже было поздно.

Что я мог? Что должен был сделать? Мог ли я сразу начать ломать?.. Ведь если ломать, то...

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, «Артек» — узел проблем. Экономических, организационных, педагогических, социальных... Как быть? Разрубить его сплеча, единым махом или не спеша, терпеливо распутывать?

Честно говоря, не знаем... Проблем внутренних и выходящих на государственный уровень у «Артека» много. Да, «Артеку» нужна помощь. Все это так. Но многое, очень многое зависит от тех, кто работает в «Артеке», и в первую очередь от его руководителей.

«Смена» ждет откликов, предложений от самих артековцев — бывших и нынешних, от пионеров, вожатых, партийных и хозяйственных руководителей, от комсомольских вожатов, от вас, дорогой читатель. Давайте вместе решать: каким быть «Артеку»? Что надо сделать — сейчас, сегодня! — чтобы «за шикарным забором» бурлила, обновлялась жизнь?

«Артек» у нас один. Он всенародное достояние. И забота о нем должна стать всенародной, государственной.

Сергей ШУВАЙНИКОВ

Все как наяву было: он стоит на высоком берегу реки и видит, что на противоположной стороне, сквозь дымку, зубцы соснового бора прорезаются, частоколом небо подтирают. Река бежит быстро, упруго, вода в ней темная и даже на вид холодная. Он вспомнил, что ему на тот берег надо, только зачем, не знает. Когда вниз взгляделся, то заметил: там старик у мостков с лодкой возится, цепью погромыхивает. Обрадовался: вот кто меня перевезет, не откажет, мил человек!

А старик, видно, на рыбалку сготовился, сети укладывает, пара «летучих мышей» поодаль стоит; время-то к вечеру, к ночи, самая сейчас и рыбалка.

Ощутил, что ноги, как у молодого, стали пружинистые; по откосу, по тропинке, спешно вниз сбежал, старик ведь каждую секунду отчалить может. Чем ближе к лодке подходил, тем яснее видел, что у старика вид какой-то странный, неясный. Седые волосы растрепаны, борода курчавится, лица вовсе не разглядеть; ни носа, ни глаз, будто все серое облако выело. А голос знакомым показался.

«Садись, перевезу» — и ничего больше не сказал. Вот и весла о воду стукнули, перед глазами пестрая рябь заскользила; вроде, как плывут они.

Старик, лица которого не разглядеть, яростно веслами бросает, шлепает, торопится; сгорают последние густки света, редкие звезды на небо высыпали.

Старик весла кинул, потянулся к «летучей мыши», поколдовал над ней, чиркнул спичкой, запалил. Фитиль трепыхнулся, и все вокруг залилось оранжевым светом; он еще удивился — первый раз такой причудливый фонарь видит. И тут услышал голос:

«А что, сынок, не узнал меня?» — и распрямился старик. Он отпрянул, чуть было за борт не вывалился, вздрогнул, съежился, еще раз на старика взглянул... Борода у того включилась, седые волосы дыбом встали, глаза как бельма пустые, а дрожащие жилистые руки к шее тянутся, к его шее...

Господи! Да это же дед Архип! Точно, он! «Узнаешь меня, сынок, узнаешь?» — и целится крючковатыми пальцами за кадык хватануть.

Болотная тошнота к горлу подступила, из последних сил дедовскую руку от себя оттолкнул и не удержался, в воду рухнул.

Холодная вода приняла легко, ничего не почувствовал, только с ужасом ощутил, что камнем на дно опускается. Желтая муть перед глазами поплыла, красные искры вспыхнули, ни рукой, ни ногой не шевельнуть... Ему крикнуть захотелось, и он кричит... Только пропал голос, ничего не слышно.

Весь мокрый, в испарине, он проснулся. Лежит и шевельнуться боится: не дай бог, все обратно вернется. Странным был сон и заладил через ночь повторяться. Он тяжело вздохнул, и тут же заныло сердце: будто кто-то грузный, с одышкой, принялся закручивать тиски на клапанах, так плотно, что не продохнуть... Казалось, еще малость крутнет, и не выдержит мотор, хрустнет, разлетится звенящими осколками.

На соседней кровати тяжело посапывала жена, и, казалось, от ее тела исходит жар; он задышался, не хватало воздуха, спасительной свежей струи. Кончики пальцев холодили, и он почти не ощущал их, тело оцепенело, и появилась жуткая мысль: это все — смерть.

Замученным, истерзанным криком из старческой груди вырвалось:

Сергей Швайников из тех, кто в известное, не столь отдаленное время имел массу неприятностей, слыл неуживчивым, неудобным. На этой почве у молодого человека многое в жизни и судьбе не клеилось. Одна неудача, другая, срыв сна и еще... и вот уже недвусмысленная слава скандалиста или хуже того — инакомыслящего. Лепили к нему несколько лет назад подобный ярлык те, кто спустя какое-то время сел на скамью подсудимых за взятки и другие злоупотребления служебным положением. Тогда Швайников победил (см. «Комсомольскую правду» от 05.09.82 г.). Максимализм, ясная гражданская позиция, однако, не всегда помогали Сергею. Бывали моменты полного непонимания со стороны самых, казалось бы, близких людей. В один из таких недобрых периодов Сергею Швайникову пришлось покинуть Литературный институт имени Горького, где он пытался бороться с «неуставными» отношениями, сложившимися между педагогом и некоторыми студентами. Ныне же Сергей Швайников известен крымчанам как автор фельетонов и статей в защиту природы и памятников истории Крыма и ведущий молодежной телевизионной передачи «Клуб туристов».

Свидетельством литературной состоятельности молодого автора являются и рассказы, присланные в «Смену». Пусть же в этом убедятся и читатели журнала. Пожелаем молодому автору творческих удач и неиссякаемой гражданской стойкости в борьбе с бездуховностью, успехов во всех добрых делах на благо всенародной нашей заботы, которая зовется «ПЕРЕСТРОЙКА».

Валерий МИТРОХИН

— Маша! Машенька!.. Проснись же, корова яловая! Бесформенная грудь на кровати качнулась, и глухой, словно непонимающий, голос спросил:

— Чиво ты? Сполюумел, что ли? Рань-то какая, зыркну на двор... Ей-богу, сполюумел.

— Да не трынди ты, плохо мне... Окно открой. Жена закричала, поднялась, уныло зашаркала ногами, подошла к окну; резко хлопнула форточка. Он пугливо вздрогнул. И тотчас волной вкатился сквозняк, выметая из комнаты дурное и нечистое, заполняя исподтишка под одеяло, покалывая руки и ноги. Последние капли ночного страха рассеялись, и пришло радостное облегчение: спасен, жив!

— Сколь тебе говорила, валерьянку пей... Ишь, воняет она ему. Форточку потом прикрой, застудишь меня!

Старуха еще долго скрипит жестяным голосом, долго ерзает, пока укладывается, а в нем возмущение, как накалил, поднялось: до чего ж вредная стала, стерва, прости господи...

Повернулся к окну лицом, а заснуть не может. Лежит с открытыми глазами и подмечает: за окном миллионы нитей тьмы соткали, фонарь стоит уличный, сиротливый, как выгоревшее пятно маячит. Но с ним хоть полегче немного: без желтой полоски света он сейчас бы как в липкой грязи валялся — темноты старик выносить не может.

В соседском дворе собачонка твякнула, спросонья, что ли? Подумал, сейчас собачий перебрех начнется, ан нет... По-прежнему глушь тихая. Отвернулся к стене, попытался заснуть, но опять сердце схватило... Похоже, без валерьянки ему из этой боли не выпутаться.

Как же он ненавидит эти пилюльки, капельки!.. Еще когда в госпитале валялся, медсестры чуть ли не силком таблетки в рот вживляли. Не хотел, отказывался от лекарств. Для себя он тогда твердо решил: если сейчас помереть суждено — такова, значит, судьба.

А что ему смерть? Он ее уже давно поджидает, только вот жутко умереть ночью, под утро; еще когда-то давно от матери слышал, что люди, дурно прожившие жизнь, под утро и умирают.

Как хорошо было, умри бы он тогда в госпитале: не было бы сейчас ни этих снов, ни смрадной темноты, ничего из прошлого, что мучительной болью изо дня в день в душе отзывается. Ведь просил же тогда бога: дай смерть, не терзай меня, а бог только усмехнулся едко и сказал: живи.

А зачем, зачем живи? Чтобы каждый день себя спрашивать: кто ты? Трус или мерзавец? Виновен или нет? А если виновен, то в чем вина?

Нет, не в чем мне каяться, я всю жизнь и так во искупление грехов жил: работал с утра до вечера, чужих подвигов не выдумывал, за красный стол не рвался, орденами не красовался, на инвалидность не напирал — негнувшуюся руку в карман прятал, шрам на спине от чужих глаз прикрывал... Так сколько же мне эту память носить, сколько мне от нее еще муки терпеть?

Последние годы как-то и думать забыл — все, мол, похоронил, — а оно ишь как вышло, в один момент ударило, прикурило, письмецом припечатало. Он тот день хорошо помнит, разве его забудешь? Он тогда по огороду возился, весенние хлопоты справлял. Жена и принесла конверт: держи, пишут тебе. Он сразу и не понял: от кого это? Почерк был детский, адрес написан с ошибкой, номер дома не его указан. Это уж почта-лонша постаралась: она всех, кто по их улице живет, в лицо и по фамилии знает.

Как-то не по себе стало, когда обратный адрес разглядел. Торопливо разорвал конверт, пробежал глазами косые ряды строчек: «Уважаемый... мы хотим сообщить... наша пионерская дружина шефствует над памятниками... разыскиваем родственников партизан... в братской могиле у Костенковского леса... в ответ на письмо узнали, что вы записаны ошибочно... нам сообщили, что вы живы... вас тяжело ранило, и после боя отправили самолетом на Большую землю... наградили орденом...»

Ноги как ватные стали, в груди что-то щелкнуло и по всему телу стремительно разлилась боль; показалось, что полетел в глубокую яму, еще за лопату схватился, она вывернулась и вместе с ним на грядку осела... И услышал, как кто-то громко зачитал: «Орденом наградили...»

Нет, не орденом, а вечной, адской мукой! Лучше бы он там, возле леса, под обелиском лег, чем в этой жизни терзаться... Нет, не орденом...

Старуха, приметив его, лежавшего на огородной грядке, шум и крик подняла, соседей попереполюшила, те неотложку вызвали, медики его в город отправили, в госпиталь для инвалидов войны.

...И почему он в госпитале не умер? Разве это жизнь, когда бессонными ночами доживаешь до предела и ожидаешь утра.

Старик тяжело поднялся и потянулся рукой к тумбочке, где стоял стакан с водой и флакон с валерьянкой.

Рассвет за окном только-только прорезаться начал, самая завязь его: выползло из-за бугра солнце, мазнули по небу серебристые полоски, все начало наливать цветом, обретать явственные очертания —

МАЛЫ

день себе дорогу расчищал.

И тогда он, высохший и бледный, с пресными глазами, подошел к окну и захлопнул форточку; жена и не пошехонулась, только слегка всхрипнула, и шевельнулось над ней одеяло.

Старик присел у подоконника, опустил голову на ладонь и снова к своим мыслям вернулся: сколько раз он хотел решиться, поехать туда, к лесу, в деревушку Костенки, найти тех, кто жив остался. Может, и дед Архип уцелел, кто знает, он старик крепкий, такие до ста дотягивают. А если не его, то хотя бы внуков деда увидит, Петьку и Федюшку, они-то живы остались... Найти их, прощения попросить... Хотя нет, за что просить? Не прощения просить, а рассказать правду, они ведь тоже люди, должны понять его, человек — существо слабое, со всяким случиться может... А что случиться? Никто ведь не знает, даже он сам, как оно все было... Значит, надо ехать, узнать правду, какой бы горькой она ни была...

А если не шальная пуля, если дед ее в спину пустил, то как тогда быть? Внуки все знают, и не

Рисунок Владимира ЗАЙЦЕВА

ЖИЖИЖ

резанул дремотную пустоту станции: вагоны со скрежетом дернулись, и зеленая гусеница состава поползла прочь. Он тяжело опустился на перевернутую корзину, и ему кошмарным сном вспомнилась ночь, проведенная в общем вагоне: дикие храпы хмельных мужиков на верхних полках, нестерпимый запах окисленного сырого угля, всхлипывание грудных младенцев, одурело бегавшая по вагону проводница с багровым лицом — все было отвратительно. В проходе висел смрадный туман, и, чтобы не задохнуться, он каждые полчаса выходил в тамбур.

Летняя ночь зябко холодила воздух, высохшие глаза оживали, и, чтобы как-то забыться, он утыкался в окно и на время заглушал боль. Мчался за окном черный ветер, бешеным галопом проносились искрящиеся табуны огней, рассыпались города, деревеньки. Иной раз ударом молнии вонзался во тьму встречный состав; с грохотом и напором, раздвигая тяжелой тушей пространство, давя с жестокостью земную плоть, он обрывался на последнем вагоне, и казалось, что не было его вовсе — из чего вышел, в то и сгинул.

Поспать не удалось. Немного прикорнул под утро, но опять непутевый сон приснился: один в пустой комнате, белые гладкие стены, нигде не видно дверей, даже щелочки не сыскать; только он с места сдвинулся, как стены начали падать, он даже зажмурился, ожидая чего-то страшного...

Хорошо, вагон тряхануло — и он очнулся, подумал с испугом: все ли так делает, нет ли ошибки какой? Может, напрасно с места сорвался? И мысль подобралась подленькая, на слабинку бьющая: выйти на первой станции и домой вернуться. Гори оно все синим пламенем! И так подохну, безо всего, без правды, без прощения, без исповеди! Кому оно все это нужно? Сколько ее осталось, жизни-то этой? Как-нибудь доживет, домучается, все равно все в земле гнить будем,

как те смертные, что до него были, что после будут. И согласился было: да, надо выйти. Но кто-то цепкий, словно следивший за ним сверху, заорал: «Стой, сукин сын! Куда ты?! Стой!»

Он этот голос сразу признал. Это дед Архип кричал, еще тогда, слова в спину летели; узнал, почувствовал их мгновенно, и все белым светом в памяти озарилось: он, растерянный и оглушенный, уронив автомат, с кровоточащей рукой, ничего не видя — ни трупов, ни деда с берданкой, побрел наугад, как слепой, а затем бегом к изгороди, к лесу... И тут он услышал крик, и за ним впилась в спину страшная боль, насквозь, через грудь; когда падал в зеленое марево, то увидел перед собой красную ягоду и удивился: зачем она?

Подлую мысль, что в вагоне пыталась ладиться — обратно вернуться, старик отогнал. Сказал себе: смотри, старый, возвернешься домой, не душой страдать будешь, а кровью изойдешь, как тварь последняя, и тогда нигде тебе покоя не будет, ничто не примет тебя — ни земля, ни бог.

Старик долго сидел на станции и все как в забытьи был; только глухо прогреготавший товарняк заставил его вздрогнуть и очнуться. Аукнулась долгая бессонница; тело будто в алюминиевую фольгу упаковали, веки словно песком присыпало, во рту привкус железистый, и слабость такая, хоть прямо у шпал ложись и уснул бы замертво.

Вокзал он как-то и не признал сразу; то ли туман, табачным дымом зависший, мешал, то ли представить не мог, где он. Показалось, что вышел на незнакомой станции, ошибся, переволновался, может, и проводница сдуру не там высадила.

Поднялся, подхватил корзину и вокруг огляделся; все поплыло как в забытой детской картинке: одноэтажное здание кирпичного вокзала, белая вывеска

только они... Тогда почему его в список на обелиске вписали? Может, сочли мертвым и простили?

Кто ее, эту правду, знает?

Столько лет сомнения в себе держал, людей боялся, шарахался от них, родной жене ничего не рассказывал. Но сколько же можно эту боль терпеть? Ведь не сегодня-завтра помереть может. И что тогда? Унесет в могилу свою тайну, свой грех — и не будет душе покоя ни на земле, ни на небе.

Обескровленными, сухими губами старик еле слышно прошептал: надо ехать. И словно светлый луч в окно заглянул: ехать! Ехать сегодня же, будить старуху, пусть костюм выходной достанет, съестное в корзинку соберет, поплачется на дорогу, попрочитает, поругается... Но ехать, обязательно ехать. Опасаясь раздумать, старик еще раз повторил эти слова шепотом и впервые за последние дни вздохнул облегченно.

Старик услышал, как лягнула металлическая дверь, и через несколько секунд пронзительный гудок

ВСЕ РАВНЫ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

с черными буквами и траурной каймой, запыленный сквер с чахлой зеленью, маячивший милиционер у билетной кассы — все как тогда, в предвоенные годы, словно и не менялось ничего.

А может, действительно ничего и не было? Пригрезилось все. Не было разъяренной трескотни выстрелов в Костенках, не было друзей, залитых кровью, не было оупляющей близости смерти. Не было той жалкой секундной вспышки, которая не убила его, а даровала пожизненное терзание. И тут же спросил себя: что тогда привело сюда, на забытую богом и людьми станцию?..

Старик заметил, что на него с пристрастием и подозрительностью поглядывает молодой страж порядка, покосились станционные рабочие, прошедшие рядом с кирками и лопатами, с любопытством взирают редкие пассажиры, ожидающие утренней электрички. Понял, что вызывает недоумение, и люди гадают, прикидывают: откуда этот старик в соломенной шляпе и с корзиной?

Он не спеша побрел вдоль путей, пытаясь припомнить, в какую ему сторону выходить. Где та дорога, что в Костенковский лес вела? И память, в которую теперь и верить трудно, подсказала: от районного центра до леса километров двадцать. Если идти вдоль железнодорожного полотна, то обязательно должен быть переезд. А через него та самая дорога и проходит.

Через несколько минут станция и вокзал остались позади. Над рельсами висела молочная туманная пелена; то ли не хотел день разгораться, то ли погода портилась, к дождю подгадывала. Прошло еще немного времени, и все укрылось синюшным светом, потеряло очертания.

Старик остановился возле зеленого холма; отсюда хорошо было видно пшеничное поле, и за ним фиолетовой тенью прорезался островок леса. Низко к земле обвисли тяжелые, серые облака, вдалеке проступили под ними бледно-синие полосы — где-то полоскал дождь, сюда подбирался.

До деревни самая малость осталась, перейти с этой стороны овражек — и все.

Тридцать лет он сюда добирался, сколько раз мысленно горячим лицом в траву падал, перед друзьями прощения просил, перед людьми исповедовался, и вот... он живой, деревня рядом, шаг ступи и придишь...

Но что это? Слово железные пути на ноги легли, тело свинцом налилось, сердце о себе напомнило: уколото, горячей волной к вискам поднялось.

Последние метры с надрывом давались; преследовали мысли, одна другой жестче, все внутри дергалось, и успокоиться не мог.

Когда овражек перешел и на один из его взлобков подниматься начал, последний раз подстегнул себя: плетись, старая развалина, не дрожи, носи свой крест!

Он хорошо помнил, что на околице изба тетки Федосьи должна быть. Она здесь жила, одинокая, сварливая. Всегда, когда партизаны на ночлег в деревне оставались, тетка норовила их парным молоком угостить — корову ей удалось сохранить чудом, в лесной сторожке ее спрятала.

И показалось ему, что сейчас он увидит тетку на крыльце, заметит она его, засуетится, поворчит для острастки и за холодным кувшином в сени побежит...

Медленно расступился кустарник, разошлись травы и... не оказалось дома, где жила тетка Федосья. Но ведь здесь же он был, здесь! Старика словно придавило — замер, остановился как вкопанный.

Ошалело стучало сердце, каждый удар в голову мучительно отзывался. Старик глаза протер: что за чертовщина!

Не было, не было деревеньки Костенки!

Ни одной избы не выглядывало, а вдоль опушки, где избы раньше тянулись, куда ни кинь взгляд, буйствовал малинник. Кусты разрослись плотно, густо, среди темно-изумрудных листьев высвечивали сочные ягоды...

Где же, где деревушка? Где люди?! К чему, к кому столько лет добирался?

И стало ему страшно.

В метрах ста от оврага увидел за синей оградкой серебристый памятник с пурпурной звездочкой.

Неслышными шагами подошел к нему, остановился, запестрили перед глазами слова: «Вечная память... зверски уничтоженным... партизанам... жителям...» Господи, они же все, все здесь... Друзья, дед Архип, внуки... он сам...

Ощутил, как качнулась под ногами земля, поплыл в сторону малинник, звенящей пустотой обрушилось небо — хлынул на зеленую плоть живительный дождь...

И вновь захлестнуло сердце смертельное чувство страха — один, совсем один-одиношенек остался, как тогда... ребята где-то поодаль отстреливались, те, кто еще жив был или ранен, а он, трусливо уронив автомат, отступил, сделал шаг в сторону и замер оцепенело: вспыхнула около перевернутого лукошка ярко-красная ягода и, алым светом разлившись, заградила дорогу...

Есть ли у жизни изнанка?

Демократичен ли

запретительный указ?

Правовое государство:

все за, кто же против?

Что может автор судебного

очерка?

Об этом размышляет писатель-

публицист

Аркадий ВАКСБЕРГ.

— Аркадий Иосифович! Если откровенно, никогда не было желания все бросить? Вы пишете, Щекочихин пишет, Борин пишет... Кому-то, конечно, от этого делается не очень хорошо, ну, а с кого-то как с гуся вода. Может, это закономерность? Вы захватили отрезок сталинского времени, помните хрущевскую оттепель, брежневское «солнцестояние». Не опускаются ли руки от этого круговорота, не иссякает ли вера — по большому счету — в справедливость, в социализм вообще? Древние говорили: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними...

— Убеждения, если это действительно убеждения, а не что-то наносное, не могут меняться. Что бы ни происходило. Я не могу расстаться с идеями социализма, которым глубоко предан и которые составляют суть моих убеждений. Но все дело в том, какое содержание мы вкладываем в это понятие. Если сталинский вариант общественного устройства и жизни народа мне предлагают как социализм, то я — антисоциалист. Но ведь антисоциалистом-то был именно Сталин! И поэтому все ужасы его правления ни в коей мере не могут меня ни в чем разубедить.

Помните, было время, когда модным стал термин «реальный социализм»? Фактически нам предложили: оставьте ваши умозрительные представления о социализме, вот социализм получился таким, кушайте его и считайтесь с ним, он реален, а все остальное — предмет вашего воображения, высосанный из пальца. Более страшной концепции трудно себе представить.

Социалистическая революция ставила перед собой великую цель, дорога к которой не могла быть прямой. Что-то надо было менять на ходу, от чего-то отказываться, постоянно искать, как это и делал Ленин. Но менять не концепцию, а средства достижения цели, если они оказываются неточными или ошибочными. А нам предложили отказаться от мечты, от замысла, объявили научную революционную концепцию ложной и пытались создать теоретическое обоснование той реальности, которую мы получили. Ужасающая попытка насилия над общественным развитием, надругательство над идеалом! Между тем я, например, не собираюсь отказываться от истинной идеи социализма, которая, если говорить очень простыми словами, состоит в том, чтобы людям жилось лучше. Если им живется хуже, то, реальный это социализм или нереальный, одинаково плохо и вообще к социализму не имеет никакого отношения. Революцию делали не для того, чтобы людям жилось хуже.

Бросить все — такая мысль могла прийти. Не будем говорить о высоких понятиях, спустимся на землю. От отчаяния — могла, если бы единственной и главной целью очеркист ставил перед собой решение какого-то конкретного вопроса. Например, наказать негодяя, злоупотребляющего своим положением. И вот бьешься, бьешься, а ему хоть бы хны. Раз не удалось, второй, двадцать второй, и — пропади все пропа-

дом!.. Но я не только не могу считать такую задачу неглавной — вообще задачей публициста. Это явное сужение функций печатного слова. Ведь речь идет о слове публицистическом, а не о критической заметке в газете под рубрикой «Острый сигнал» типа «Гниют овощи, потому что никто не покрыл крышу». Единственная цель этой заметки, чтобы крышу покрыли. Мне кажется, задача публицистики гораздо шире — формирование общественного мнения.

Речь идет не о конкретных личностях, скажем, Рашидова или Щелокова — о явлении. Большой отряд писателей, деятелей культуры, каждый из них в меру возможности, по крупицам формировал общественное мнение, пытаясь называть белое белым, а черное черным, старался заронить в душу человека понятие совести, которое было напрочь вытоптанно в эпоху, когда громко и навязывались лозунги, смысл которых в том, что не существует общечеловеческих ценностей, а нравственно лишь то, что выгодно сегодня определенному руководителю. А честные публицисты напоминали людям, что есть общечеловеческие нетленные ценности; это длилось годами. И в людях, у кого совесть не атрофировалась и в которых пробуждалась мысль, что так жить дальше нельзя, это оставляло определенный отпечаток. И когда я говорю о формировании общественного мнения, имею в виду не только тех, кто принял идеи перестройки, но и тех, кто их создал. Сегодняшние руководители спустились к нам не с Марса, а тоже жили в нашей среде, в партийно-государственном аппарате, поднимались по служебной лестнице. Тоже были воспитаны на этих идеях. Они тоже дети этой публицистической атаки на сознание и на совесть читательскую. Они ведь тоже читатели. Так что вера моя только укреплялась. Я ни разу не видел поражения, потому что, привлекли ли Медунова к уголовной ответственности или нет, для меня не это главное. Для меня была важной читательская почта — зеркало общественных настроений, позволяющее иметь обратную связь. Я вижу, как на протяжении десятилетия почта эволюционировала. Это вселяло и продолжает вселять уверенность и надежду. Поэтому самая главная задача состояла в пробуждении совести и освобождении мысли от догматических оков. А эта задача хоть и долгая, но всегда перспективная и порождает уныние никогда не могла.

— Но, на мой взгляд, для читателя свидетельством реального продвижения вперед является не столько то, что Ваксберг выступает с острой критической статьей, сколько именно конкретные результаты статьи: кого исключили из партии, кого посадили, от чего соответственно чище стал воздух.

— Думаю, вы правы. Доказательством движения должны служить вполне конкретные, зримые результаты. Но ведь они есть! Даже в той весьма болезненной сфере, о которой вы говорите. Пошатнулись очень многие кумиры, которые считались непогрешимыми, многие расстались со своими постами. Это повлекло за собой цепную реакцию, о которой мы, может быть, даже и не знаем: публиковать списки подтвержденных тем или иным санкциям — к этому еще печать не привыкла. Уже совершенно ясно, что невозможно существование двух юстиций — для избранных и неизбранных, равенство перед законом и судом все больше, хотя и не вполне еще становится реальностью. Но процесс этот проходит еще очень болезненно и далеко не всегда с желанными результатами. Это связано с отсутствием у нас правового государ-

ства, к строительству которого мы сейчас приступаем. Кстати, формула, которая существовала в тезисах конференции — завершить создание правового государства. — меня более чем насторожила: можно ли завершать то, что еще не начиналось? Это тоже дань перестраховочным традициям: как это так — начать? — даже подумать об этом страшно!.. Тем не менее это так.

— **Подумать действительно страшно. На 71-м году Советской власти впервые заговорили об этом. Ваше мнение: как же все-таки так случилось, что задумывалось государство правовым, причем гораздо более свободным, чем капиталистическое, а на деле получилось...**

— У меня ощущение, что об этом никто не думал. Ленин-то, конечно, задумывался, и если вы внимательно прочитаете его последние работы, то увидите, что хотя такого термина еще в ходу не было (понятие это в теории права уже существовало давно), но о том, с чем мы связываем понятие о правовом государстве, Ленин писал все время. О необходимости уважать законы, причем равно обязательные для всех, действовать только по закону, о необходимости выработать систему кодексов. Внимательно вчитайтесь в статью «О «двойном» подчинении и законности», по трагической иронии судьбы адресованную генсеку Сталину. Но тогда генсек имел другие функции, он был, в сущности, организационным секретарем. Ленин говорит там об азах правовой грамоты, которые должны войти в наше сознание.

Могло ли существовать правовое государство при том, что краеугольный камень юстиции, правосудия, вложенный Лениным, не стал фундаментом? Ленин выступал против двойного подчинения прокуратуры, которая призвана следить за соблюдением законов. Что произошло на практике? Формально всех прокуроров подчинили Москве. Зависимость от местных органов власти была упразднена. Но они все остались членами партии, состоящими на учете в местной партийной организации и таким образом зависящими от местных партийных органов, которым на местах принадлежит реальная власть. В итоге то, без чего правосудия и законности, как говорил Ленин, быть не может, продолжал существовать. Значит, или признаем, что Ленин ошибался, или немедленно освободим прокуратуру от этой зависимости. Но пока этот вопрос даже не поднимается! Правда, сделан шаг вперед. В решениях конференции внесено предложение, чтобы судьи и работники прокуратуры не избирались депутатами. Это очень важно! Но ведь была партийная конференция, а не сессия Верховного Совета, она могла бы решить ту часть вопросов, что относится к компетенции партийных органов. Вопрос о членстве и учете не технический, а сугубо практический и очень серьезный. Однако никто его не поднял.

Прокуратура и суд должны быть освобождены от этой зависимости, и надо прямо сказать: она порочна. Как порочна номенклатурная зависимость. Любой районный прокурор назначается приказом генерального прокурора, но он не может быть назначен без согласия райкома или обкома партии. У нас что, генеральный прокурор менее партийен, чем секретарь райкома? Или он председатель другой партии? Другой державы? Почему надо согласовывать с секретарем райкома? Это пережиток тех стереотипов, которые нам кажутся непогрешимыми и неустранимыми.

Думаю, если мы сейчас совершим все то, что предлагал Ленин в сфере построения правовой системы, это будут революционные преобразования. Ле-

нин, например, говорил, что нам нужен кодекс национальных отношений. Где он? Предлагаю внимательно прочитать Ленина по этому вопросу, не начитчески, не цитатно, не догматично, а в плане конкретных практических предложений, и пусть с опозданием почти на семьдесят лет, но наконец их реализовать. Давайте начнем с этого хотя бы. А там посмотрим.

— **Мы столько лет жили без правового государства, и многие хорошо жили, а сейчас решили: пора сделать так, чтобы и другим жилось хорошо. Выходит, кому-то было выгодно, чтобы правового государства у нас не было?**

— Конечно. Так даже вопрос не стоял. Правовое государство исключает абсолютную власть должностных лиц, а это не вязалось с той моделью, которую мы построили. Потому что каждый на своем месте говорил от имени партии, от имени общенародных интересов. Каждый говорил от имени и по поручению. А в правовом государстве это нелегально.

— **Даже появился такой термин — «веление времени».**

— Верно. Всегда было веление времени. Парифразом этого стало — «несвоевременно». За что ни возьмись — все несвоевременно. Когда время это подоспел — непонятно. «Сейчас не время...» А для демократии всегда есть время! Сейчас даже рубрики в газетах появились «Учимся демократии». Конечно, очень стыдно на 71-м году Советской власти начинать учиться демократии, но, как говорится, хорошему никогда учиться не поздно. Поэтому давайте начнем лучше на 71-м, чем на 72-м.

Вы говорите, кому-то было выгодно. Еще как! Бесправие остальных укрепляло их права. Однако во времена застоя было немало людей, занимавших разные посты, которые пытались оказывать сопротивление происходящим процессам, пытались бороться. В частности, тогдашний заместитель Генерального прокурора СССР Виктор Васильевич Найденов — пример для меня мужества и порядочности. При этом я не идеализирую его, я часто с ним спорил, многие его высказывания мне казались и кажутся ошибочными. Но мне важно главное. В пору, когда Медунов был невероятно силен, Найденов объявил бой медуновской мафии. И эта мафия с ним расправилась. Известно, как «вмешали» Сулова и Брежнев, как поведение Найденова было признано антипартийным, поскольку он возбудил уголовные дела и подписал санкции на арест различных партийных деятелей, не согласовав это с властителем края Медуновым. А тот даже не мог себе такого представить: его кадры кто-то трогает без его согласия! И он тут же объявил, что это попытка начать истребление партийных кадров. Найденов был ошельмован и низвергнут. Он мужественно, стойко держался до конца, дожидаясь лучших времен и добился восстановления справедливости, вернулся на прежнее место.

— **Он-то вернулся, Медунов вроде как низложен, но...**

— ...все материалы, которые были в распоряжении следствия, завершения не имеют. Да!.. Я совершенно случайно прикоснулся к крохотному отросточку этого могучего дерева, не подозревая, что это метастазы гигантской раковой опухоли. Меня просто поразило, что после А не сказано Б, что нити вдруг обрываются, что следствие себя почему-то ограничило рамками частной, маленькой истории, хотя видно, что она не частная и не маленькая. И те, кто опался за себя, прекрасно знали, куда эта история выводит, и никакого лишнего, неконтролируемого человека они

не хотели допускать. Проникнет слух, уж не говоря о печати... Им и в голову не приходило, что это можно напечатать: у них было убеждение, что все согласовывается с самым верхом. А уже в ту пору не все согласовывалось. Редактор многие вещи брал на себя. Или не брал. Согласовывал, и тогда ничего не выходило. Наши редакторы взяли на себя смелость и напечатали очерк «Ширма». Резонанс был огромный.

Небольшое отступление. Свою публицистику я делю на две части — до очерка «Баня» (1976 год) и после. Речь в очерке шла о том, как в Чебоксарах руководители строительного треста превратили городок для студенческих стройотрядов в свою базу для сладких утех и были пойманы с поличным. Я это узнал из читательского письма и, наивный, поехал и написал. История, как я туда ездил и что со мной было, — целый детектив. И как меня не допускали на суд, и какие делали звонки в редакцию с требованием меня убрать, и как член местного суда пытался меня спойти, чтобы сфотографировать и скомпрометировать, и как я поехал в жуткие морозы смотреть эту дачку и меня оставили там под присмотром собаки-волкодава, одного, на ледяном ветру... Когда очерк был положен на стол редактора, он сказал: спрячьте в сейф и никому не показывайте. Я тогда не понимал: почему, что такого тут написано? С горя взял отпуск на две недели и уехал под Ригу. А через несколько дней — телефонный звонок: немедленно приезжайте, очерк ставится в номер. Что произошло — до сих пор не знаю. Но публикация этой вещи для меня была рубежной. И, думаю, многих моих коллег вдохновила начать пробовать — очень робко, на очень низком сначала уровне — рассказывать под видом того, что речь идет о частных, отдельных случаях, о коррупции, злоупотреблении властью, прикарманивании государственных денег.

Та реакция, которую вызвал очерк «Баня», та боль, что была в читательских письмах, поток похожей информации из разных регионов страны, просьбы рассказывать об этом еще, то болезненное восприятие, с которым была встречена публикация в бюрократических кругах, международный резонанс (сообщение об этом очерке вышло во всех крупнейших газетах мира) — все это привело меня к убеждению, что нащупана болевая точка и тему эту надо развивать. Именно реакция на очерк открыла мне глаза, а сам факт публикации показал, что есть возможность сказать об этом открыто.

Прошло немного времени, и мы получили письмо из Чувашского отделения Союза писателей: «Просьба подтвердить или опровергнуть сообщение, сделанное инструктором обкома на открытом партсобрании Чувашской писательской организации о том, что Ваксберг арестован, а Чаковский снят с работы и исключен из партии». Думаю, комментировать это не надо...

— **А может сейчас повториться подобная ситуация — со звонками, волкодавами?..**

— Думаю, нет. Если же это станет реальностью, то будет означать такой поворот, такие глобальные трагические перемены, что тогда уже не имеет значения, что произойдет со мной, с вами, еще с кем-то из наших коллег. Если курс перестройки, гласности, демократического обновления будет продолжаться даже со всеми тормозами, действия которых мы наблюдаем сегодня то там, то здесь, — возвращение к старому будет невозможно. Общественная мысль уже перешла на иную качественную ступень, которая, как мне кажется, исключает возможность таких репрес-

сий по отношению к прессе, как бы ее ни ненавидели некоторые партийные или государственные работники, что они стремились продемонстрировать на XIX Всесоюзной партконференции. Эта дружная боязнь прессы и стремление задавить ее было самым печальным, что я вынес, и, думаю, не я один, из работы конференции. Сочетание замечательных планов и преобразований, которые там были сделаны, с таким неприятием — далеко не всех, разумеется, по отношению к прессе — значение времени. И, думаю, пока носители этих позиций будут находиться в партийном аппарате, ход перестройки будет медленным. Они будут громче всех кричать, называя себя сторонниками перестройки, и сильнее всех ее тормозить. Однако задавить прессу, думаю, им не удастся. Поезд ушел.

Что же касается сопротивления, которое нам, журналистам и писателям, оказывается пока, оно, наверное, не так скоро прекратится, как этого бы нам хотелось.

Помню, как в Сочи была заготовлена мощнейшая провокация: мне хотели подsunуть девицу, которую я якобы собирался изнасиловать. Слово «покушение» свидетельствовало о том, что эти люди очень ловко и тонко работали: боюсь, само изнасилование не прошло бы, и они понимали это, а вот покушение — в это, глядишь, и поверили бы, и это давало им силу. Концепция была такова: может быть, Ваксберг и неплохой журналист, он, наверное, с благородными целями приехал, но бес попутал; а он ведь сам говорил: закон один для всех; мы лично к нему ничего не имеем, но за содеянное надо отвечать... И мне сказал тогда Найденов: вы прекращайте понимать, мы не дадим с вами расправиться, но они достигнут главного — слухов: что-то было, репутация подмочена, а может, Ваксберг выплыл благодаря своим связям... Мне очень хотелось поехать и поставить эксперимент на себе, я был готов, знал заранее, где кого схватить: «Деточка, ваша карта бита!» Но решил, что эти очень заманчивые для журналиста радости отходят на второй план по сравнению с глобальными задачами; ставить на кон дело жизни не стоит.

— **А вы ехали писать о злоупотреблениях сочинской верхушки?**

— Отнюдь! Там снимался фильм по моему сценарию. Они каким-то образом узнали, что я должен приехать на два дня. Они готовили себе защиту на будущее, потому что мы продолжали заниматься Краснодарским краем, еще далеко не все было вскрыто, и в очерке об этом было сказано. Под Медуновым уже стул качался. К этому времени мы вышли на геленджикского секретаря райкома, на хостинских деятелей и т. д. Разные должностные лица стали попадать в сферу внимания. И эти люди ужасно боялись и всячески пытались дискредитировать меня: тогда бы и очерк «Ширма» был дискредитирован.

В некоторых случаях удавалось помешать публикации очерков. Так, например, секретарь ЦК партии Туркмении — забыл фамилию этой женщины — помешала публикации очень серьезного очерка, разоблачившего туркменскую мафию. Она позвонила в редакторат и сказала: «Центральный Комитет решительно против». Времена были другие, и очерк не вышел. Хотя в то время он мог бы сыграть серьезную роль: мы нащупали выходы на ужасающие дела — полная круговая порука, неслыханные приписки, спекуляция машинами. Были замешаны министры, ректоры вузов, и все это сопряжено с убийством (убрали человека, который слишком много знал).

После некоторых публикаций у меня были большие неприятности. Например,

Если открыть фрамугу, го-
стиничный номер тотчас за-
полнит густой гул прибора.
Балтика рядом, в двухстах
метрах...

Вспоминаю детство, ко-
гда пропуском в школу слу-
жила ложка золотистого
рыбьего жира. На рыбьем жире и вы-
росли. А вот дети наши уже его —
витаминного, натурального — не по-
лучат. Разве что дети наших детей,
если всерьез возьмутся исправлять
наши ошибки.

Позднее прозрение: в море, в его
придонных лесах и рощах, на песках
и в горных разломах, скрытно от глаз
землян идет вторая жизнь планеты.

Вторая? А может быть, первая?..

От здоровья Мирового океана не
зависит ли и наше здоровье? За по-
следние сорок лет стало ясно: все
губительные для жизни отходы
НТР — химические, радиоактивные,
другие, — сброшенные или вымытые
реками в море, как бумеранг возвра-
щаются нам непредсказуемыми ат-
мосферными и океаническими ката-
клизмами, нарушением экосистем,
исчезновением, изъятием из кормо-
вых цепочек многих видов животных
и растений, поломкой хромосом, му-
тациями.

Конечно, экосистемы имеют много-
кратный запас прочности и перспек-
тивную приспособляемость. И чело-
век уже помогает океану: создает до-
рогостоящие очистные сооружения,
замкнутые технологические циклы,
изыскивает чистые виды энергии, но-
вые материалы, развивает марикуль-
туру... А морская нива подкармлива-
ет и будет подкармливать людей:
к 2000 году половину белка животного
происхождения даст нам море.

Однако... Объем поступающих
в Океан бытовых и хозяйственных
отбросов растет в десять раз бы-
стрее, чем численность народонасе-
ления. Энергетический, промышлен-
ный голод толкает нас к разработке
богатств морского дна со всеми вы-
текающими на поверхность послед-
ствиями нефтяного и прочего за-
грязнений; гибелью фитопланкто-
на — мощнейшего поставщика атмо-
сферного кислорода.

Хватит ли у человека сил и разума
остановить антропогенное воздей-
ствие на океан? Мы еще малодей-
тельны в этом, технически слабо
вооружены, а главное — безобразно
плохо, никудышно информированы.
Ведь даже шельф океана, обладаю-
щий наиболее высокой биологиче-
ской продуктивностью и по своей

площади равный поверхности Луны,
мы, увы, знаем куда хуже, чем по-
верхность нашего небесного спутни-
ка. А только на шельфе Союза можно
выращивать 900 тысяч тонн рыбы,
850 — моллюсков, 800 — водорос-
лей. Но пока это еще малопродуктив-
ная, ученическая деятельность.

Азбучность взаимоотношений
с водной средой должна выйти за
пределы научных учреждений, быть
осознанной всеми начиная со
школьной скамьи. А аккуратность,
рачительность в обращении с морем
стать естественной. Мы стараемся
помочь в этом...

Мы никогда не говорим о себе
«я» — никто из нас в одиночку под
воду не уходит и никто в одиночку
фильма не создаст. Мы объединяем-
ся в своем стремлении выдавать по-
сильную информацию о жизни моря.
В Эстонской ССР нас собрал 2-й Все-
союзный фестиваль любительских
подводных фильмов и фотографий
«Морская звезда».

Мы — это 260 человек из 56 горо-
дов Союза от Черного моря до Бело-
го, от Балтики до Тихого океана.
Мы — люди разных национально-
стей, профессий и возрастов. В ос-
новном молодежь, ведь нам надо
иметь водолазное здоровье. 260 —

**ВЗГЛЯД НА
ОКЕАН
ТО**

это лишь малая верхушка «айсберга» наших единомышленников, тех, кто в свободное от основной работы время, за свой счет, на свой страх и риск, но, любовно упрятав в самодельный бокс кино или фотосъемочную аппаратуру, уходит в толщу воды, чтобы оттуда взглянуть на солнечный свет.

Мы не только наблюдаем и восхищаемся асцетизмом «второй» жизни планеты, но и знаем, как выращивать капусту и мидий, создавать искусственные нерестилища, щадящие орудия лова и мини-подводки для научных изысканий. Спасаем тонущих, дружим с рыбами и осьминогами, оберегаем подводный мир от браконьеров и воров археологических ценностей, возвращаем миру реликвии Великой Отечественной...

Нет, не единой экзотики ради спускаемся под воду, а чтобы узнать то, что неведомо подавляющему большинству. Раньше других видны умирание шельфа, рек, озер, гибель водохранилищ... Мы — общественные корреспонденты, наблюдающие море изнутри. Нас можно считать «неформалами». Никто не вменял нам в обязанность нынешнюю социальную функцию. Это наша гражданская позиция.

...Скалы Баренцева моря. Птичьи базары. Чайки, крачки ищут в море свою еду, рыбку мойву. Заглянем вместе с ними ниже уровня воды... Там нет больше серебристой рыбки. Человек выбрал всю. Сетями-«ишкочками»? Насосами? Или потравил ядовитыми отходами? Для птиц это не имеет значения. Они уже не улетают от кинокамеры. Обессиленные голодом, уходят, волоча по камням крылья. Уходят от нас и от своих гнезд, где пробиравшийся к свету птенец делает первый шаг к морю, чтобы угаснуть. Частный случай? Если бы так...

Трутся у бетонных перекрытий «великих строек» обессиленные рыбы стада. Они не в состоянии проплыть к нерестилищам. Сбрасывают в засоленную воду икру, которая не станет рыбой.

...Ухожу под воду. Сгущаются сумерки — плотная давящая синева обступает меня. Переворачиваюсь на спину, ловлю, как далекое эхо, золотистый блик замного утра.

И с надеждой думаю о прозрачности морских просторов, о том солнечном свете, что войдет в нашу жизнь с океанского дна, высветит ее, вдохнет в нас новые силы.

Будет ли так?

А СОЛНЦЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
К НАМ ИЗ ВОДЫ

Платон НАБОКОВ
Фото Сергея ГЛУЩЕНКО и
Вячеслава МАДИЕВСКОГО

в 1979 году, после очерка «Вешние воды» — о том, как во Владимирской области перепилась вся деревня и сдохли сотни брошенных, ненакормленных коров. Несколько первых секретарей обкомов в тот же день стали звонить главному редактору: «Вы у нас вызовете голодные бунты! Нам людей кормить нечем, а вы рассказываете, как у нас дохнет скот!» Хотя их убеждали, что это частный случай, но в разгороворах не на публику они были не демагогами, наоборот, сами говорили: «Перестаньте заниматься демагогией, вы прекрасно знаете, что это каждый может отнестись на свой счет!» И мне грозили очень большие неприятности. Опровергнуть факты никто не мог, но мог возникнуть вопрос: зачем все это написано? С какой целью? Вы что, не знаете, что у нас сложно с Продовольственной программой? Зачем будоражить народ?.. В редакции уже готовилась заметка, смягчающая очерк, но тут случилось что-то непредвиденное. В пятницу еще писали это амортизирующее сочинение, а в понедельник редактор сказал, что оно уже никому не нужно. Оказывается, в субботу созвали во Владимире партхозактив, который признал, что все написанное правильно, всех наказал и принял надлежащие меры. А мы в ближайшем номере об этом сообщили читателям.

— Аркадий Иосифович, а вам не приходилось встречаться с героями своих очерков, которых после ваших публикаций наказали, но не так сильно, как следовало бы? Не усмехались ли они по этому поводу, демонстрируя свою непоколебимость?

— Бывало всякое, но цинизма такого они старались не показывать. Играть с огнем им не хотелось даже тогда, в годы застоя. Но, думаю, возможность таких встреч существует и сегодня. Вот опубликовал я не так давно очерк «Кость мамонта» — о Целокове и его потомстве, ну и что вы думаете, это оказалось какое-то влияние на потомство? Ни малейшего! Чувствуя, что защита есть, не все еще ушли, они живут, как ни в чем не бывало. Моя пьеса «Верховный суд» заканчивается фразой, которая вызвала в театре горький, обрывающийся смех. Герой этого типа говорил, уходя со сцены, своему антиподу: «Еще не все на пенсии, мой милый...» Пьеса была написана и поставлена в самом начале перестройки — два с половиной года назад. И мне говорили: пьеса устаревает на корню — фраза уже не звучит. А я думаю, звучит! И сегодня даже еще острее. Потому что речь идет не о конкретных больших людях, а о целом социальном слое (и он не обязательно пенсионного возраста). Так что действительно еще не все на пенсии, и они воюют и будут воевать, используя все наши лозунги. Поэтому я еще жду их циничных уверений, что их ничто не возьмет.

— В последнее время стали возникать разговоры вокруг прессы: не слишком ли много критических публикаций, надо ли уж так дотошно «помять старое», не лучше ли ограничить гласность «в разумных пределах»...

— Тема соотношения позитивного и негативного изрядно уже поднадоела, но она жива, рецидивы ее все время наблюдаем. Социализм должен побеждать силой своего существования, убежденностью и правотой, а не боязнь подвергнуться критике. Как только он боится подвергнуться критике, он демонстрирует свою слабость. Никакой критики социализм бояться не должен! Он ответит на нее и словами, и делами. Социализму не критика нанесет вред, а запретительство, боязнь света.

Но ведь люди, проводящие в жизнь идеи гласности, перестройки, родились тоже не вчера. Они тоже несут на себе противоречивые черты прошлого, и у них тоже есть свои слабости, пережитки, догмы. Это печально, но нормально. Когда мы видим, что и в них

продолжают действовать пережитки старых представлений, на это надо указывать, а не считать, что они изрекли непререкаемую мудрость в последней инстанции. Не соглашаться, а высказывать свои мысли. Этому надо научиться. Так что, я полагаю, идет нормальный процесс борьбы самих с собой. И когда мы говорим: будем строить правовое государство, имеем в виду, что будем бороться за эту идею. Ведь те, кого устраивало прошлое, без борьбы не отступят, права свои просто так не отдадут. И чем большей властью они располагают, тем жарче будет схватка.

Но какой бы пост ни занимал нарушивший закон, правовое государство не может позволить себе, чтобы вопрос о предании его суду решался в партийных или советских органах. Это функция не их, а прокуратуры, которая должна выполнять то, что записано в законе. А прокуратура вместо самостоятельного решения вопроса о том, кого из высокопоставленных людей привлекать, а кого нет, ждет указаний. А вот Найденов не ждал, он решал. Не потому ли не был привлечен к ответственности Медунов, что не поступило на этот счет указаний свыше? Нет доказательств его вины? Даже «только» в злоупотреблениях? Но могут ли они быть, если дело не возбуждалось, если доказательств не искали, не собирали?

Но меня еще больше тревожит другое. Хорошо, не привлекли, так сообщите, почему, пусть все знают, несмотря на предпринятые усилия, из-за нашего разгильдяйства, непрофессионализма, равнодушия, чьего-то сопротивления, в силу объективных причин мы не смогли собрать доказательств, вопрос снят. В таком случае, нравится нам или не нравится, у нас есть информация. Но мы ее не имеем! И задаемся вопросом: в чем же дело? Хорошо, не предали суду, но вот я получаю сотни писем из Краснодара, где спрашивают: ведь есть вещи бесспорные — по официальным сообщениям, Медунов выведен из состава ЦК за злоупотребления служебным положением, возникает вопрос: может ли его имя золотыми буквами быть вытисненным на обелиске, который до сих пор стоит в центре Краснодара? «Литературная газета» опубликовала одно из таких писем. Ни ответа, ни привета. В Краснодаре то и дело замазывают это имя белой, черной краской, но кто-то по ночам восстанавливает все золотыми буквами! Вот и хочется понять: что это значит? Проведем эксперимент на лабораторном столе и решим только один этот вопрос. Причем я, как юрист, верный презумпции невиновности, не смею сказать, что Медунов — преступник: нет такого решения суда. Но пусть сообщат, что все обвинения отвергнуты, и мы немедленно перестанем этот вопрос обсуждать, если компетентные органы в надлежащем порядке, с соблюдением всех процессуальных правил нас убедят.

Или еще к вопросу о правовом государстве. Что означает Указ Президиума Верховного Совета об отмене того пункта предыдущего Указа, который предусматривал возведение бюста Рашидова на родине героя? Во-первых, этот, второй, Указ противоречит действовавшему тогда закону: нельзя отменить второй пункт без отмены первого (установление бюста есть автоматическое следствие присуждения второй Золотой Звезды). Я думаю, ясно, что этот Указ может быть правомерен лишь в том случае, если будет изменен закон, установивший неразрывную связь между награждением и возведением бюста.*

Итак, мы имеем сегодня не исключенного посмертно из партии Рашидова (во всяком случае, об исключении нигде публично не сказано). Судить его нельзя: по закону, смерть влечет за

собой прекращение уголовного преследования. Но исключить-то из партии Устав КПСС не препятствует! Отмена Указа о награждении допустима, но никто его не отменил. И возникает парадоксальная ситуация. Мы сообщаем: Рашидов — во главе мафии. Почему же? Он дважды Герой Социалистического Труда, член Союза писателей, ветеран партии. Какой же он руководитель мафии? Вот эта непоследовательность, боязнь все довести по закону и здравому смыслу до конца отражает существование двух противоборствующих сил, которые живут пока вместе, плечом к плечу: с одной стороны — обнажение правды, с другой — опасение довести все это до логического завершения.

Приходят сотни писем о городе Жданове и т. д. Вносятся конкретные предложения граждан. Если они несправедливы, отвергните их! Нет, их никто не отвергает! И создается ощущение, что люди впустую болтают. И подобное происходит по самым разным вопросам. Вы спрашиваете: приводит ли это меня в отчаяние? Нет, только мобилизует! Значит, надо долбить дальше, пробуждая в людях понимание того, что все должно доводиться до логического конца, должны существовать законные процедуры рассмотрения требований печати, граждан.

Я жду очень многого от закона о печати. И тем, что он задержался, очень доволен. Могу себе представить, каким бы он был, если бы его приняли пораньше. Он состоял бы из такого количества оговорок!.. Боюсь, и сейчас-то эта опасность еще полностью не исчезла.

Думаю, закон о печати, если он будет демократическим образом готовиться, учтет все пожелания и народа, и профессионалов и будет приниматься гласно, он должен все предусмотреть, и что делать, в частности, с предложениями граждан и печати. Ведь если пресса вносит предложения, значит, должна быть реакция, должна существовать процедура рассмотрения их. Пока ничего этого нет. Потому мы и имеем целый ряд одиозных личностей, о которых уже так много написано, а результатов нет.

...Так уж получилось, что начинать борьбу за позитивное в нашей жизни нужно с отрицания и преодоления негативного. Потому что на том хаосе и деформациях, которых накопилось так много, не расчищая площадку, ничего путного построить невозможно. Поскольку по образованию — юристическому — и по прошлой деятельности я был связан с тем, что почему-то называли изнанкой жизни, и в публицистике я занимаюсь именно этим. Я юрист, а юрист занимается не вершинами и взлетами человеческого духа — его падением. Я тут употребил слово «изнанка»: это не просто порочное выражение, а система взглядов. По мнению тех, кто любил пользоваться этим термином, была какая-то жизнь, и была ее обратная сторона. Но у жизни нет обратных сторон! Жизнь — это все стороны, вместе взятые, в их сложном многообразии, в единстве противоречий. Мне не просто не нравится термин, не нравится концепция. «Пишите о хорошем». Что это значит? «И забудьте о плохом». Но это же невозможно! Равно как писать о плохом и забыть о хорошем. Писать надо правду жизни. И позитивный герой — это мысль, идея, ради которой все и пишется.

Это теперь никого не удивит описанием негативного в нашей жизни, а когда-то надо было пробовать и утверждать право на это, доказывать, что честное отражение реальности, какой бы неприглядной она ни была, нужно для нашего движения вперед, а вовсе не для того, чтобы «посмаковать», как нам любил говорить. И я счастлив, что сегодня выступаю не партизаном или бунтарем, а рядовым бойцом этого мощного движения.

* Материал был подготовлен к печати до выхода в свет Постановления Президиума Верховного Совета СССР «О совершенствовании порядка награждения государственных наградами СССР».

"У МЛА"

Иван САВЕЛЬЕВ

О НЕМ

Да, он на бога был похож.
Я жил, пред НИМ благоговей...
Но если лжет народу вождь —
Он превращается в лигмю.

И пусть страшны его дела,
Еще страшней, что в день
скорбящий,

Когда толпа к нему текла,
Скорбь настоящею была,
А он-то был не настоящий...

НЕ ИСЧЕЗНЕТ СО МНОЮ...

Я на этой земле не какой-нибудь
гость.

Все, что выстрадал я,
не исчезнет со мною,
У меня за спиной —
Холм-Жирковский

погост
И могила отца — за мою спиной.
Мне в защиту не скажут
спасительных слов,

Даже если живу на пределе,
на нервах, —
Среди важных персон нет моих
земляков,
Все мои земляки — на полях
да на фермах.

Потому не страшусь
перед тьмою стоять,
Что тылы до окончания дней
обеспечены, —

И меня не убить и не снять,
Не сослать!
А на выезд решусь —
так не дальше Смоленщины.

Там как шлемы — холмы.
И как пики — леса.
Там березы стоят, как медсестры
запаса.

Там — передний мой край. Там —
моя полоса
Обороны —
до самого смертного часа.

БАЛЛАДА О ГЛУПОСТИ

От мудрости никто не умирал,
Хоть не в чести бывает временами...
И воздвигалась хитрыми дельцами
Посредственность не раз

на пьедестал.
А мудрость где-то в стороне была
И издали спокойно наблюдала,
Как глупость жезл авессильный
поднимала

И в пропасть современников вела.
Она кричала:
— Я мудрее всех

И потому грядущее провижу!.. —
Она глала бездарно и бесстыже
И праздновала ложный свой успех.
И ей уже поверить был готов
Завязатый скептик, как она —

представьте! —
Отчалила в прекрасный из миров,
Не увидев предсказанного завтра.
Она ушла: ведь человек не бог.

И среди льстецов возникла суматоха.
И не было смешней переполоха,
Чем тот смертельный их переполох.
Так вместе с ней келейная звезда
Ее льстецов внезапно закатилась...
И лишь народ работал, как всегда,
Как будто ничего и не случилось...

РУКИ ЖЕСТОКОЕ ЛИЦО"

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

В слепом столетии двадцатом,
 Душою так и не прозрев,
 Зачем мы разбудили атом,
 Все опасения презрев?

Из-за куста не видя леса,
 Забыли в радостном пути,
 Что люди впереди прогресса,
 Чтоб жить, обязаны идти.

Везде — на море и на суше —
 Встают предвестники Беды.
 И все тамней блуждают души
 В чащобе вековой вражды.

И у Земли, что, обессилев,
 Не видит света впереди,
 Одна надежда на Россию,
 Последняя. Не подведи...

А ВАМ-ТО ЧТО?

...И вырастим — погибнут урожаи.
 А завтра снова будет недород.
 А вам-то что? Для вас земля — чужая.
 И хлеб для вас — он в булочных растет.
 А вам-то что? Вы купите на рынке
 Картошку, огурчик и укроп...
 А у меня на родине, в глубинке,
 Последний пахарь молча смотрит в гроб.
 В борьбе со злом свои извел он силы.
 Десятилетия бьет его озноб.
 И ветка вербы ляжет на могилу,
 И почва, выбитая из-под ног...

ЛИЦО ЛИРИКИ

У лирики жестокое лицо.
 Полынное. С морщинами ущелий.
 И обручальное ее кольцо
 Мы носим, смутно достигая цели.
 О лирика, ты тяжело идешь
 По Родине, что вся пришла
 в движенье.
 И все твои надежды и сомненья
 Волнуют сердце, словно ветер —
 рожь.
 Так проходи без позы и утех
 По всем сердцам,
 уставшим верить слову,
 Чтобы твоя нежнейшая суровость
 Вселяла в них надежду на успех...

ПЕРЕСТРОИЛИСЬ...

Страждущим — исполать!
 Стонет
 поденщик
 хмуро:
 «Стало трудно писать —
 Верните назад цензуру!...»
 В кресле начальник мой
 Думает ежеминутно:
 «Верните назад покой —
 Очень уж неуютно...»
 Демократический взгляд
 Приклеив — в стихах и прозе! —
 Зябдлейший бюрократ
 Бюрократизм разносит.
 Новый
 веда
 посев,
 Прокляли день вчерашний,—
 Так
 «перестроились» все —
 За перестройку страшно...

Николай ШУМАКОВ

КТО ТАМ?..

Кто там прячется за шторами
 В лакированной машине?
 Может быть, борец с застоями
 В физике и в медицине?!

Может, это новый Данте,
 Враг неправды и елеса?!
 Нет!
 Он пишет вирши к датам
 И доклады к юбилеям...

■
 Люди жилы, ишача, рвут —
 Ни до рока, ни до романса...
 Полунищими в мире живут
 От полочки и до аванса.

И, надеясь на лучшее, ждут —
 Цены «выравнивать» обещают.
 Люди новые к власти придут,
 Значит, «массы» не обнищают.

Свежим ветром закат продут —
 Обнадеженно дышит природа.
 Может быть, и до нас снизойдут
 Незакатные слуги народа.

«О ПЕРЕСТРОИВШИХСЯ»...

Все мы задним умом богаты...
 Но, товарищ, вокруг погляди —
 Словоблуды и плутократы
 Ведь повсюду опять впереди!

...Мы забудем то время едва ли,
 Время кривды, елейных прикрас.
 Те, кто рты всем тогда закрывали,
 Не дают им пути и сейчас.

Нет, лакеи всегда не умнеют.
 Им бы только от сытости ржать...
 Просто льстить гениально умеют
 Да хозяйевам пятки лизать.

Угождать их влиятельным женам,
 Тех нетрудно лжецам обдурить,
 Да алмазы наследным пижонам
 В дни рожденья с улыбкой дарить.

А лакей, он догадлив и ловок,
 Если «шеф» говорит невпопад...
 И отсюда — приписанный хлопок,
 И отсюда же — лжезвездопад...

Поднимите из пыли подшивки,
 Все увидите наяву!
 И поэтому люди-фальшивки,
 Процветая, у власти живут.

Все мы задним умом богаты...
 Правда жизни, и ты подтверди.—
 Словоблуды и плутократы
 «Перестроились» —
 Вновь впереди!..

ДНЕПРОВСКИЙ ПРИЧАЛ

Поет петух за дальней горкой
 Всем расписаньям вопреки...
 И пахнет сладостно и горько
 Польшу у берега реки.
 Причал —
 Начало расстояний.
 Причал —

Пленительная речь...
 Он состоит из расставаний
 И состоит еще —
 Из встреч...

И вижу я,
 Как исчезает
 Надежд и грусти островок.
 И чайка белая взлетает,
 Что ветром сорванный платок...

ВЕЧЕ...

Закат погас
 За дальним лугом,
 И надвигается туман.
 Я, не поладив с лучшим другом,
 Иду печальный
 на курган.

Кто прав?!
 Попробуй разберись...
 Мы оба

были непреклонны.
 А звезды,
 Звезды разбрелись
 По голубому небосклону.

...И совесть созывает вече.
 И к сердцу подступает вечер...

Владимир ОРЛОВ

УТРО

Колдует вечер,
 Хитро пряча лица
 Под пудрой,
 Под гримом дорогим.
 И кто-то стать
 Неузнанным стремится,
 А кто-то стать
 Пытается другим.

Но смотрит утро
 И светло, и мудро,
 Обман разоблачая
 До конца —
 Снимая грим,
 И осыпая пудру,
 И обнажая
 Подлинник лица.

ПРЕДВЕСТНИЦА

Уходит в будущее лестница,
 Молчанье твердое храня.
 Скажи-ка мне, моя предвестница,
 Ступенек сколько у меня?
 И на какой из них неожиданно,
 Не чужа смертную беду,
 В свою последнюю нирвану
 Я оступлюсь и упаду?

Кипит луна. Колдует лето.
 Твой профиль мягок и жесток.
 Какая страшная примета
 Тебе подсказывает срок?
 Ты точно знаешь час разлуки,
 Ты чужа мой последний миг.
 Ты мне с любовью гладишь руки
 И видишь сложенными их.

Я знаю: это все не шутка,
 Что свыше все тебе дано.
 И сладко мне с тобой, и жутко,
 Светло с тобою и темно.
 Но даже, если страшной гранью
 Тебе видна моя пора,
 Перед моей ступенькой крайней
 Побудь со мною до утра!

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Все то, что рождалось
 В погоне за модой,
 Отторгнуто было
 Живою природой.
 Зато никогда
 Не страшились реформы
 Естественность линий,
 Естественность формы.
 Не следует моде
 Садов белоснежность,
 И снежная свежесть,
 И летняя нежность.
 Горячие краски
 В осенних твореньях
 Не следуют моде
 В своих повтореньях.
 Все то, что высоким
 Искусством творимо,
 В своих повтореньях
 Неповторимо.
 Чисты и правдивы
 Творенья природы —
 Они никогда
 Не выходят из моды.

ОПОЗДАНИЕ

За окнами падали звезды,
 Кружила листва карусель.
 Внезапно обрушился воздух,
 И двери слетели с петель.
 Слегка покачнувшись планета
 На этой воздушной волне,
 И девушка в облаке света
 Бесшумно влетела ко мне.

— Я так торопилась, мой милый!
 Я так этой встречи ждала!
 Я руки звездой опалила!
 Я ноги себе обожгла!
 Твоя голубая планета
 Была уже рядом почти,
 Но стрелка секундная где-то
 Меня подвела на пути!
 Поверь, я об этом не знала!
 Поверь, что вины моей нет!
 Ведь я-то всего опоздала
 На тридцать каких-нибудь лет!
 Не поздно, мой милый, не поздно!
 Мы вместе до края, до тьмы!

...За окнами падали звезды —
 Предвестницы близкой зимы.

ПОЗДНО ИЛИ РАНО

Поздно или рано,
 Рано или поздно,
 Мы вернемся в странный,
 В этот мир подзвездный.
 В красные закаты,
 В голубые дали,
 Где уже когда-то
 Мы не совпадали.

Где когда-то были,
 Были, да забыли,
 Где других любили
 Или не любили.
 И, прожив, как прежде,
 Не найдя друг друга,
 Мы опять в надежде
 Движемся по кругу.

И вернемся в странный,
 В этот мир подзвездный
 То ли слишком рано,
 То ли слишком поздно.
 В красные закаты,
 В голубые дали,
 Где уже когда-то
 Мы не совпадали.

Евгений
ФЕДОРОВ

Обычный вопрос: почему такое название — «Бригада С»? А просто так. Чтоб жилось веселее. Конечно, можно усмотреть исторические корни этого названия в том, что еще до недавнего времени бессменный бригадир — Игорь Сукачев — работал мастером на заводе, а может, в том, что имена или фамилии музыкантов самого первого состава группы начались с «С»... Но это — для очень тонких знатоков. Кстати, для них же заметим, что теперь правильно именовать этот коллектив не иначе, как «Оркестр пролетарского джаза «Бригада С». И работает он не от «Рок-лаборатории», не от «себя», как раньше, а от Молодежного музыкального центра, возглавляемого Стасом Наминым.

Сейчас «Бригада» Сукачева числится в передовиках столичного рок-н-ролла. И по праву: своя манера налицо, популярности хоть отбавляй, новых песен проласть. А тут еще менеджер замечательный случился — Стас Намин, который хорошо подсобил, и пошли крутые гастроли: Финляндия, Япония, в следующем году — США, Англия... Все это подтверждает тот тезис, что (при наличии таланта) терпение и труд...

А потрудиться «Бригаде» пришлось. Сукачев и К° существуют как творческая единица всего около трех лет. Их дебют на одном из фестивалей «Рок-лаборатории» нельзя было назвать удачным. Тогда эти музыкальные труженики выступали в амплуа неких романтиков от панк-рока. Но довольно быстро эта музыка набилась оскомину всем музыкантам. Стали думать: по какой дороге идти дальше, и как-то сама собой родилась неповторимая, заводная музыка нынешней «Бригады».

Для ее качественного исполнения понадобились новые инструменты: сначала — саксофон, за ним — трубы, потом — тромбон... «Это все равно что иметь хороший пиджак, — объясняет Игорь Сукачев, — но не иметь стильных брюк, занять брюки, но мучиться без ботинок «со скрипом». Получился маленький оркестр.

Работали много и упорно. «Духовики» — с музыкальным образованием, но нигде, кроме как перед родителями, не выступали: давай перечивай; музыка стала сложнее — надо попеть над аранжировками, благо Сергей Галанин (басист) в этом деле дока; записаться на студии с таким количеством инструментов до сих пор проблема. И т. д. и т. п. Но не сломались, слава богу. А конечный результат окупил все затраты.

О чем поет «Бригада С»? Да все о том же: о жизни, о любви... но так, что один раз услышишь и уж ни с кем не спутаешь. Такие боевики, как «Моя маленькая бейби...», «Человек в шляпе», уже давно получили «знак качества» в среде рок-фанов... Что-то из репертуара «Бригады» даже промелькнуло на волнах радио- и телеэфира. Но очень мало. А жаль. Потому что судить о «Бригаде», услышав одну-две ее песни, — все равно, что судить о размерах айсберга по его надводной части, а слушать «Оркестр пролетарского джаза» и не видеть его — то же, что обедать с завязанными глазами. Ребята работают на каждом концерте, как стахановцы. Со сцены уходят мокрые насквозь, но с чувством глубокого удовлетворения, впрочем, так же, как и зрители. А это основное.

Сейчас «Бригада» работает над третьей программой. Как всегда, автором всех, так сказать, музыкальных идей песен является Игорь Сукачев, он же пишет тексты вместе с молодым поэтом Александром Олейником. Довольно много музыки сочиняет Сергей Галанин... Думается, что и этот план «Бригада» выполнит досрочно и с качеством. Как обычно.

Фото Евгения МАТВЕЕВА

Оркестр

Пролетарского

джаз

ДО И ПОСЛЕ КУЛИНАРНОГО ТЕХНИКУМА

— В школе поначалу я учился хорошо. А потом как-то... знаете, я не был прилежным учеником. К великому сожалению, я очень много в жизни потерял, очень много не узнал и не воспользовался тем, чем мог бы воспользоваться. И изъяны эти ощущаю всегда. И должен сказать откровенно, что на эстраду меня привели мои небольшие познания в литературе, и я не уверен, понравилась бы мне эстрада, если бы к тому времени я знал литературу получше.

Поступив в училище циркового и эстрадного искусства, я продолжал посещать студию Розовского. А это совершенно разные вещи. Сочетать одно с другим было очень трудно, но я считал, мне крупно повезло, что пришлось одновременно осваивать совершенно разные направления. Закладкой основы, фундамента артистической профессии занималась, конечно, Слонова. Что же касается эстрадности, сиюминутности, остроты, формирования платформы — все это пришло из студии Розовского, ее спектаклей. Ведь это были шестидесятые годы, а мы были «шестидесятниками», и этим все сказано.

Наша студия была популярной, нас приглашали выступать в домах и дворцах культуры, где мы давали платные спектакли. Особенно много концертов бывало перед праздниками. В те времена я был очень богатым человеком...

— Как это «очень»?

— Ну, у меня могло быть перед праздником рублей 70—75 — огромные деньги, если учесть, что моя стипендия равнялась всего 23 рублям. Ее я до последней копейки всегда отдавал маме, а «халтуру» оставлял себе.

— Хорошо. А когда вы стали выступать как профессиональный артист? Когда, наконец, сбылась ваша мечта о власти над зрительным залом, или, точнее, о его любви к вам? Ведь именно это, как вы сами сказали, привело вас на сцену. Получилось все так, как вы когда-то хотели?

— Получилось все так, как... предсказывал Гоголь в начале седьмой главы «Мертвых душ». Можно, я расскажу все по порядку?

Так вот, после окончания третьего курса я отправился в Поволжье в первую в своей жизни гастрольную поездку — вел сольные концерты популярной в те годы певицы Нины Дорды. Задача — проще не придумаете: объявлять очередную песню и заполнять короткие паузы юморесками. Как бесстрашному мне обещали платить по четыре рубля пятьдесят копеек за концерт. В городе Саратове произошел грандиозный скандал: меня выслали с маршрута с формулировкой: за антисоветский репертуар.

— Чем же вы так взбудоражили город Саратов?

— Была у меня пародия на детектив... Так, ничего особенного, самый обычный номер студенческого «капустника». Коллективное творчество. Я читал ее еще в студийном спектакле

«Берем старье и показываем». Практически это был мой первый эстрадный номер, с которым я поступал и в цирковое училище. И вот за эту невинную и апробированную штучку меня не только выставили с гастролей, но и еще отправили следом соответствующую бумагу в Москву, в Росконцерт, организацию, которой в то время подчинялся Москонцерт, пославший меня на гастроль в Поволжье. Росконцерт, в свою очередь, отправил в наше училище письмо, в котором говорилось, сколь вредоносным существом является студент Хазанов. А финал письма вообще был убийственным. «Дирекция Росконцерта, — говорилось там, — заверяет вас, что по окончании учебного заведения студент Хазанов не будет принят на работу ни в одну организацию системы Росконцерта, в связи с чем просим его из вашего учебного заведения исключить». В заключение говорилось, что копия письма отправлена начальнику Управления учебных заведений Минкультуры СССР Ильиной и управляющему Союзгосцирка Бардиану.

И я был исключен из училища, и еще неизвестно, чем бы кончилось все это дело, если бы наш директор, покойный ныне Александр Маркианович Волошин, не взял всю ответственность на себя. Он оставил меня в училище, правда, условно, и я полгода приносил маме стипендию, которую нигде не получал. Вот уже прошло двадцать лет, но она по сей день не знает, что я был исключен из училища, что судьба моя висела на волоске...

— И этот первый скандал в вашей артистической карьере показал вам, что деяния сатирика наказуемы?

— Если быть до конца точным, то та пародия не была сатирой — скорее юмором. Это раз. Во-вторых, скандал в Саратове не был первым в моей эстрадной биографии. За несколько месяцев до него я должен был участвовать в программе, открывавшей летний сезон в саду «Эрмитаж». Марк Розовский сделал со мной миниатюру. Это был монолог жонглера, который, жонглируя яблоком, картошкой и теннисным мячиком, рассказывал от имени художественного руководителя номера о взаимоотношениях в их маленьком коллективе. Яблоков, например, все время пытается выделиться, прыгнуть выше руководства, поэтому руководитель постепенно сжирает яблоко прямо на глазах у публики. Картошкин, который попытался вступить за своего напарника по номеру Яблокова, подделал снятию семи шкур. И я снимал их с картошки опять же на глазах у публики. И когда жонглер оставался с одним теннисным мячиком, успеха не было никакого. И тогда за 44 копейки было

куплено еще два мячика, вернее, Мячиковых. В тексте было сказано: таких же серых, круглых, таких же пустых внутри, но самое главное — одинаковых. И теперь все они безропотно работают под моим руководством, и пускай аплодисментов стало совсем мало, но уж теперь-то я точно знаю, что все они принадлежат одному мне.

Вот и все. За такой, по сути, невинный текст мой номер был вышвырнут из программы при сдаче ее на генеральном просмотре с ужасной формулировкой: это отвратительный номер. Но это было лето 1968 года, и почему так говорили, ни для кого не являлось секретом. Так что за свои двадцать лет профессиональной жизни на эстраде вместе с прекрасными минутами счастья я познал и очень горькие...

— Их было много?

— Не считал. Они сопровождали меня практически всегда...

— Вернемся к вашим студенческим годам. Скажите, Геннадий, кто из ваших одноклассников сумел пробиться, подобно вам, или скажем точнее: кто достиг вашего уровня известности?

— Ну, может быть, Илья Олейников. Он когда-то вел «Утреннюю почту». А больше ни у кого не вышло, хотя в нашей группе было много народа, и, должен сознаться, я не был в первой шеренге.

— От чего это зависит — пробиться на эстраде? Есть тут элемент случайности? Или же это результат волевой работы и трудового пота?.. Предположим, что все имеют примерно равный уровень таланта...

— Я глубоко убежден, что на эстраде выживает только тот, кто может сочетать в себе данные и актера, и режиссера, и организатора, и администратора. Это должен быть человек-театр. Тот, кто в состоянии держать в себе театр, — с тем все нормально. А вот кто является чистым исполнителем, у кого нет других составных частей — тот на эстраде не выживет. Одаренный артист в обычном театре может прожить, потому что он компонент игры, часть коллектива. На эстраде же ты абсолютно одинок...

— Это вы говорите сейчас, когда за плечами столько лет эстрадного опыта, а тогда, студентом...

— Подсознательно я понимал это в принципе и тогда. Но одно дело — понимать, другое — мочь что-то сделать в той непростой ситуации, когда, честно говоря, ты мало что умеешь и мало что знаешь... Единственный выход — побыстрее набрать личный репертуар...

— Он был большим, когда вы оканчивали училище?

— Так, разрозненные номера, но целостной программы еще не было...

— А студент кулинарного техникума уже родился?

— Да, я исполнял миниатюры с этим героем, но сразу хочу признаться, что первым его показал не я. Еще в эстрадной студии МГУ «Наш дом» популярный ныне артист театра и кино Семен Фарада исполнял большой фелетон, героями которого были четыре или, кажется, даже пять разных студентов — совершенно разных характеров. Один из них учился в кулинарном техникуме. Между прочим, Семен Фарада тоже не был первым, кто познакомил зрителей с этим недотепой. Студент кулинарного техникума кочевал по студенческой эстраде того времени. И, мне кажется, сейчас невозможно установить, кто придумал его первым.

Так вот, когда в 1967 году я поехал на практику, у меня не было еще своего репертуара, с которым можно было работать на сцене. И я решил исполнять весь номер Семена Фарады...

— Но я думаю, что популярным этот персонаж сделали все-таки вы.

— В известной степени. Просто я его первым стал показывать на телевидении, а это аудитория в десятки миллионов зрителей. Отсюда впечатление: я его первооткрыватель. Это не так... Любопытно, что, когда этот персонаж стал популярным, у него появилась тма родителей, и все претендовали на авторство. Есть, знаете, такая категория людей, которые всегда ищут рекламные моменты, чтобы воздействовать на публику изначально. Еще до того, как какой-то сатирик начнет читать что-то из своих произведений, он хочет, чтобы все слушатели знали, что он автор студента кулинарного техникума. Потому что, если они этого не будут знать, у него нет никаких шансов иметь успех со своими произведениями. Эти авторы сами не скрывают: чтобы зритель внимательно отнесся к той чепухе, которую они ему читают, ему надо заранее сообщить, что ты не какой-то там случайный прохожий, а тот, кто написал это и это... Лучше, если «это» было уже популярно. Так что не один, и не два, и даже не один десяток бесталанных людей лезут под вывеску студента кулинарного техникума, надеясь таким способом сорвать свою толику славы и материальных благ... Дети лейтенанта Шмидта на современном этапе...

— Но все-таки есть авторы у этого героя?

— Есть. Их много. Но я не хотел бы разрабатывать эту тему, потому что надо было бы назвать конкретные фамилии людей, которых я не хочу упоминать даже в негативном плане, чтобы еще раз подтвердить, что и они прича-

стны к этому герою. Даже этим способом я не хочу облегчить их жизнь. Одно могу сказать, что за мою бытность на эстраде со мной над монологами этого персонажа конкретно работали в разное время только Измайлов, Волович, Хайт. Больше никто.

— Почему вы взяли на практику именно этого героя? Потому что ваш творческий уровень больше всего соответствовал этому персонажу?

— Конечно. Я скажу так: может быть, я не всегда делал то, что я хотел, но я никогда не делал того, что я не хотел. В этом, между прочим, заключено великое счастье артиста эстрады. При всех минусах этой профессии — это самое большое счастье. И я по сей день глубоко убежден, что этот персонаж при всех минусах помог мне стать на ноги, поверить в себя, и даже скажу больше: первые паузы у артиста Хазанова появились при исполнении монологов студента кулинарного техникума.

— Что вы имеете в виду под словами «первые паузы»?

— Самые обыкновенные паузы... Они — этап в становлении артиста. Понимаете, трагедия заключается в том, что артисты эстрады зачастую превращаются в доносителей слов, текстов, в докладчики. И профессия актеров как таковая стала с эстрады постепенно исчезать. И выступления авторов литературного материала это лишний раз доказывают. Теперь они сами выходят на сцену, не имея никакого отношения к актерству, читают свои произведения. И делают это удачно с точки зрения тех, кто их слушает, кто им аплодирует... А ведь слово «актер» происходит от слова «акт», то есть «действие». Значит, «актер» в изначальном смысле — это «действующий», что-то делающий на сцене человек. Ведь докладчика не называют актером, хотя он тоже что-то делает на сцене, трибуне. Он тоже читает. Но это другой способ существования на сцене. Актер может играть докладчика — но это другое дело. Но просто доносить чужие слова, чужие мысли, бойко выученные наизусть, — этого мало. И зачастую доминантой в профессии эстрадного актера становятся только наглость, бесстыдство, необразованность и хамство. Почему так просто становятся эстрадными артистами? Почему так много людей без профессионального образования спокойно выходят на эстраду и ведут концерты в качестве конферансье? Потому что они наглые, бесстыдные люди, убежденные, что им кто-то дал на это право. Я так скажу: тот, кто может войти в магазин и убедить очередь, что она должна пропустить его без очереди, — уже конферансье. Может показаться, что я высказал довольно абсурдную мысль. Но я в ней убежден.

— Вы судите об этом так уверенно потому, что сами работали конферансье?

— Да. После окончания училища с 1969 по 1972 год — целых три года — я работал конферансье в оркестре под управлением Леонида Осиповича Утесова и очень мучился. Сам Утесов меня любил и был крайне обижен, когда я ушел из оркестра.

Понимаете, я попал в этот коллектив, когда он переживал время заката. Положим, оркестр Олега Лундстрема — тот играл хороший джаз. Это был его стиль. Стилем же оркестра Утесова был сам Утесов. А Леониду Осиповичу было в то время далеко за семьдесят, на сцену он уже не выходил. А какой это, скажите, оркестр Утесова без Утесова? Состав оркестра был очень слабым, и его выступления не пользовались успехом у зрителя. Ставки у музыкантов были довольно высокими, поэтому наш огромный коллектив стоил дорого, и администраторы филармоний неохотно приглашали нас. Мы все время находились на гастролях и в Москве не работали, что для меня, молодого артиста, которому нужно было утверждаться на эстраде, зарабатывать себе имя, было просто губительно.

— А что вы делали у Утесова?

— То, что положено конферансье, — вел концерты. Выходил, говорил какие-

то избитые, дежурные слова. У меня было четыре-пять самостоятельных номеров, и я никак не мог дожидаться, когда оркестр уйдет со сцены, чтобы я наконец сам мог начать работать. Я держался три года и больше не смог...

— И с 1973 года стали просто артистом эстрады... Скажите, как начиналась ваша самостоятельная карьера? Как прошли эти пятнадцать лет? Что изменилось в вашем отношении за это время к профессии и избранному жанру? Изменились ли, на ваш взгляд, вы сами?

— Начало было прекрасным. В 1974 году на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады я поделил первую премию с Klarой Новиковой. Мои выступления стали пользоваться большим успехом. Говорю это не в похвальбу, а просто констатирую как факт, ибо телевидение, радио, различные концертные площадки Москвы, филармонии других городов страны — все приглашали артиста Хазанова.

Первого апреля 1977 года — на это время падает, если можно так выразиться, первый пик моей популярности — мне предложили заполнить документы на присвоение звания заслуженного артиста РСФСР...

— Ну и?..

— И с тех пор я заполнял такие документы, может быть, раз пять или шесть, точно и не помню, так как сегодня это для меня уже не имеет никакого значения и кажется даже смешным. Это такое счастье, я так благодарен судьбе, что мне не дали тогда звание. И не потому, что мне обещали дать его в «то» время, а мне оттого, что за эти годы поменялись мои ориентиры в жизни. Я не буду утверждать, что артисту не хочется иметь регалии и так далее, и тому подобное. Но сегодня (я говорю совершенно откровенно) мне это уже абсолютно все равно. Я благодарен людям, которые довели меня до этого состояния. Рассказывают, что Станиславский, когда ему дали почетное звание народного артиста, заплакал, сказал: конец искусству...

— Как вы считаете, почему?

— Потому что в искусстве не бывает чинов. Нельзя с помощью чинов идти вперед. Чин становится как бы актерской индустрией. Он дает право на плохое творчество, безответственное, бессовестное отношение к делу. Потому что все прикрывается мощным словом охранных грамот. Нельзя такого заслуженного, отмеченного наградами человека критиковать в прессе. Нельзя писать, что он плохо сработал, а получил большие деньги. Писать надо как раз не о том, что он получает большие деньги, а о том, что ему платят очень маленькие, отчего он, такой заслуженный, народный, лауреат и прочая, вынужден искать лазейки, соглашаться на халтуру, чтобы эти деньги заработать. Ведь именно поэтому он рвался к почетным званиям, чтобы, бряцая своими регалиями в инстанциях, получить возможность устраивать свои дела. Не хочу обобщать, стричь всех под одну гребенку, но все-таки скажу, что часто почетные звания, особенно в недавние времена «застойного периода», рассматривались некоторыми артистами как право на халтуру, на небрежную работу, право на признание гениальным всего, что бы ты ни сделал. Поэтому люди, получившие эти звания и так воспринимавшие эти звания, часто гибли как художники. Слишком велик был искуса разменяться на мелочи...

— Кто, например, погиб по этой причине, с вашей точки зрения?

— Пусть этот вопрос будет единственным, на который я не стану отвечать. Потому что, называя конкретные фамилии, ничего, кроме обид, не вызовешь, а делу все равно не поможешь. Испытание медными трубами, пожалуй, самое тяжелое в нашем артистическом цехе. Не все его выдерживают...

— Вы относите это и к эстраде?

— Конечно. К эстраде даже, пожалуй, в первую очередь. Здесь понятия об истинном искусстве довольно растяжимы. И то, что, допустим, интересует

нас с вами, может кардинально расколоться со вкусами большинства сидящих в зрительном зале. Я как-то пришел к мысли: все, что имеет спрос, имеет и предложение. Так не только у нас — так во всем мире. Если бы никто не смеялся над плоскими шутками артиста А или артиста Б, или, скажем, над убогими диалогами Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикевны, а все смеялись бы только над изысканными остротами Ежи Леца, то все погиб бы, остался бы один Ежи Лец.

Но жизнь диктует свое. И люди сидят в зале и смеются, слушая миниатюры писателя Иванова (Петрова, Сидорова), и никому в голову не приходит, что в своем творчестве этот Иванов (Петров, Сидоров) придерживается чудесного изречения, по-моему, Михаила Ивановича Глинки, который когда-то сказал, что музыку создает народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем. И этот Иванов только тем и занимается, что аранжирует созданное народным фольклором, зачастую забывая, кто это создал, искренне удивляясь, когда ему показывают оригиналы...

— Кто вам нравится из ваших коллег по жанру?

— Клара Новикова. Не равнодушен к Карцеву и Ильченко...

Я назвал Хазанову еще несколько фамилий артистов эстрады, которые сейчас с успехом выступают в концертах, на телевидении, по радио. Назвал, честно скажу, с некоторой долей провокационности, так как мне самому их манера исполнения активно не нравится, и услышав я от Хазанова иное мнение, намеревался с ним поспорить. Но мой собеседник, не почувствовав подвоха, сказал об их работе то же самое, что думал и я сам. Правда, не просто дал оценку, а объяснил ее.

— Видите ли, — сказал он об одном из названных мною артистов, — то, что он делает на эстраде, вытекает из его природы. Его интересы и чаяния совпадают с интересами и чаяниями огромного количества людей, сидящих в зрительном зале. И в этом единении его счастье и залог его успеха.

— Иными словами, вы хотите сказать, что в зале сидит столько примитивов, которые с удовольствием слушают его примитивные шутки?

— Я не хочу сейчас обижать ни народ, ни самого артиста. Но люди, круг проблем которых замыкается на том, как достать еду, устроить ребенка в ясли, детский сад, хорошую больницу, как достать нужное лекарство своим старикам родителям и так далее, и так далее... Что бы там ни говорили, но все равно образ жизни этих людей прибавляет их к земле... На осознание факта и смысла жизни у них не остается уже ни сил, ни времени. Когда об этом думать, когда об этом философствовать, если все время надо находиться в движении, чтобы хоть как-то разрешить свои бытовые проблемы?

Все это создает качественный уровень зрителя, и на этот качественный уровень названный вами артист отвечает с абсолютной, стопроцентной точностью. Можно над этим фактом иронизировать, можно издеваться, но... можно рассматривать как ужасную трагедию... Но если бы талант артиста можно было измерять децибелами смеха, которым зрительный зал отвечает на слова, произносимые нами со сцены, то названный вами товарищ может быть признан самым народным артистом Советского Союза...

— Может быть, я, Геннадий, ошибаюсь, но на ваших спектаклях меня поразило то, что реакция зрительного зала не всегда совпадала с тем, что вы говорили со сцены. Положим, не все, но многие зрители смеялись не совсем тогда, когда нужно, или не совсем так, как того требовал смысл монологов ваших героев. Наверное, я ошибаюсь, но мне все-таки это показалось...

— К сожалению, вы не ошибаетесь. Я это и сам чувствую. Чувствую давно. Пытаюсь разобраться в причинах и при-

хожу к не особенно утешительным выводам. Я вам говорил, что между зрителями и артистом, стоящим на сцене, идет как бы энергообмен, возникает особого рода контакт, без которого невозможно надеяться на взаимопонимание и в конечном итоге на успех.

Так вот как-то я начал подсчитывать, с кем мне каждый раз приходится налаживать контакт... В Театре эстрады — 1400 мест. Считается, что 70 процентов билетов (это около тысячи мест) продается через театральные кассы, остальные — по различным «броням». Если считать всех жителей Москвы и ее гостей, то один билет из «свободной продажи» приходится примерно на десять тысяч человек. Другими словами, является дефицитом и живет по законам любого дефицита: его нельзя купить, его можно только «достать». Во всяком случае, ни я, ни мои знакомые ни разу не видели, чтобы около какой-то столбичной билетной кассы висело объявление о продаже билетов на спектакль артиста Геннадия Хазанова. Значит, «достать» билет может только тот, кто обладает, в свою очередь, каким-то другим дефицитом. Я не хочу никого обидеть, я только хочу сказать, что люди, не имеющие по роду своей работы доступа к тому или иному роду дефицита, не могут надеяться на получение другого дефицита. В частности, билета на популярный спектакль или на концерт популярного певца или певицы. Вот и получается, что попасть на такой спектакль или концерт парикмахера салона красоты может, продавец обувного или мясного магазина может, и врач-стоматолог, несомненно, может, и массажистка, и модная портниха, и слесарь автосервиса — без вопроса. А вот инженер, скажем, завода Лихачева — нет, и рабочий какой-нибудь фабрики — нет, и работник какого-то НИИ — нет. Хотя, кто докажет, что у трех последних уровень культуры ниже, чем у парикмахера, продавца, слесаря станции техобслуживания, зубного техника или портнихи? Просто одни имеют доступ к дефициту, нужно театральному кассиру, а другие — нет.

— И когда вы выходите на сцену, то упираетесь в массу, имеющую доступ к дефициту и потому имеющую определенные психологические установки?

— В основном — да.

— Трудно работать с такой аудиторией?

— Трудно. Потому что эти люди пришли потреблять то, что им приготовили, а не создавать вместе со мной. Они не хотят, они не могут работать на концерте. А ведь я с годами стал сложнее. Я давно ушел от студента кулинарного техникума. От анекдотических и полуанекдотических персонажей и ситуаций.

Я зачастую прихожу к такому выводу: в силу своей профессии я обязан вызывать смех в зрительном зале, это составляющая моей профессии. Но ничто так не дифференцирует людей, как смех. Плачут все примерно по одним и тем же поводам, смеются — по разным. Меня стала мучить мысль, что иногда на моих спектаклях люди смеются в нарушение смыслового закона. То есть мы с вами будем смеяться над одним, а какая-то часть зрителей (не говорю, все) тоже будет смеяться, но над другим.

Вот простой пример. В моем спектакле я рассказываю о человеке, который все время жалуется, что в продаже нет воблы, и высказывает попутно всякого рода сентенции, а зрительный зал (большой процент, уверяю) аплодисментами выражает свое согласие с тем, что проститутку надо сослать в тайгу, чтобы они там с медведями бесплатно жили, что наркоманов надо выслать на Кольский полуостров, чтобы они там руду нокали, а роковеры — в тундру, пусть гоняют там оленей. И зрители смеются не над точкой зрения этого героя, а в подкрепление ее. И даже аплодируют ей. А мы-то с вами будем смеяться над его идиотским способом решения проблемы...

— У каждой вашей миниатюры,

монолог вашего героя, кроме автора-актера, есть еще и автор-литератор. Скажите, как складываются ваши взаимоотношения с писателями-сатириками? Вы им заказываете тексты или они сами предлагают вам?

— Я ничего не заказываю. Они мне сами приносят. Хотя иногда случается, и я подаю какую-то мысль. Например, сюжет миниатюры о колхозе, в который приехала американская делегация, придумал я. Рассказал Измайлову. Он написал. Потом мы вдвоем правили, сокращали, учитывая специфику чтения с эстрады. Так что мои отношения с писателями складываются по-разному. Чаще всего не складываются вообще. Я не хочу в данном случае выказывать себя неким таким великим знатоком этого жанра, но все-таки как человек, имеющий в данной области деятельности порядочный опыт, все-таки должен сказать, что большинство наших писателей-сатириков, писателей-юмористов не отличается глубиной. Одни сбиваются на милые, легковесные поделки, другие — на простое ерничество. Я не говорю, что юморескам не должно быть места на эстраде, но...

— Как-то в одном из своих интервью вы сказали, что хотели бы, чтобы в каждом произведении, которое вам предлагают, в его смешной сфере был кровавый прокол...

— Да, я это говорил, потому что считаю, что только таким образом можно прорваться сквозь смешную оболочку сюжета и заставить задуматься даже тех, кто на этот счет заблуждался. Взять хотя бы того же любителя воблы. Когда в конце своего рассуждения он вдруг осознал, что тогда надо будет посадить всех, то человек, слушающий его, сможет выстроить всю логическую цепочку и понять, что, выслав в Сибирь проститутку, на север — рокера и наркомана, он обязательно дойдет в конце концов и до тебя лично. Сказавший «А» обязательно должен будет сказать и «Б» и так далее, пока не дойдет до «Я». Он не остановится на «В» или «Г». Этих, мол, выслать или посадить надо, а этих — нет. Всех посадить можно, если захотеть. Предлог всегда найдется. И этот неожиданный вывод, «кровавый прокол», заставляет зрителя сразу задуматься, ему уже не до бездумного смеха... К сожалению, у наших сатириков и юмористов неожиданные выходы крайне редки. По-настоящему они бывают, пожалуй, только у Городицкого. У него герой всегда раздваивается, понимающий, что с ним происходит, и оттого испытывающий еще большую внутреннюю трагедию. И от этого я, исполнитель, чувствую еще больший объем его и глубину...

Конечно, смешно всегда и во всем требовать глубины, остроты. Но если заходит разговор о каких-то больших философских обобщениях и размышлениях, непозволительно сбиваться на мелочевку. Наши юмористы черпают свои сюжеты из чернилницы и страшно боятся, чтобы туда не дай бог капнула капля и их собственной крови и потом вылилась на бумагу. А ведь только собственная кровь, только собственная боль может вдохнуть душу в произведение. Иначе все это сухая математика, смежинженерия, если можно так назвать эти произведения. В таких случаях артисту очень тяжело, потому что, чтобы оживить смежинженерный ку-

сок, он должен влить туда своей крови...

— Я спросил Хазанова: — Когда вы ходите в гости, вас просят что-нибудь рассказать?

— Да, часто. И это ужасно. Поэтому чаще всего я стараюсь не ходить в гости, а если и бываю, то только там, где я точно знаю, что меня ни о чем не попросят. Хожу только к близким друзьям (их у меня не так много), которым и в голову не придет обратиться ко мне с такой просьбой. Между прочим, одной из серьезных издержек моей профессии является то, что многие люди относятся к этому жанру эстрады как к чему-то легкому, несерьезному, ассоциирующемуся с застольем. Пришел, мол, в гости известный хохмач, хорошо бы между двумя тостами во время закуси послушать в его исполнении что-нибудь веселенькое. По этой причине я иногда попадаю в довольно неприятные истории. Хотя, с другой стороны, бывают случаи и совершенно иного плана, когда к моим миниатюрам относятся чересчур серьезно.

И Геннадий Хазанов рассказал мне о двух историях, которые, я думаю, будет интересно узнать читателям, как говорится, из первых рук, так как в ином изложении они выглядели несколько иначе.

Первая произошла в ноябре 1983 года.

— На праздничном «Голубом огоньке» я исполнил миниатюру «Письмо генералу». Помните? Жена одного алкоголика пишет генералу жалобу. А довел ее до точки последний случай — как только репродуктор сказал: «Московское время двадцать часов», муж вскочил, сказал: «Слушаюсь, товарищ генерал!» — и был таков. В прошлый раз он попросил у жены трешку, чтобы заказать ключи от сейфа в ЦРУ, в другой — взял пятерку на подкуп президента Америки, потом брал деньги еще на что-то подобное. Когда же он стал говорить, что наши органы отдают ему заказы по радиотрансляционной сети, одуревшая от всего жена потребовала, чтобы с нее не брали полтора рубля платы за эту радиоточку, раз уж она используется органами для связи с ее мужем... В общем, все там было придумано очень здорово, просто гениально. Но на второй день после праздника меня вызвали...

— Куда?

— Куда следует... И товарищ в очень большом чине стал на полном серьезе меня спрашивать: «Это вы на что намекаете? Вы замаяхнулись на самое святое!» — и так далее в том же плане. Я ответил, что ни на что я не замаяхивался, что это просто очень веселая юмореска, что в ней нет ничего оскорбительного для той организации, в которой этот товарищ служит. Но он не успокоился. Стали разбираться, кто разрешил подобный пасквиль дать в эфир. Руководство телевидения сильно струсило. Даже извинялись передо мною, что, потеряв бдительность, так подвели меня. Глупость ситуации состояла в том, что эта миниатюра была разрешена Главлитом для исполнения, имела все полагающиеся визы и печати. И хотя я таким образом был совершенно не виновен, меня на целый год отлучили от телевидения. Полтора месяца я не имел права выступать в концертах.

— А это почему?

— В приказе Главного управления культуры Мосгорисполкома было сказано, что я отстраняюсь от концертной деятельности до момента принятия специальной комиссией всего исполнявшегося мною репертуара. Было бы нормально, если бы через неделю или хотя бы дней десять такая комиссия собралась, просмотрела и утвердила мой репертуар, и я снова смог бы работать. Но комиссия собраться не хотела, так как никто не хотел отвечать за возможные осложнения. И я полтора месяца ничего не делал и, естественно, не получил ни копейки за вынужденный простой.

С той поры «Письмо генералу» я не исполняю.

Последняя история произошла летом прошлого года, уже в эпоху гласности и перестройки. По просьбе Политуправления Министерства обороны и Центрального Дома Советской Армии я поехал с шефскими концертами в наши воинские части, расквартированные в Польше. Считаю святым долгом выступить перед нашими военнослужашими, которые несут нелегкую службу за пределами Родины. И вот во время этих гастролей произошел конфликт: я попросил не пускать на мои концерты женщин с маленькими детьми, так как они мешают работать. Понимаете, то, что я делаю на сцене, детям неинтересно, быстро все надоедает, они начинают бегать между рядами, грудные так и вовсе затевают рев. И вот, чтобы остальные зрители могли получить то, за чем они пришли, я просил мамаш с детьми покинуть зал. Не успел я приехать в Москву, а тут уже лежит жалоба на меня: зазнался, мол, вел себя неправильно. К чести руководства Центрального Дома Советской Армии и Политуправления Министерства обороны они объективно разобрались в ситуации и приняли мою сторону. Так что, когда вскоре я был направлен с подобными выступлениями в Венгрию, туда руководителям гарнизонных домов офицеров было направлено письмо, подписывавшее не пускать на мои концерты зритель с маленькими детьми.

Сначала все шло хорошо. Но в Эстергоме, прекрасном городке на севере страны, произошло ЧП. Во-первых, концерт перенесли из Дома офицеров в солдатский клуб, который помещался в металлическом ангаре. За жаркий день он так раскалился, что в нем стояла неимоверная духота. Зрителей начали пускать минут за пять до начала концерта, и когда я поднялся на сцену, то увидел, как между рядов пробираются женщины с грудными младенцами. Я сказал залу о просьбе, которую высказал еще в Москве, о письме, посланном по этому поводу местному руководству, и попросил присутствовавших женщин об одном: чтобы они, когда заплачет чей-то ребенок, не пытались его успокоить, а тихо вышли на улицу. После этого начал работать. Минут через пять заплакал первый ребенок, потом второй... Зрители зашикали на мамаш, плач усиливался, шум в зале тоже. Я остановился, сел за столик, стал ждать, когда все успокоится, и тогда начальник Дома офицеров, главный виновник всей этой истории, заявил сбитым, что, мол, тут у них выступали разные эстрадные артисты и даже очень знаменитые певцы, и никто не высказывал никаких претензий, и только Хазанову эти условия, оказывается, не подходят.

Я не сдержался, сказал, что он провоцирует, настраивая против меня зал, хотя сам имел предписание свыше организовать концерт так, как следует. Еще я сказал — но это уже наедине, в кабинете, что, возвратившись в Москву, обязательно буду жаловаться на его действия. Но потом я успокоился и решил все забыть. Но мой подполковник ничего не забыл. Через некоторую время в газете «Советская культура» было опубликовано коллективное письмо за подписью этого подполковника и еще семнадцати военнослужащих, где расписывалось мое неправильное поведение, рассказывалось о том, как я бегал по гарнизонным магазинам за тряпками и так далее. Я пришел в редакцию, объяснил все, как было, попросил опубликовать мое письмо. Работники Политуправления, Центрального Дома Советской Армии стали на мою сторону и поддержали просьбу. Газета обещала исправить ошибку. Но до сих пор так этого и не сделала. Обращался я и в другие редакции — без толку. Гласно можно было только облить человека незаслуженно грязью. А вот дать ему возможность оправдаться — тут гласность сдала свои позиции.

Во всей этой неприятной истории меня удивляет и возмущает больше всего то, что руководить культурным отдыхом военнослужащих доверено человеку, который не видит разницу между ВИА, врубающим аппаратуру на такую мощь, что певцы сами себя не слышат, и артистом, который исполняет монологи, где дополнительную информацию несет тональность, с которой произнесено слово.

Но во всем виноват я. Не зря говорит: умный всегда найдет выход из сложной ситуации, а мудрый в нее просто не попадет.

— Вы попали, выхода не нашли, значит...

— Да, я дурак. И этого не скрываю...

— Геннадий, вернемся к более приятным вещам. Скажите, Аркадий Райкин видел ваши последние спектакли?

— Он приходил на генеральный прогон «Масенских трагедий». Посмотрел, ушел, потом снова вернулся. Я видел, что они ему очень понравились. Он сказал мне: «Ты сделал то, что я всю жизнь делать не решался». Для меня его оценка — высшая награда, потому что он сделал самую главную вещь: всей своей жизнью Райкин проложил в нашем жанре первую лыжню по чистому снегу. Остальным будет проще.

Вот, пожалуй, и вся беседа, которая состоялась у меня с Геннадием Хазановым. Одна фраза врезалась в память своей неожиданностью. «Вся сложность заключается в том, что с годами для меня реальность существования замыкается сценой, и те промежутки времени, что я нахожусь вне ее, для меня гораздо более мучительны, чем когда я пребываю на сцене. А это, естественно, осложняет жизнь тех, кто находится рядом со мной. Я не хочу делать ни из кого ангелов или злодеев, но... Такова данность...»

Он всю жизнь мечтал о профессии артиста — и вдруг такое признание.

Беседу вел Леонид ПЛЕШАКОВ.

СЛЕДСТВИЕ

Надомник Ваня Лямзин усматривался в происходящем фигурой проходной, мелкой, но, несомненно, колоритной. Связь его как с Мониным, так и с Ярославцевым мы установили легко, единодушно придя к мнению, что в их делах он напрямую не участвует, хотя косвенное отношение к ним и имеет. Квартиру Лямзина, судя по всему, Монин-Матерый использовал как запасное убежище. А вообще-то зацепиться за что-нибудь в бытие Лямзина было затруднительным: жил он тихо, шил ушанки, с законом фамильярностей не допускал — разве, как сообщали, увлекался видео, приторговывал вроде бы сомнительными кассетами, а также ошивался возле магазинов «Березка». Но «ошиваться» никому не возбраняется... Тем не менее работа с Ваней представлялась перспективной в разбухавшем, как на дрожжах, деле. Я работал уже в составе бригады следователей прокуратуры; большая группа из ОБХСС взяла в свои руки контакты Ярославецца, Монины и покойного Колещицкого — гения по сбыту. Удивительные открытия следовали одно за другим. Вчера, например, мы посетили скромный кооператив по выращиванию свеклы, оказавшийся при глубоком изучении водочным заводом с собственным сырьем и высокопроизводительной технологией... Организатором кооператива, судя по документам, санкционирующим его создание, выступал тот же Ярославцев, хотя ни одной подписи его на документах не было, да и быть не могло... Санкции давали высокопоставленные друзья консультанта министра... Техническое руководство осуществлял все тот же неугомонный Матерый...

Итак, мне удалось отойти от руководства следствием, возглавляемым ныне лично заместителем начальника управления. Круг моих задач резко сузился на генеральных фигурах и их ближайшем окружении, в которое входил и Лямзин.

— Прижать его надо, змея, — убеждал меня Лузгин. — Наверняка есть за ним что-то: такая боевая биография и чтобы после тишь да гладь? Расскажите тому, кто не знает!

Лузгин оказался прав. Как вскоре выяснилось, Ваня Лямзин, отираясь среди посетителей «Березки», порою, при установлении с посетителями товарно-денежных отношений, применял специфические, полученные, очевидно, в колонии навыки... Выражаясь жаргонно, Ваня «ломал» чеки. Предприятие доходное и относительно безопасное. Суть же его сводилась к следующему: ловко прикидываясь respectableм до вопиющей пошлости провинциалом, Ваня терпеливо выслеживал жертву, униженно представлялся ей барменом из южного города, мечтающим приобрести для родного заведения японский телевизор, и просил продать чеки... С любым коэффициентом наценки. Те из жертв, кто только прибыл из-за границы и потому нуждался в отечественных дензнаках, частенько загораживались идеей заработать на хапуге из провинции и на сделку шли. Облапошив Ваня алчных торговцев лихо, «со свистом» и всегда без скандала. Соврубли — специальная пачка, заранее приготовленная для «слома» — перегнутая, с новенькими купюрами, поступала клиенту из рук в руки; производился пересчет, скажем, тысячи чеков за две тысячи рублей, и при пересчете этом клиент (наипростейший вариант) недосчитывался рублей пятидесяти. Ваня — само недоумение, пересчитывал деньги повторно — прямо клиенту в руки; затем, извиняясь, добавлял недостающую сумму, и с тем расходился. Пугливо и скоро. Однако при повторном пересчете продавец чеков обнаруживал в пачке ровно тысячу рублей: другая тысяча, передернутая, как из колоды, уходила Ване в рукав. Так и получалось: тысяча за тысячу. Все законно. Заявить же на Ваню — признать себя виновным в спекуляции. Побить Ваню — рискованно...

Жуликов, подобных Лямзину, крутилось возле «Березки» немало. В среде валютчиков классифицировались они как «рабочие» — нижайшая ступень иерархии.

...Лузгин, весьма правдоподобно разыгравший роль «шляпы», торговался с Лямзиным отчаянно. Несколько раз переговоры заходили в тупик, однако Ваня, чья крупную наживу, не отставал. В итоге договорились: три тысячи чеков за семь тысяч рублей. С отчаянием — тоже вполне натурально разыгранным — Лямзин согласился.

— Ты, дядя, кремень, — сказал с уважением. — Кем за бугром прислушивал?

— Шоферу, — отозвался Лузгин неохотно.

— Ну-ну. На машине сейчас? Тогда поехали... недалеко тут. Семь штук — сам понимаешь, не наберу по кармашкам.

Одолжившись, Ваня вернулся в машину. Взяв чеки, пересчитал их. Лузгин пересчитал деньги.

— Все в норме, — кивнул он Ване. — Бывай, папень. — И сунул пачку за пазуху.

— Э, — обеспокоился Иван, — ты... пересчитай давай. Вдруг...

— Все в норме, — повторил Лузгин. — Привет. Я уехал.

— Эй! — оторопел Ваня. — Ты... считал плохо. Вообще... Кажется, лишнее я тебе...

— Все точно, — уверил Лузгин. — Вылезай на тротуар и топай.

Такого грабежа Ваня не ожидал... Клиент был явный лабук, из пожилых, к тому же дубоват, деньги должен был считать, как дни оставшейся жизни... Ничего себе посольский шофер!

— Сказано: освободи салон! — говорил Лузгин, грубо пихая Ваню в плечо.

И открылась Ване истина: его нагло «кинули».

— Назад деньги, сука! — взвыл Лямзин, пытаясь залезть «шляпе» за пазуху.

Милиционеры подоспели вовремя: в «Волге» началась потасовка.

Лузгин «расколослся» в содеянном грехе буквально на месте — в ближайшем отделении, куда доставили конфликтную пару. Глубоко изумленный подобными откровениями, Лямзин тут же прочел ему лекцию о юридической ответственности — обстоятельную, с отступными версиями, не стесняясь...

Затем в отделение приехал я. Как полномочный представитель властей для разбора прецедентов данного типа.

— Посмотрел я ваше дело, Лямзин, — начал я без предисловий. — Опять валюта...

— Покупал один к одному! — отбивался Ваня. — Семь на семь. А он мне три тысячи всего сунул... Оттого и скандал! Мошенник он, гражданин начальник! Валютчик! Я телевизор хотел... японский бог!

А вот этакое хода мы не ожидали...

— Ничего вы так... — признал я. — Ничего... сообразили. Но суть не в сегодняшнем событии, хотя в совокупности с прошлыми вашими увлечениями...

— Прошлое я испустил, — сказал Лямзин, с нежнейшим участием взирая на меня.

Умно держался, злодей. Пришлось перейти к аргументам иного свойства...

— Должен заметить: здесь я не случайно. — начал я. — Вестью о вашем задержании обескуражен, и теперь ничего не остается, как напрямик задать непосредственно интересующий меня вопрос: приобретались ли вами два дня назад в том же самом магазине «Березка», где вы побывали и сегодня, видеомагнитофон «Шарп»?

— Пауза будет бесконечной, — сказал Лямзин, заведя глаза к потолку.

— Хорошо, придадим диалогу динамизм. Номер магнитофона и ваша подпись имеются как в документах, оставшихся в торговой организации, так и в гарантийном талоне... изъятном нами у некоего лица, сознавшегося, что магнитофон вы ему продали по спекулятивной цене. То есть опять-таки валютные махинации. Через бытовую радиоаппаратуру, но по сути...

— Ничего не знаю, — отрезал Ваня. — Настроили всяких «березок», теперь хватаете кого ни попадя... Подпись в талоне... ха! Очень веская улика! Там что Лямзин, что Чарли Чаплин — никакая экспертиза не установит!

— Ну вы и тип, — заметил я невольно.

— Вы Библию хоть раз на сон грядущий почитывали? — спросил Лямзин. — Я так чувствую — нет. Заповедей не знаете, не по-божески инкриминируете. Может, Моисей и кокнул часть скрижалей, покуда нес их с горы Синай, но в тех, что донес, не сказано «Не продай!» Вы сами взгляните, убедитесь... А в Библии все есть... что надо!

— Истинно, истинно говорю вам, — возразил я. — Не стоит спекулировать тем товаром, коего нет в наличии... Имеется в виду ваша набожность. Поехали лучше домой. К вам домой... Постановление о проведении обыска со мной, ознакомьтесь...

Вошли в квартиру. Я показал на запертую дверь. Спросил:

— Почему замки?

— Человек живет, — равнодушно объяснил Лямзин. — Попросился и... живет. Зовут, кажется, Гена. Или Петя... запоминавал. Познакомился по пьянке с ним, кто, чего — не в курсе, в отличие от вас, в чужие дела не суюсь.

Я промолчал. Настроен был Лямзин агрессивно и отчужденно, не трусил. Я искренне удивлялся: откуда такая слепая озлобленность? Ни единого движения к компромиссу? Словно с кровным врагом он столкнулся, которого ненавидел люто, всем существом... Ошиблись мы в Лямзине. И крупно. Впрочем, будет еще время испытать его...

Пригласили понятых — соседей, начали обыск. Следов «левой» ондатры, краденой с железной дороги, увы, не обнаружилось — видимо, если и находилась она здесь когда-то, то трудами Вани реализовалась.

Андрей МОЛЧАНОВ

Находки же не впечатляли. Разве видеокассеты порнографического содержания.

— Мое, — глядя на них, покорно согласился Ваня. — Сознаюсь: я патологический тип. Но факт распространения отсутствует, а на личные увлечения карательная сила кодекса не распространяется.

Я вновь проглотил пилюлю.

В шкафу, в одном из ящиков, набитом всяческой — гитарными струнами, брелками, старыми замками-молниями, нашлась коробка с патронами от мелкокалиберной винтовки.

— Ваши?

Лямзин молчал.

— Хранение боеприпасов, — сказал я. — Думаете, никчемные придирки? Напрасно. Пусть от «мелкашки» — все равно статья.

— Сидел со мной один, — отозвался Иван. — Тоже за два патрона. Тоже найдены при обыске. Искали, конечно, другое... Но за неимением... В общем, знакомо. Понятны ваши задачи, гражданин начальник.

— Вы полагаете? — усомнился я, обводя глазами комнату. Понятие с суровыми лицами праведников, созерцавших закономерный крах греховодника-соседа, торжественно замерли у стены. Оперативники исследовали недра платяного шкафа. Меня же не отпустило нудное, как зубная боль, ощущение, будто в комнате чего-то недостает... Не хватало в ней некоего логического завершения самой обстановки... Но то ли я устал, то ли сосредоточиться не мог — ощущение оставалось безответным. Стол. Стулья. Сервант. Какой-то нестандартный, с узенькой боковой стенкой... В серванте — зеркало, стеклянные полочки, утварь, из которой Ваня наверняка никогда не ел и не пил: аляповатый фаянс, чашечки-наперстки и сувенирные бокалы емкостью более двух литров... Много раз встречал я такие вот бесполезные серванты, словно кичащиеся своей никому не нужной пышностью красивенького содержания...

Низ серванта обрамляли какие-то художественные излишества в виде латунных вензелей и полос. Склонившись, я разглядел в центре одного из вензелей кнопку.

— Что там? — спросил я у Лямзина, приседая на корточки.

В глазах Ивана мелькнула тревога, однако он опять промолчал. Я нажал кнопку. И — события последующих двух минут перестали меня занимать.

Сервант оказался именно тем предметом, наличие которого в комнате я неосознанно пытался найти: встроеной в стену кроватью. А его дно в дневные часы и было сервантом. И вот весь этот фарфор, стекло, зеркало, вся эта декорация, введшая меня в заблуждение, обрушилась на мою глупую голову, которую тут же залило кровью от бесчисленных порезов...

ЯРОСЛАВЦЕВ

Он запер машину, прошел в подъезд, вытащил почту из ячейки общего шкафа и, на ходу перебирая газеты,

А. В. Г. Д. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

СТУП?

Рисунки Владимира МОЧАЛОВА

направился к лифту. Внезапно, как бы оступившись, остановился, вглядываясь в конверт, попавший среди прочей корреспонденции. Прочел: «УВД горисполкома...»

Повестка. Такого-то числа зайти в отделение милиции в комнату номер шесть.

Он почувствовал нервную тошноту, как от удара поддых. Заскакали мысли.

«Ну, повестка... Наверняка по ерунде... Если что — не вызывали бы... А может, хитрый ход?»

Сунув бумажку в карман пальто, открыл дверь квартиры. Первой его встретила дочь:

— Пал, принес что-нибудь посмотреть? — Имелась в виду, конечно же, видеoinформация.

— Танюша, деточка, завтра, не до того... — Он разделся. — Да и зачем тебе этот видиот? Жизнь куда более прекрасна, нежели...

— Ну, а музыкалки? — Имелась в виду эстрадные программы. — И уму, и сердцу!

— Ну ладно... завтра. Только напиши, что именно.

— Ой! — И радостная дочь помчалась за бумагой и ручкой. — Я записалась на курсы английского, — прозвучало уже издали. — Чтобы... Ну, в общем, стюардессой хочу стать... на международных линиях.

У них там пенсия знает какая?! И всего до тридцати лет работаешь. А потом... — Сколько мечты, восторга, надежды было в последнем слове...

Ярославцев вздохнул. Не хотел он слышать этого от дочери, другого жалелось. А чего другого? Не ты ли пестовал в ней все это? Не ты ли...

— Ужинать будешь? — Появившаяся в прихожей Вероника, повязывавшая цветастый, накрахмаленный передничек, чмокнула его в щеку. Красивая, энергичная, сразу видно: все знает, все умеет; а если на счет милых женских слабостей, то и их сыграет в нужный момент безупречно. Партнер надежный.

— Сыт я, — сказал Ярославцев.

— Можешь поздравить: через неделю твоя супруга — начальник отделения института, — поделилась она ириво. — Собственные темы, три поездки в год... А? Ты не рад?

— Видишь, только я у вас иду мимо жизни, — ответил Ярославцев, с удовольствием сдирая тесную петлю галстука. — Потому на вас, женщин с будущим, вся надежда.

— Кстати, о будущем не вредно бы и тебе подумать, — заметила она. — Пока поступают предложения, во всяком случае.

— Выбираю лучшее, — ответил он.

— Володя, дорогой, ты посмотри на свою жизнь... — Она говорила вскользя, мягко, как хороший друг; она всегда, впрочем, так говорила — на воркующей какой-то ноте участия и совета, не назидательности. — Спишь до полудня, сплошные мотания, заработки непонятные, вообще неизвестно кто такой...

— И все же, полагаю, высокая зарплата министерского чиновника устроила бы тебя менее. — возразил Ярославцев, улыгнувшись.

— Ошибаешься. Устроила бы. Я скоро буду доктором, диссертация на подходе... У нас все есть, деньги нужны лишь на текущие расходы...

Разговор велся без накала, как бы между прочим,

покуда закипал чай, и Вероника выставляла на стол печенье, конфеты и орешки, Ярославцев же безразлично размышлял: что же его связывает с женой? Взрослеющая дочь? Квартира и мебель? Постель? Или попросту привычка каждодневных встреч друг с другом за чаем и такие вот разговоры?

— Сегодня, надеюсь, пить не будешь? — спросила она с очаровательным юмором в интонации.

— Как изволиле приказать, — ответил Ярославцев сухо и подумал: «А выпил бы... Повестка эта... Завтра к десяти утра тащиться — вот, черт... испытание. Физическое и моральное. Кстати, в тюрьме встают рано. И ложатся рано. Привыкай. И затей там никаких... Нет, не пережить тюрьмы. Лучше из окна вниз головой!»

— Слушай, мне надо все-таки сделать подарок шефу, — ворвался в сознание голос жены. — Мое назначение — исключительно его заслуга.

— И сделай, — пожал плечами Ярославцев.

— Не так просто... Не дай бог, сочтет за взятку! Он знает какой!

— Не берет? — спросил Ярославцев с иронией.

— Да о чем ты!..

— Ну, положим, дать взятку можно любому. Другое дело: как датить?.. — Он испытующе поднял на жену глаза. — Может, в чем-то нуждается твой шеф? Услуги, связи?..

— Кто знает? — Она озабоченно, всерьез размышляла. — Слышала, дабл-кассетник он сыну ищет...

— Возьми наш, — сказал Ярославцев. — Тот, новенький.

— Да ты что, он же... Я повторяю...

— А ты скажи: знакомые привезли. Цену посмотри по каталогу, там долларов сто... И поясни ему: знакомые эти — люди сродни вам, кристальной честности, хотя за кассетник строго по курсу, так что гоните... сколько там ныне доллар в пересчет на рубли? Ну, девяносто, скажем, рублей. Вот и клюнул твой шеф. Все чинно-благородно до безобразия, даже противно.

— Мысль! — согласилась Вероника, наливая чай мудрому мужу. — Шеф, конечно, не дурак, но...

— Милая жена, а теперь вопрос к тебе. — неотрывно глядя на ловкие, ухоженные руки ее, сказал Ярославцев. — Как ты считаешь: что в принципе нас с тобой связывает на день сегодняшний? Уверяю, вопрос без прицела, праздный.

— То же, что и всегда... любовь, дорогой. — Она поцеловала его в макушку. И засмеялась легко и беззаботно.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

— Точно, — усмехнулся он. — Очень ты правильно... подметила. И главное — я рад, что наши мнения совпадают.

На его реплику я всеми силами постарался не реагировать. По возможности бесстрастно распорядился продолжать обыск и отправился на оперативной машине в ближайший травмопункт накладывать швы на гудящем от ошеломляющего удара черепа.

Участковый инспектор, сопровождавший меня, решительно двинулся к дежурному врачу — уговорить ввиду чрезвычайных обстоятельств принять мою персону вне очереди, а я, сидя на стульчике и прикладывая к ранам скотканые бинты из автоаптечки, оглядывал томившийся в приемном отделении народ — человек восемь... В какой-то момент показалось, что падение кровати серьезно повлияло на мое восприятие действительности, и причиной тому был странный факт: люди в очереди переговаривались друг с другом, как старые знакомые, будто всю жизнь свою просидели на стульях в этом коридоре... Ни малейшей стесненности, отчуждения... Прислушавшись к их разговорам, я убедился: нет, со мной все в относительном порядке, а собравшиеся здесь — соседи по подъезду, жертвы общей неприятели. Нетрезвый гражданин, ведущий рассеянный образ жизни, в их подъезде проживающий, привел к себе из самых гуманных побуждений бродячего пса и, после совместной с псом трапезы, уснул глубоким сном, забыв запереть входную дверь. Благодарный пес, оказавшись здоровенной кавказской овчаркой, принялся чутко нести сторожевую службу и, заслышав на лестнице шаги, выскочил из квартиры на площадку, тяпнув за ногу возвращающуюся с работы соседку. Подъезд огласил дикий вопль, на который сбежались жильцы, а их, надо полагать, пес кусал уже с перепугу. Так или иначе, я в окружении пострадавших, обещающих именно соседу, а не собаке, страшную месть, ощущал себя полным дураком! И о гражданине Лямзине думал крайне негативно, хотя и без видов на сведение с ним счетов. Но каков подлец! Так искусно изобразить замешательство, явно тем спровоцировав меня, самоуверенного кретина, нажать на злосчастную кнопку...

— Кто там с порезами? — выглянула из-за двери кабинета медсестра.

Через полчаса забинтованный, в нашлапках пластыря, невесело размышляя, что стану объяснять начальству и знакомым девушкам о своей изменившейся внешности, я прибыл обратно в квартиру Лямзина. Результаты обыска, к тому моменту завершенного, обнадеживали. На кухне нашли самогонный аппарат, пять литров настоящего на апельсиновых корках «продукта» и... еще кое-какую аппаратуру, назначения очень специфического... Иван, судя по всему, усердно подслушивал все, что творилось в комнате «жильца», а кроме того, вел магнитофонную запись его переговоров. Пленок, увы, мы не обнаружили. Оставалась слабая надежда на информацию, заложенную в персональный компьютер, но в продуктивность ее анализа мне не верилось.

— Так зачем все-таки вам подслушивающая система? — лениво спросил я, листая записную книжку Вани.

— Законом не карается, — последовал ответ. — Природное любопытство. Оказавшееся неудовлетворенным, кстати.

— Лямзин, — сказал я. — Призываю вас к откровенности. Вы сели... в лужу, по крайней мере. Патроны, самогон, сомнительные чековые операции...

— Лажа все, — перебил Ваня. — С чеками — оно... да, сомнительно, чтобы доказать. Самогон? Впервые вляпался, значит, штраф. Заплатим, не обеднем. Начет патронов — подкинули. Во — соседи! — Он указал на понятых, остолбеневших от возмущения.

Внимая этим оптимистическим заверениям, я продолжал листать записную книжку. Ба! Номер Ярославцева!.. Не ему ли понадобилось обеспечение прослушивания Ваньного соседа? Такая неожиданная мысль здорово меня увлекла!

— Ярославцева знает? — спросил я.

— У меня много народа шапки покупает... Всех не упомяну.

— Александр Васильевич, — тронул меня за плечо участковый, — открыли замки в соседней комнате.

Ваня всем своим видом выразил: мол, это уж меня вовсе не касается, да и неинтересно...

Интересного и в самом деле было мало: старенькая мебель с засохшими от голода клопами, кое-какая импортная радиоаппаратура, ненюшенная фирменная одежда, упакованная в большие картонные коробки... Все это напоминало некий склад, перевалочную базу; вернее, остатки ее после капитального вывоза...

Десять спортивных костюмов «Аидас» возвратили мои мысли к железнодорожному погрому — там было что-то, связанное именно с такими костюмами...

Мы аккуратно сложили вещи обратно в коробки. Специалист из отдела криминалистики тщательно запер замки.

— Ну, поехали теперь к нам в гости, Лямзин, — сказал я. — Посмотрите, что изменилось там с поры вашей юности.

СЛЕДСТВИЕ

— Вынужден писать жалобу прокурору, — задумчиво сказал Лямзин, когда меня извлекли из-под серванта-постели. — Это неслыханно: разбить посуду исторической ценности, причем в таком количестве... при некачественном проведении обыска.

— Ненавижу вас,— бесцветно, очень устало произнес Иван фразу, которую я слышал десятки раз.

Но по тому, как поднялся он со стула, как пошел к выходу, понял я: будет Лямзин молчать. Упорно и тупо. Ошибся я. Первое его дело с толку сбилось, воспоминания тех, кто знал этого Ваню младым и зеленым. Закалится трусоватый шалопаи Ваня в превратностях судьбы своей, изменился, выработал, что ни говори, а позицию, утвердился в ней и сдавать ее не желал. Я же на психологию его рассчитывал как на психологию мелкого лавочника, боявшегося потерять приобретенное: хлам свой, жизнь затхлую, но на теплом диване... и — просчитался. Наверное, потому, что такой лавочник перед лицом своего идейного врага превращается в рассвирепевшего быка. И никакие уж тут бандерильи его не устроят. А может, всерьез воспитали Ваню крутые дяди, привив ему философию неизбежного риска и неизбежной потери: дескать, жизнь — копейка, судьба — индейка, и вообще: раньше сядешь, раньше выйдешь, а деньги — мусор, и наметет его всегда негодным ветром...

Выдох из подъезда, Лямзин внезапно попытался оттолкнуть оперативников... Возникла какая-то смятенная сутолока, мгновенно, впрочем, пресеченная.

— Ты мне... фокусы брось! — сурово предупредил Ваню участковый, цепко ухвативший его за плечо.

— Все, начальник, фокус был последним, — с глумливой улыбкой, необычайно чем-то довольный, согласился Ваня.

Я оглядел улицу: никого... Что это? Сигнал кому-то, предупреждение? — очевидно же, неспроста это...

— Ну, я свободен? — спросил меня участковый, когда Ваню с почетом усадили в наш автомобиль. — Инструкции ваши уяснил, не беспокойтесь...

— Чего он дергался-то? — спросил я озадаченно. — А?

— Психует... — недоуменно вздернул бровь милиционер. — Характер ведь выказать надо...

— Давайте же же покумекайте, — попросил я. — Может... выбросил он чего-нибудь у подъезда?..

— Улики? Мы же смотрели.

— Не нравится мне... Кукольник все же, шулер... Я в прокуратуре сегодня поздно. Так что, будет повод, звоните.

— Ну... покумекаю, — согласился он, покосившись на дверь подъезда.

МАТЕРЬ

Чувство опасности не подводило его никогда. Вот и сейчас противным холодком цепенело все тело, в которое будто бы целились невидимые штыки, и как ни убеждал себя: чушь, нервы, — убедить не мог. Слежки он не заметил, да и как заметишь: занимаются им, Матерым, гвардейцы, а у них и техническая база, и гибкая, без пошлых «хвостов» тактика с секретными и вывертами неведомыми...

Интуиции он верил слепо. Начал вычислять: если прицепились, то когда? Много он успел проколоть адресов? С ужасом понял: невероятно много... И вдруг решил для себя: все, надо резать концы. Одним махом.

Притормозил у дома Прогонова. Подхватив кейс, прошел в подъезд, гадая — «засветил» ли он адрес Виктора Вольдемаровича, или покуда нет? Как бы там ни было — лишь бы не взяли тут, сейчас...

Он расстегнул пиджак, сдвинув легким движением пальца предохранитель «парабеллума», засунутого за пояс. Будут играть милицейские оркестры на похоронах, если затеяли в данную минуту что-либо граждане сыщики...

Нет, осадил себя, давай без излишней уверенности... Вспомни одного большого мастера каратэ, коего на уголовщину потянуло... Предчувствовал мастер арест, но хвастался, кичась силой: мол, поглядим, как они меня брать будут... Я их... в кисель... в компот... А они защемили пустозвона дверью в метро и повязали, как бобика, — твякнуть не успел. Так что скромнее, Матерый, утихомирься, ты не ухарь-пижон.

Позвонил в дверь. Желто-горячий «глазок» на секунду потемнел. Затем звонко щелкнул замок и показалось настороженное лицо Прогонова.

— Один? — спросил Матерый, холодно впиваясь в лживые глаза Виктора Вольдемаровича.

— Пока... один.

Матерый прошел в комнату, положив на обеденный стол кейс, раскрыл его, вытащил несколько пухлых пачек денег, перетянутых резинками.

— Документы, — потребовал кратко.

Прогонов, вкрадчиво улыбаясь, провел ладонью над деньгами, и те исчезли, словно растворились.

— Минуточку! — попросил учтиво и скрылся в смежной комнате. Вернулся с небольшим свертком. — Прошу, — протянув сверток, сообщил сокрушенно: — Как понимаю, твой последний заказ. Выполнен он на совесть, сомнениями не обижай. М-да. Что-то мы все о делах... Может, чаю? Или... хорошее бренди? Отдохнем...

Матерый, не слушая его, сунул сверток в карман пиджака, подошел к окну, гляделся в темноту. Показал головой глубокомысленно, прикидывая...

— Слышь, Вольдемарыч, — сказал, не оборачиваясь. — Надеюсь, хвост я за собой не привел, но рисковать не стану. Чую: паленым несет... Гаси свет, открывай окно — тут пожарная лестница вроде рядом...

— У меня же там гортензия! — озабоченно всплеснул руками хозяин. — На подоконнике... Ради всего святого — осторожнее... Да, учти — здесь пятый этаж...

— К черту гортензию, — на выдохе процедил Матерый. — Свет гаси, сказал же! Отрываться надо. И портфель... а, себе оставь!

Под завывающие причитания Прогонова он стал на подоконник. Стараясь не смотреть вниз, легко прыгнул в темную пустоту, тут же ухватившись руками за перекаленную из ржавой арматуры. Повис, нащупывая занывшей от удара о железо ногой опору...

Улица освещалась слабо, стена дома терялась в темноте, и это его порадовало.

Стараясь не шуметь, спустился вниз. Отер ладонь о ладонь, стряхнув ржавчину и прах старой, облезлой краски.

Затем, скрываясь в кустах шиповника и жасмина, буйно разросшихся на широком газоне, двинулся параллельно улице прочь.

Ну и все. «Волгу» пришлось бросить — плевать! «Волга» ворованная, техпаспорт фальшивый; три года, к тому же, машине — пусть пойдет на запчасти нуждающимся. Через месяц-два от нее остов останется — народ наблюдателен, точно угадывает бесхозное... А может, и выплывет эта «Волга», как довесок к дебрям Анатолия... Но да от него теперь не убудет, как бы ни прибывало...

Он перевел дыхание, глубоко и радостно ощутив внезапное чувство свободы. В воздухе были разлиты запахи молодой травы, первых цветов мая; росистая, бодрящая свежесть...

И вспомнилось: когда-то, точно так же, кустами, таясь, он пробирался закоулками портового города к сладостной неизвестности романтического будущего...

Бедный, нескладный волчонок... Обнять бы тебя, утешить... да только кому?

Это сейчас бросаю всякие «волги», как рухлядь, а тогда мечтал о велосипеде как о чем-то недостижимо-волшебном.

Он зажмурил глаза, с силой тряхнув головой, — как бы отгонял наваждение.

Не расслабляйся, рано. Думай. Ясно, целенаправленно, исключительно по существу. Итак. Куда теперь? Ваню навестить? А если засада там? Тогда... хотя бы возле подъезда пройти — вдруг, да есть на двери знак какой? Допрыгался! Зачем вертелся, зачем петлял, следы пугая? Чего добивался? Указание Хозяина выполнял? Ну, кое-кого налугал, приструнил, но толку? Отринуть налаженное дело никто не захотел — даже те, кто клятвенно обещал с испугом в глазах. И понятно — вольготный стиль жизни у людей выработался, достаток и ... иллюзорное ощущение безнаказанности. Каждый полагает, будто тайное у него надежно скрыто... А производство лишь до поры упрячь... Жадность, лень, инертность сгубит всех этих предпринимателей. Ведь дай им даже официальную инициативу, дескать, плати налоги и выпускай продукцию, вряд ли устроит их такое предложение. Кто они ныне? Государственные люди, начальники. План у них, фонды, бумажная привычка волокиты и возможность бумажный план выдавать. Отсюда — неучтенные ресурсы, дающие чистоган... Вот и выходит: и общественный статус есть, и зарплата, и льготы за так, за бумажные выкрутасы, и — гонорары «из воздуха», за счет бесплатного сырья и госстанков. А законная инициатива — шальшь! — тут ты в воздухе подвешен, с нуля начинаешь, сам за себя и воздвиг кто такой? Тут большая смелость нужна, энтузиазм, ум, ответственность...

О чем ты? — вновь остановил он себя. Тебе-то какое дело до всего? Ты свое отыграл... на конкретном отрезке времени. Какие возможности отрезок тебе предоставил, такие и реализованы. Половина в мутной водиче рыбешку и вместе с осевшим илом — на дно золотое. Сиди там и пузыри не пускай. Отгородись от мира, спешащего по новым путям к своему будущему, стеной из денег и наблюдай из-за нее осторожно за дальнейшей свистопляской, обмениваясь репликами с Машей на огороде... Сочинения философов приобрати, позволь такую роскошь, дабы и духовно вырасти... Только бы смыться, только бы!.. В Харькове остановиться недельки на три у Хирурга, преобразовать морду лица до неузнаваемости, наклеить фотографии в документы и — прости-прощай Прогонов, Хозяин, прошлая жизнь и набравший опасные обороты подпольный механизм, остановить который предоставь попытку уже органам...

Он перебрался через железнодорожную насыпь, поблуждал переулками какого-то незнакомого района, поймав, наконец, «левака».

— В центр, — сказал коротко.

— Центр большой, — ответили справедливо.

— Москва, Кремль, — сказал Матерый. — Двигай.

У Манежа действительно стояли «дежурные» «Жигули» — одна из самых первых халтур Толи; машинка старенькая, но надежная. Вот на ней он и уедет на дачу. А дачу он не провалил: очень правильно себя вел, не терял головы. И снова мелькнуло: заехать

к Ивану? Нанести последний визит? Вещички кое-какие добрать, но вещички ладно, чепуха, основное — то, что так безвинно, так на виду стоит на подоконнике...

СЛЕДСТВИЕ

Под вечер, одолжив у коллеги Алмазова электрический чайник, заварку и кружки, мы с Лузгиным засели у экспертов-криминалистов, просматривая видеoinформацию, изъятую у Лямзина, и неспешно обсуждая сложившуюся обстановку.

Участковый инспектор, служака дисциплинированный и дотошный, повторно обследовав местность в районе подъезда, ничего не обнаружил, кроме разве некоей отрывистой короткой меловой черты-росчерка на входной двери...

Мелок мы нашли в оперативной машине, на полу. Ваня, упрятавший его поначалу в рукав, согласно отработанной методике, затем бросил мелок под ноги. Таким образом, фокус не удался. Однако ни предьявленный мелок, ни следы его на обшлаге рукава, ни разговоры вокруг Монины и Ярославцева ничего попрежнему не изменили: Лямзин замкнулся наглухо.

— Молчит, — говорил Лузгин, поглядывая на экран одного из конфискованных телевизоров и дуя на горячий чай. — Пусть молчит! Его право избрать такой метод защиты. А мне лично все ясно без пояснений. Подселил Ярославцев подручного своего к нему с прицелом: мол, когда придут люди в серых шинелях к Матерому, естественно, тут-то Ваня — стук-стук: люди, будьте бдительны. Или мелком по двери — азы конспирации... Аппаратура для подслушивания — тому подтверждение. Матерый, конечно же, не марионетка, к самостоятельности тяготеет, как такого помощника не контролировать? Ну, а Ванюша получал свой агентурный гонорарчик и попивал самогончик, хорошо очищенный, — чем не жизнь?

— Ваню, конечно, есть за что поддержать в угрюмых стенах, — сказал я. — И подержим. Соседи насчет каких-либо расспросов о нем проинструктиваны, но боюсь, провалили мы квартиру...

— Едва не провалили, — уточнил Лузгин. — Но Матерый, помани мое слово, там объявится. И там, думаю, будем его брать. Выносящего коробки. Жаль, основного его лежбища не знаем, за городом оно у него где-то, а отрывается он туда грамотно... Хотел я пустить хвостик — не вышло: по-особенному он туда уходит, к логову, — через объезды лесные, со сменой номеров...

— И техпаспортов, значит, — заметил я. — В чем вижу приложение высокохудожественного таланта маэстро Прогонова.

— Не без того. — Лузгин посмотрел на часы. — У него он, кстати, сейчас... Второй час пошел, как беседа ведут, засиделся. Так вот, — вернулся он к теме, — а узрел бы Матерый знак меловой и — как пуганный пескарь — ф-фить в темную заводь... Объявляй тогда розыск. Почему и не хотел я Ваню тревожить.

— Начальство, — поплакался я, — давит. Народа по делу полк работает, а кто в камере? Воронов? Коржилов? Указание в письменном виде пришло. Сам Сорокин подписал!

— Ха... — отозвался Лузгин. — Ты еще скажи — начальник Сорокина.

— А что... начальник?

— А ничего. Им подписать — как за ухом почесать, а там — сами разбирайтесь. Начальник же... тот еще когда у нас командовал, лепил подписи, не глядя. Он себе постановление об аресте однажды завизировал. Ребята схожили. Так что, подписал или нет, у тебя у самого башка на плечах. Не согласен — иди к руководству, объясняй лично. В частности про необходимость крайне деликатной следственной тактики в данном вопросе. Мелок сегодняшней — тому пример наглядный. Это дело сперва как бы в общем раскрывать надо, а не от одного к другому брести. Глянь на Матерого: он как замателся и сколько точек указал, и каких! На каждую — следственную бригаду высылать надо. Дачи, отделка квартир, производства всякие: алкоголя, пакетов, часов «под фирму»... да это еще мелочь! А благодаря чему все выявлено? Терпеливость и... тактические мероприятия, безо всяких «руки вверх». А свинти мы объект с горизонта, сколько бы за кадром осталось?

— То есть будем искать себе работы? — подытожил я, наливая себе очередную кружку.

— А у меня, кроме нее... и нет ничего, — отрезал Лузгин. — Да выключи ты ящик! — Он махнул рукой в сторону телевизора. — Вкусы Лямзина не выяснил? Секс и полицейские похождения.

— Ну, насчет походов — интересно, — возразил я. — И познавательность с профессиональной точки зрения.

— Все, как у нас, — сказал Лузгин. — В основном уголовные сказочки. А методы... чего познавательного? Агентурная работа, вербовка «на горячем», шантаж... Нагрузки у них, судя по всему, больше, отсюда приемы жестче.

— Юриспруденция у них потоньше, — вставил я, выключая магнитофон.

— Зато сроки больше, — сказал Лузгин. — Юриспруденция!

— Кстати... А как вам... Ярославцев? — спросил я.
— Как... Жулик.
— И всего-то? А я, между прочим, с людьми встречался, беседовал и... не давал бы столь категоричных характеристик. Он ведь тоже... горел работой. И ничего никогда за ним такого...

— Ты, Сашка, давай... без мистики, — оборвал меня Лузгин неожиданно резко. — Горел-то горел, да прогорел. Почему? Шел против установленного. И точка. Ну... хорошо. Прогорел. А ты бы, к примеру, прогорел, ему бы уподобился? Той же стужкой пошел? Молчишь? Вот! А когда на пепелище он свои замки стал возводить, кого в подручные взял? Воров. Или, может, он среди них просветительно-воспитательную работу вел?

— К авантюрам: железнодорожным, рыбным; к убийствам — нет, наверняка непричастен он! — сказал я. — Не верю!

— Все равно, — заявил Лузгин. — Все равно он всех опаснее. Он зло насадил и взрастил. И в белые ряссы ты его не ряди! Для таких, как он, и статьи соответственные, и сроки до упора. Подонки что? Нахулиганил, набузил, все на виду, и пошел в зону тихо-мирно на годик-два. Отсидел, затем погулял месячишко, снова или кому-то тарелку с супом в ресторане на голову одел, или три рубля в троллейбусе спер и после отпуска обратно в зону. А такие... Он один страшнее всей шпаны. Он государственные принципы искажает, понял? И что же выводит по этим его принципам? Ты вот вкальываешь, с бандюгами каждый день, сон для тебя — высшее благо. Сплошные допросы, решетки, бумаги, а в месяц столько зарабатываешь, сколько он — за день.

— Да и пусть. Не жалею, не плачу, — сказал я. — Мне хватает. Зависть не гложет. Пусть зарабатывает, лишь бы с пользой для других и законно. Все равно деньги в какое-то дело пустит; социально активные миллионы в чулки не хранят.

— Ты, Сашка, переутомился, — рек Иван Семенович сурово. — Чуть несешь. Мой тебе совет: делай дело, а анализ другим оставь. Идет человек против правил — бери его и применяй меры... Изменяются правила — значит, такова общественная закономерность, признанная законодателями. А куда не признана — никакого ты права на люфты не имеешь. Иначе... до Ярославцева скатишься.

— Но правила меняет именно частота нарушений...
— Опять глупость сказал! Она их ужесточать обязана. Слушай меня: я всю жизнь прожил слугой закона. Слушай. Не нужна тебе вся эта беллетристика, а только кодекс, комментарии к нему и прочая сопутствующая литература. Потому как ты себе сам такое дело выбрал — жесткое. И еще добавлю... В плане теории. Не надстройкой базис меняет, а наоборот. Закончили! Теперь о Ярославцеве. Трогать его сейчас никак нельзя. В ОБХСС на полную мощь заработали, факты потоком прут, а он их нам добровольно, можно сказать, подбрасывает. Только бы в бега не подался! Ни он, ни Матерый. А подадутся — припомнит нам начальство всю деликатность и выдержку... Вот о чем думать следует! Привет! — Лузгин встал. — По домам. Завтра опять... попытки объять необъятное. Где людей брать? А насчет принципиального жука Лямзина не переживай. Пусть посидит, поскучает на топчане. Многого он не выложит, разве детали какие... В общем, у нас он, никуда не денется. В жарногах.

Когда я заглянул в свой кабинет — проверить, заперт ли сейф, у меня невроз по данному поводу! — зазвонил телефон. Сообщение оперативной группы обескуражило: Матерый скрылся. Ушел красиво, оставив приманкой «Волгу»; по пожарной, очевидно, лестнице...

ЯРОСЛАВЦЕВ

В комнате за номером шесть, куда, руководствуясь повесткой из отделения, Ярославцев зашел, сидел молодой человек в спортивной куртке и джинсах и оживленно разговаривал по телефону. Узрев посетителя, человек столь же оживленно и спешно разговор завершил и представился оперативным уполномоченным Курылевым.

— Так-с, — начал он, скорбно изучив протянутую повестку. — Ярославцев... Неприятности у вас, товарищ... — И устремил скучающий взгляд куда-то в окно. Продолжил: — Навещали ли вы три дня назад известного вам гражданина Докукина?

— То есть? — не понял Ярославцев.

— Заходили ли вы три дня назад к гражданину Докукину домой? — внятно и медленно, будто диктант диктовал, произнес Курылев.

Ярославцев вспомнил... Действительно существовал среди его окружения работник мясокомбината Докукин, с ним связывали деловые отношения по мелочам, в основном быта. И три дня назад действительно заехал он к этому Докукину за своим компьютерным диском, одолженным тем на время. Дверь в квартире оказалась незапертой, Ярославцев вошел кликнул хозяина, но тот не отозвался. Дисконд между тем стоял на виду, в нише «стенки». Поскучав минут пять, Ярославцев написал записку хозяину: мол, все

в порядке, технику я забрал, а дверь зря открытой держишь, и — отправился восвояси.

— Ваша записочка? — Курылев вытащил из папки, лежавшей на столе, клочок бумаги.

— Моя.

— Когда, при каких обстоятельствах...

Ярославцев рассказал.

— Значит, об ограблении вам ничего неизвестно? — выслушав, спросил Курылев. — Квартирку-то потрясли, — сообщил он грустно. — Вот так вот. Потому и дверь открыта была. А украли ценную картину. Целенаправленно, значит...

— Но при чем здесь... — начал Ярославцев.

— А при том, — с нажимом перебил Курылев. — Странно же как-то все объясняете, товарищ. Чудно... Я, конечно, не следователь — тот болен, я по его поручению тут с вами... беседую; но чудно... Входите в чужую квартиру, не удивляясь отсутствию хозяина, тому, что дверь настежь... Берете аппаратуру.

— Так свою же аппаратуру!

— Правильно. Насчет нее состава нет...

— Спешил я, поймайте!

— И доспешились. — Курылев насунил. Помолчал, крутя в пальцах авторучку. — А гражданин Докукин, между прочим, утверждает, будто на картину вы неоднократно и напряженно заглядывались и купить картину предлагали так же неоднократно... Есть свидетели...

— Ну... крепостной художник, помню... Портрет девушки; милое лицо, живые глаза... Да, предлагал... и что же?

— А то, что гражданин Докукин на вас очень серьезную бочку катит, — сообщил Курылев. — Полную... резко негативных о вас высказываний.

И тут Ярославцев вспомнил: Докукин был должен ему три тысячи. С долгом тянул уже год... Может, посчитал экспроприацию картины как акт погашения долга и оскорбился, наклеяничал?

— Но я же не брал, клянуся! — воскликнул Ярославцев с горячностью и замолк, потрясенный нелепостью всего происходящего, униженностью обстоятельств и неумолимой их глупостью. — Ерунда какая-то, — произнес, озлобляясь.

— Хорошенькая ерунда... — усмехнулся Курылев беззлочно. — Сейчас задержим вас за нее на трое суток, а после посмотрим, о какой такой ерунде вы речь поведете... На работу сообщим...

— Доводы! — признал Ярославцев. — Потому давайте думать. Итак. Картину похитили. Полагаю, и в самом деле с прицелом и с умыслом. Значит, возвратит ее силами вашего отделения будет нелегко, так?

— Интересно излагаете, — произнес Курылев. — С удовольствием послушаю дальше.

— Докукина я знаю весьма поверхностно, — продолжил Ярославцев и замолчал: в памяти всплыла забавная сцена: он и Докукин едут по какому-то пустяковому делу на машине Докукина; заворачивают на заправку гостраспорта, и Докукин, прихватив батон ворованной с мясокомбината колбасы, идет на переговоры с заправщицей, повергая Ярославцева в беспросветную удрученность от своей сопричастности к какому-то жалкому проходимцу...

— ...знаете поверхностно, — напомнил Курылев.

— Да. Но кое-что в характере его для меня очевидно: жаден, расчетлив и, видимо, используя ситуацию, желает из меня что-нибудь да выжать. Так?

— Ну, на такие вопросы мы ответов не даем, — важно отозвался Курылев, выпитив нижнюю губу. — Но бочка катится, учтите.

— А если так: я ему компенсирую и... с концом дело! — взвизываясь, предложил Ярославцев. — Не до того мне, чтобы еще в склоку со всякой мразью лезть... Пусть назначает цену.

— Героический вы! — одобрил Курылев с удивлением. — Только... дело-то не с концом! В начале дело, в периоде расследования. И закрыть его могут лишь в следственном отделе района при отсутствии, дополню, состава преступления или его события... Что решает исключительно прокурор. Дошло? — Он пристально взглядел в Ярославцева, как бы постигая сущность собеседника и характер его. — А может, — произнес полусерьезно, опуская глаза, — у вас с Докукиным договоренность имелась о продаже картины, а? Он вам доверял, а потому и ключи у вас были... там замок чистоенько вскрыл, и-да. Ну, а про договоренность Докукин подзабыл или на всякий случай милицию вызвал, поскольку к вам дозвониться не сумел... А после — все утряслось. Поговорите с Докукиным, авось, вспомнит чего... Следователь — женщина благожелательная... В общем, зайдите ко мне сегодня вечером после разговора с потерпевшим...

С гудевшей от злости и досады головой Ярославцев прямо от отделения позвонил сволочному потерпевшему домой. Тот оказался на месте.

— Ты что же творишь, пакостник? — начал Ярославцев.

— А ты чего творишь? — донесся грубый ответ. — Чего по квартирам шастаешь?

— Короче, ищешь крайнего, на милицию не надеешься?

— Почему? — раздалось в трубке лениво. — Я заявление подал, пусть разбираются, у них служба такая.

— Но меня-то зачем приплел? Хорошо — Ярослав-

цев закусил губу. — Возможность договориться есть. Сколько ты хочешь за мазню?

— За старинное полотно я хочу десять тысяч советских рублей, — молвили рассудительно и чеканно.

— Подумаю.

Он повесил трубку. А потом словно очнулся. Да о чем он заболится, в конце концов! О сохранении престижа — как бы на работе не прознали, в какое дело ненароком вляпался? Или следствия испугался? Да эти же волнения — из прошлого, из другой, навсегда другой жизни. Да, можно и на своем стоять, можно и договариваться как-то... И опер Курылев, и женщина-следователь, конечно же, поймут его, не поверят, что способен на такую дешевку, да оно и видно: сразу, вполглаза, и играть не надо в честного и благородного; образ убедителен сам по себе, а масштаб образа тоже виден издали... Остановись в суете, Володя. Прояви хотя бы немного уважения... к собственной личности. И договариваться с хищнической крыской Докукиным, равно как и с милицией, вынужденной охранять интересы потерпевшего, не стоит, когда-то стоило, теперь — нет. Только бы потянуть время. Вообще, конечно, некстати, ох, как некстати все!

И еще о суете... Куда теперь-то ты собрался, мил человек? В министерство? А зачем? Инерция, да? Общественное ты все же животное, Вова, и даже, когда все законы общества для себя сломал, все-таки пытаешься им следовать, смешной человек... Другой вопрос — неудобно, ждут тебя там...

Он опустил еще одну «двушку».

— Привет, старина, — произнес механически. — Как вы там без меня, не скучаете?

— Ты где? — донеслось испуганно.

— Пока — на свободе, — сказал Ярославцев грустно.

— Слушай, брось дурака валять! У нас неприятности... Тебя, что, вызывали уже?

— О чем ты?... — настаивал Ярославцев.

— Ну, приезжай, не по продажам же...

Разговор в министерстве подтвердил старую истину: беда не приходит одна. Сигналы были тревожны: вся документация по «перспективному» производством изучалась ОБХСС, кое-кто из знавших механику создания производств приземлился на нары следственного изолятора, но самое главное — им, Ярославцевым, интересовались...

Он вышел из министерства и вдруг заметил ту же машину, что стояла около отделения милиции. — «Москвич»-фургончик с окрашенным черной нитроэмалью бампером. Или совпадение?

Сел в «Жигули», тронулся с места. «Москвич» следом не поехал. Совпадение, наверняка...

Соберись, подстегнул он себя. Сегодня куча дел: Джимми, Прогонов, Анна; вечером к Курылеву навещать надо — вот же где споткнуться привелось, расскажи, не поверит никто! Или все закономерно? Коли пошел поперек закона, он тебя всюду своим мечом достанет, и если не поразит, то уколует...

И вдруг нахлынуло дремотное безразличие. Предстоящая кутерьма дел представлялась настолько тягостной и беспощадно опустошавшей душу, что ввязываться в нее он не мог просто физически. И вместо того, чтобы ехать в центр, круто развернулся и двинулся в сторону кольцевой автодороги, за город.

В конце концов кончался быстротечный, волшебный май. И он хотел видеть, как наливаются зеленой травой, ощутить запахи веселого солнечного леса, которого, вероятно, не доведется навещать уже никогда. Тюремная пахнет цементом, затхлостью и смертью, а сказочная западная жизнь... наверное, тем же самым, что и тюрьма. Для него по крайней мере. Но этого леса там не будет, точно. Да и не до леса там.

С шоссе свернул на бетонную, проложенную через сосновый бор; въехал на пригорок, и оттуда вольготно и радостно открылась знакомая картина: излучина реки, скопление домиков за одинаково крашенным в зеленый цвет штакетником — он завез сюда и штакетник, и краску... Для всех.

Дачи у него не было. Считал, не стоит вкладывать нервов и сил в пустое. Матерый — тот да, обстоятельно соорудил себе загородные хоромы — с бильярдной, винным погребок, облицованными мрамором камнями и бархатной мебелью — зачем только, спрашивается? И для кого? Он же, Ярославцев, купил дом в деревне — просторный, крепкий, с русской печью; перевез туда старую мебель, холодильник, утварь и тем ограничился.

Население деревни — старики, кое-как подрабатывающие в совхозе, и единственная молодая пара, выращивающая на ферме бычков. Вот, собственно, все жители. Зависело же от них многое, пусть и по мелочам: у одного в бане попариться можно, другой навоз на огород подвезет, третий в теплице форточки раскроет, когда парит, а хозяина нет дома; четвертый подсобит с дровами... И Ярославцев в долгу не оставался. Доставал нуждающимся лесоматериалы, цемент, возил продукты из города; и заключал кое с кем деликатные трудовые соглашения — весьма выгодные обитателям деревни: кто траву на дворе выкосит, кто грядки прополет... Возиться самому с огородом — времени не находилось, а местный такой труд не обременял. И заработок от него не лишней, особенно у кого лишь пенсия в кармане, а досуг — лавочка перед палисадником...

Ворота он открывать не стал; остановил машину напротив ограды, прошел через калитку во двор.

Дом встретил его стылостью: вымерз за зиму в шубе снега и льда, отстоял нетопленным...

Он нежно провел ладонью по гладким, словно отполированным, бревнам стены горницы, плотно проложенным мхом.

Открыв закопченные заслонки печи, сложил шалашиком дрова, плеснул керосин из бутылки... Пламя с шипением пынуло; пелена дыма, качнувшись, нехотя устремила в трубу — не ослабла тяга за зиму, не сдала печь. Грустно стало до боли. Чего топить... да и зачем он приехал сюда? Говорят, перед смертью люди обходят дорогие им места... Правильно говорят, наверное, есть в том необходимость... А какая? Чтобы вспомнить и осознать? Пройти от истока к устью? Вновь? Отдать дань прожитому перед собственным судом? Но к чему судиться даже и с самим собой перед обращением в ничто? Или... есть перспектива?

Он как бы осекся на этой мысли. Перспектива. Какая же перспектива у него? Сбежать, предать все, себя предать! — подставив под удар женщину, любящую его слепо, истово... И дальше? Ну, сбежит. А там, в чуждальной жизни? Приспособливаться, хитрить, прозябать паразитом с уворованным капиталом — так ведь, так! А что остается? С повинной? А он не чувствует себя виноватым! Да, он пошел против каких-то установок, да, не хватило ума вовремя проанализировать ошибки... Теперь же — держи ответ! Ну, можно, конечно, подготовить блистательную речь перед высоким судом — убедительную, пронзительную... Но что сейчас у печи речь произноси, что где-то, разница невелика.

Прогнувшись, скрипнули половицы в сенях.

— Наше почтение! — На пороге, ухватившись натруженными пальцами за выступ притолоки стоял Константин — скотник с фермы, молодой, плечистый парень.

— Привет, — выдавил Ярославцев.

— А я гляжу — пропал. — Константин шагнул в избу. Ну, думаю, завертелся, значит, в делах...

— Дела, дела, — подтвердил Ярославцев механически.

— Ну, думаю, огород вскопаю, посажу там... ну, как в прошлом году, — огурчики, помидорчики, понимаешь...

— Спасибо, Костя, — сказал Ярославцев. — Если какие расходы...

— Во! — Костя со скрипом почесал крепкий затылок. — Рассада, то-се, в общем, вышел из бюджета. Поможешь?

— Сколько? — Столь же механически, как и говорил, Ярославцев достал бумажник.

— Ну, замена полиэтилена на теплице, семена... Огурцы, между прочим, отборный сорт! Потом кинза эта, как заказывал... Чего ради только? Она ж вонючая, дух такой, аж...

— Спасибо, Костя. Сколько?

— На столык за все про все потянет, верняк! — выпалил Константин с торопливой убежденностью.

— Сто рублей. — Ярославцев положил на стол деньги.

— Премного благодарствуем. — Деньги исчезли в Костиной телогрейке. — Да, бензинчик тут есть по дешевке... — Он смущенно закряхтел. — Смотри, я б договорился... А то туда-сюда, ездишь, как заведенный, а тут вроде за полцены...

— Ворванный?

— А? Ну... естественно, не свой же, ты даешь! Не, ну цены заделали, да? Будто у нас расстояния, как в Монте-Карло каком!

— Не надо, Костя. На бензине не сэкономишь. Мазаться... в канистры переливать... противно. Да канистр нет.

— Ну... — Костя помялся, подыскивая предмет для дальнейшего разговора. — Это... Я тут с бабой-то своей вспоминал... Помнишь, телек ты привозил с приставкой, кино глядели... Так я того, соображаю: может, подсобщи приобрести?

— Костя. Это дорого. И пленки дорогие.

— Да мне б пару всего... позабористее, понимаешь? — Костя присел на скамью. — Ты б одолжил мне, а? Ну, не за бесплатно, ясное дело. Я в момент... в общем.

— Окупил бы, да? — кивнул Ярославцев. — Мужичков бы собрал, с каждого по десяточке...

— Да если стоящее чего — и по четвертному бы отвалили!

Ярославцев почувствовал зайонкую какую-то усталость. О чем говорит этот человек? О чем?! Ведь был же парень, как парень. Щедрый, работающий, любящий землю и крестьянское дело. А кто сейчас? Хам, рвач, сволочь в самом естестве. Что по замашкам, что по сути. А кто сделал его таким? Ты, Ярославцев, ты! Платил, не считая денег, Косте за мелкие услуги и за восхищение его перед интеллектом твоим, щедростью и возможностями... Да еще и учил его, дурачка, не как хозяйство вести, а как дензнаки заколачивать. Бросил после такой науки Костя свой трактор, устроился скотником, взвалил на жену-напарницу рабочие обязанности, и, отстроив теплицы, растит теперь тюльпанчики для рынка, ничем не обеспокоенный. Корову продал — на черта корова, когда у соседней бабки молока взять

можно, а тюльпанчики куда меньше времени отнимут, чем рогатые да хвостатые. Знай считай барыши... А уж на молочко хватит, чтобы раскошелиться...

— Из бюджета, значит, вышел, — вздохнул Ярославцев.

— Ну да! То-се, баба шубу купила... из норки. Ну, как насчет телека-то?..

— С телеком, Костя, тебя посадят, — ответил Ярославцев. — И выбрось из головы свои... забористые идеи.

— Кхэ. — Костя обиженно крикнул. — Коли отказываешь... другие есть... люди. У лесника у сына тоже имеется... Но дорого просит, черт!

Ярославцев, отдернув занавеску, поглядел в окно. Мыча, вдоль деревни шли на дневную дойку коровы, разбредаясь по дворам. В деревне было тихо, солнечно и как-то по-особенному уютно. Раздражал только деловито бормочущий голос Кости.

— Так что тут с тебя еще пятерочка, — донеслось до Ярославцева.

— Ну, запиши в долг. — Он встал. — Давай. Поехал я. Дом цел, убедился... слава богу. Поливай грядки. Счет оплатим.

— Карбонатику бы... — заскулил Костя. — А? Я б тебе тоже удружил, знаешь меня...

«Вот бы кого с Докукиным свести...» — подумал Ярославцев.

— Самому надо карбонатик сочинять, — отрезал он, с силой вгоняя печные заслонки обратно в пазы. — Подумай, кстати. Хорошее дело. Денежное.

Такой идеей Костя не проникся, сказал: «за пахло!» — то бишь, чересчур трудоемко, но дальнейшие его слова Ярославцев уже не воспринимал. Он был захвачен иным: видом этой деревенской улицы, ее вековой тишью и убогой красотой, таившей в себе некую непознанную тайну... Но почему убога она? Почему покосились дома? Отчего смертной тоской вырождения веет? Не так все надо, не так!

И вспомнились предместья Праги и Берлина, Брюсселя и Лондона: просторные коттеджи, где каждый цементный шов в кладке выверен до миллиметра, где, глядя на фасад, ощущался свободный объем интерьера; где наконец вспоминалось о больших городах как о чем-то весьма непривлекательном... Малые страны? Уклад другой? Культура? И в этом дело. Но главное — в инерции страны-гиганта и в торопливости ее скроить что-то и как бы, лишь бы успеть в основных «показателях» — подчас голых до схематизма...

Так размышлял он, подъезжая к городу. И снова подумал: ну, уеду. Вольюсь в жуящее стадо среднего звена... И — приветик? Все?

Решение. Оно полькнуло зарницей, высветив в крошечной тьме безнадежности единственное для него приемлемое.

Сначала он усомнился, но сомнение растаяло, не успев окрепнуть. И тут же выстроился план — единственно приемлемый...

Из первого же телефона-автомата позвонил Анне. Сказал:

— Слушай внимательно. То, что я говорил, — бред. Полный бред! Не делай глупостей, поняла? И... прости меня. Тогда я был... сумасшедшим.

Она радовалась, пыталась что-то выяснить, уточнить, но он оборвал поток ее слов и возбужденных эмоций:

— Я спешу. Извини. Звонков в ближайшее время не ожидай. — И — повесил трубку.

Задумался. «Москвич»-фургончик. Неужели... Началось, продолжается или мерещится? Будем считать — началось. И продолжается.

Он нанес три визита. Три бесполезных, пустых визита к серьезным людям. Выпил пять чашек кофе и поболтал о пустяках. Так было надо.

Вечером, как условливался с Курьевым, заехал к нему.

— А-а, вы... — поднял тот на него равнодушные, но в глубине чем-то обеспокоенные глаза. — Ну, как? Говорили с Докукиным?

— Пробовал, — сказал Ярославцев. — В принципе он не против... — Замолчал, выжидая, что ответит оперуполномоченный.

Покрутив вокруг да около, оперуполномоченный заявил, что в невиновность Ярославцева верит, с Докукиным более никаких переговоров вести не стоит, вора они найдут, и, когда возникнет необходимость, его, Ярославцева, вызовут. Живите спокойно.

Выйдя из отделения, Ярославцев сказал себе:

— Кажется, продолжается... А когда началось?

МАТЕРЬ

Дачу новым ее владельцам передавали вдвоем с колченогим Акимычем, старым бывшим вором, служившим на даче ныне в сторожах. Законный уже хозяин — известный композитор, стеснительно предлагал отобедать, затем, спохватываясь, выспрашивал упущенные подробности относительно эксплуатации отопительной системы и водопровода, после снова возвращался к предложению перекусить в честь, так сказать... Композиторская жена вела себя иначе: под-

черкнуто отчужденно, обеда не предлагала и к общению не стремилась.

— Достал ты ее ценой, — глядя на нее, шепнул Акимыч Матерому.

Тот снисходительно усмехнулся.

Наскоро попрощавшись с покупателями, сели в машину, и вот в последний раз мелькнула за ветвями яблонь знакомая крыша...

— На квартиру-то меня подбросишь? — спросил Акимыч, жавшийся на заднем сиденье к своему скарбу — двум потертым чемоданам и холщовому мешку с одеждой.

— Акимыч... друг! — сказал с чувством. — Есть просьба. Не хочу тебя подставлять... сам еле вроде ушел от ментозавров, чтоб они поимерли, от челюстей их ненасытных... Но кой-чего в городе осталось. На одной квартирнице. Просто жаль терять, Акимыч.

— А квартирница простреливается? — ожесточенно спросил старик.

— Вот не знаю... Телефон у соседа молчит, а почему?.. Вдруг уехал, вдруг запой... Ваней его кличут, соседа. А задача, Акимыч, такая. Дам я тебе ключики, войдешь в квартиру; если Ваню застанешь, скажи, присыл тебе Матерый передать: все барахло, что в комнате, в коробках, твое, Ваня, в подарок. А если нет там Вани, а другие люди околачиваются, скажешь: человек на улице за троячок намылил меня вернуть ключи хозяину...

— Как лысого причесывать, не учи, — огрызнулся Акимыч.

— Прости, родной, — Матерый засмеялся. Ему в самом деле было весело и отдохновенно. Будто всю предыдущую жизнь выделял он какую-то затейливую, изматывающую работу, а теперь — конец работе, ну, разве часок еще последний остался, а там, дальше, — долгий век беспечности, свободы и солнца. — Войдешь в комнату. На подоконнике — кактус. А возле кактуса — леечка. Маленькая пластмассовая... Худая — по шву разошлась. Моя фирма делала, — цокнул языком, припомнив. — Возьмешь ты леечку, бросишь ее в пакетик, а после поблуждаешь по городу, отрываясь от возможного...

— Камушки в леечке? — спросил старик. — В пластмассу заварил? Ясно... Боюсь: стар я стал...

— Акимыч... Сделай, родной. Я бы тебе леечку на сохранение оставил, но чего уж — давай откровенно: не двадцать тебе годиков... А я в этот город теперь ни ногой, сухой буду. На риск, думаешь, толкаю? Есть такой момент, да. Но так он всегда есть — вон на машинке сейчас катим, а колесико вдруг да отскочи... — Тьфу, дьявол, типун тебе... — заерзал старик.

Матерый вновь рассмеялся. Громко и чистосердечно, аж в легких захолонуло — отдохнуть надо, к морю надо, ветрами солеными отдышаться... Море. Вспомнил, как еще мальчишкой, после колоний, барачных ночей, заборов в колючей проволоке с бастонами вышек, вернулся к морю. В каком-то давнем июле. Спокойно оно было тогда, прозрачно и тихо. И он вошел в искрящуюся золотом лазурь воды — в одежде, в ботинках. И погладил море... Как старого, верного пса у дома, к которому вернулся из скитаний, боли, тьмы. Море! Сколько же веков он не видел его... Вот на Каспии был недавно, а не видел. Сутолока вокруг мешала, людишки, дела, разговоры-беседы. А где-то вдалеке, декорацией, синь... из которой денежки качались в виде балыков и икорки.

— Ну, а коли засыплешь? — спросил старик осторожно.

— Да тебе-то что? — отмахнулся Матерый. — Криминала на тебе никакого. И, по-моему, — посерьезнел он, — чисто там. Вчера проезжал — чисто. Знак на подъезде в случае провала должен быть: меловая черта. Ан нет черты.

— Э-э, где наша не пропадала! — согласился Акимыч. — Только домой сначала давай, барахло сбрось. Матерый кивнул, сосредоточенно насистывая разухабистый мотивчик.

Через три часа на условленном месте Акимыч вручил ему заветную леечку.

— Квартира пустая, никого, — доложил старик. — Ну, взял вот... А после по городу... до седьмого пота петлял, аки лис от гончей стаи. Но вроде от страха петлял, не от нужды.

— Спасибо, Акимыч. — Матерый стиснул его плечо. — Не поминай лихом. Будет судьба — свидимся.

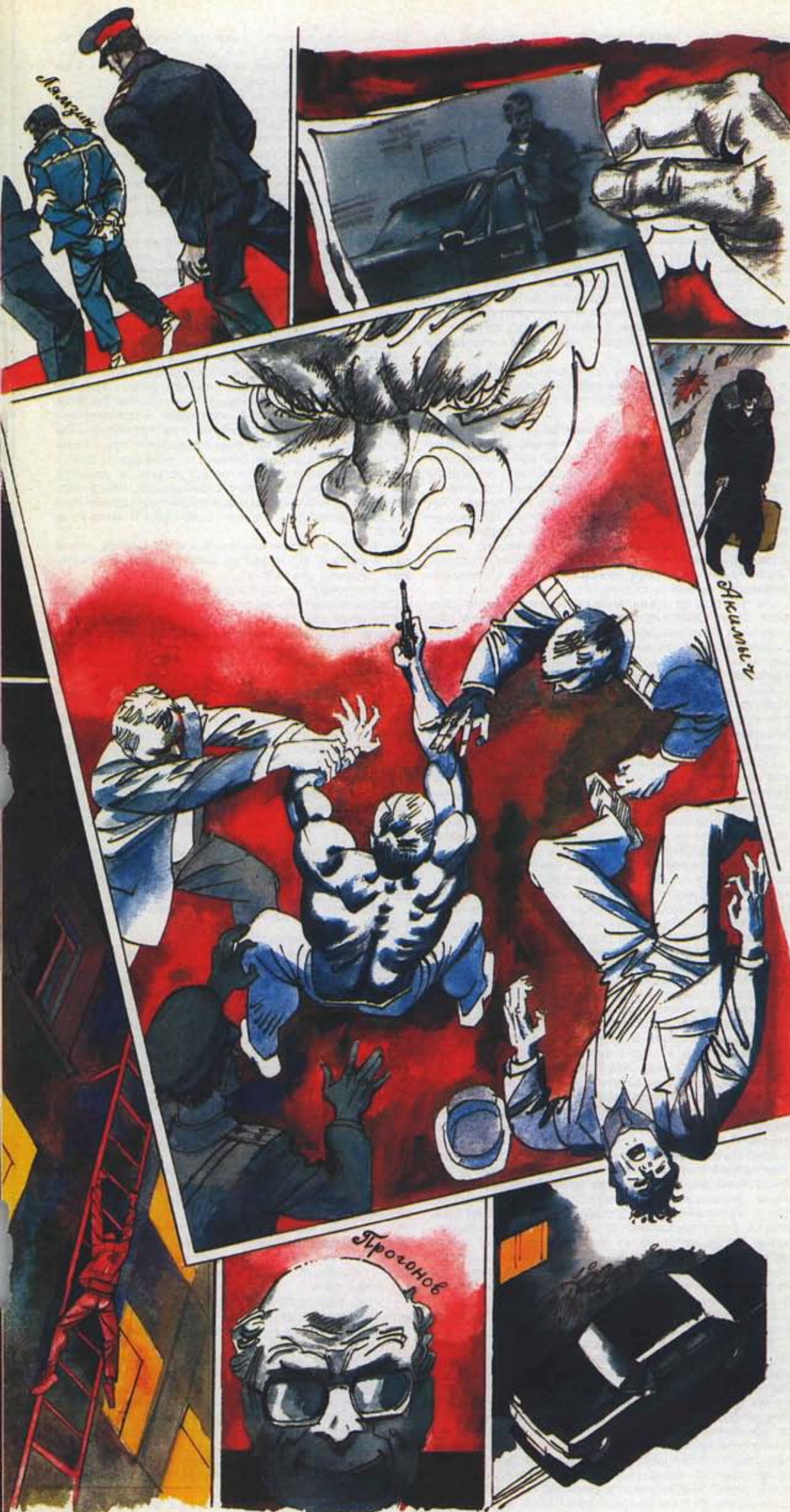
— Да уж... простились, Лешка! — Старик толкнул дверь машины. — Чего там... Осторожно езжай только, спешу в меру... Далеко ведь собрался, знаю...

Матерый проводил его взглядом — старого, хромого, такого одинокого в оживленно спешащей, обтекающей его толпе...

Прощай, Акимыч!

А теперь — уходи прочь, пролетай за стеклом, проклятый город-ловушка, город страха и тягостных будней, город-убийца, город-кошмар — да, ты вернешься еще во снах и не раз заставишь вскочить среди ночи с постели с испуганно бьющимся, как птица в силках, сердцем...

На выезде из города у поста ГАИ стояло пять машин — видимо, шла какая-то проверка. Двое инспекторов на обочине пристально высматривали в потоке машин одним им только ведомые цели.

Пронесет? Нет... Лейтенант указал жезлом — принять вправо! Матерый отстегнул ремень безопасности, сунув палец под куртку, привычным движением спустил предохранитель с «парабеллума». Некстати вспомнился перевод названия пистолета: «готовься к войне».

— Ваши документы... — козырнул лейтенант. Принял водительское удостоверение и техпаспорт, бегло просмотрел их. Вернул. — Идите на пост, отметьтесь, — буркнул, отворачиваясь.

— Зачем? Не ночь же...

— Идите на пост, отметьтесь, — раздраженно повторил инспектор. — Ночь, день... какая разница? — И вновь отвел в сторону жезл, останавливая теперь уже «Волгу».

Ну, гады! Матерый прошел в стеклянный куб-помещения, осмотрелся — коротко и чутко: двое, очевидно, водители, стояли за спиной капитана, сидевшего возле пульта и переписывающего их данные из документов в журнал. Трое сержантов толпились посередине, обсуждая со смешками и прибаутками какой-то эпизод из служебной практики. Еще один — пожилой, в штатском, но по всему чувствовалось — не гаишник, опер — опытный, битый, сидел на стуле в углу, невнимательно листая брошюрку.

Больно, невыносимо больно кольнуло в груди... Что-то горячее медленно обволокло сердце, прошибло потом... Но не это занимало Матерого, другое: в том, как стояли и сидели здесь люди, в том, как беседовали, возились с бумажками, листали брошюрку... увидел он голую, беспощадную схему.

— Вы тоже с документами? Давайте... — едва обернувшись в его сторону, протянул капитан, оторвавшись от журнала.

Вот пальцы капитана, вот касается их серая книжечка техпаспорта, а вот его, Матерого, кисть, а к ней стремительно приближается ловко выпорхнувшая из рукава одного из «водителей» клешня наручника...

Он видел все происходящее в каком-то замедленном темпе; и точно так же неторопливо и густо окутывала сердце жгучая, скручивающаяся волна...

Щелк — наручник плотно охватил запястье. Милиционеры разом бросились на Матерого сзади, «водители» повисли на руках...

— Черта с два... — прохрипел он, наливая все мышцы не силой, уходящей уже, сломленной, — ненавистью.

Обвиснув на «водителях», ударил ногами сержантов, целя каблучками в переносицы. Двое рухнули. Лейтенант за столом выхватил пистолет из кобуры, потянул затвор, но он Матерого не пугал: пока еще успеет пальнуть... Локтями отбил от сержантов, настырно устремленных к нему, не то угрожавших, не то увещевавших... Или увещевал тот, пожилой, главный? Мир потерял все звуки. Матерый бил — резко, беспощадно и точно. Бил этих коварных врагов, а они неотвязно цеплялись и цеплялись, а ненависть уходила и уходила, лишая его всех шансов, в груди уже была какая-то холодная, погасшая пустота, будто вырвали оттуда все начисто и теперь ничего, кроме зиявшей пустоты, там не существовало.

И вдруг в сумятице лиц, рук, милицейских погон он отчетливо, как в фокусе, различил лицо пожилого — жесткое, неумолимое. Он, пожилой, наверняка и рассчитал, как его, Матерого, брат, чтобы все чисто произошло, без зазоринки. Он — главный волкодав. И, последним усилием сбросив с себя тяжкую, пригибающую к полу массу, он перекатился к стене и, изогнувшись, выхватил «парабеллум».

Мир окончательно сузился. Ныне в нем было лишь напряженное лицо главного врага, мушка и... неуловимо дрогнувший от выстрела ствол оружия. И мысли: вот вам — хитрые, организованные овчарки, идущие по следу, истребляющие меня — санитаря этого стада, выгоняющие неизменно на флажки закона, не дающего ни двигаться, ни дышать, ни жить... Мне! Да, пусть только мне, но я тоже целый мир, тоже! И стреляю сейчас в ваш мир, всегда меня изгонявший и не приемлющий мой...

А после ничего не стало.

СЛЕДСТВИЕ

Следствие пошло наперекосок после внезапного исчезновения Монины из квартиры Прогинова, за что больше всех нагорело Лужгину. Ему ставилось в вину ослабление контроля, и удрученный Иван Семенович ночью не спал, безуспешно отыскивая потерянный след. В итоге, казалось бы, повезло: на тщательное опекаемую квартиру Лямзина прибыл гость... Далее дело стояло лишь за четкостью оперативных мероприятий, проведенных блестяще, но в самом финале случился сбой: при задержании Матерого Лужгин был убит, двое оперативников получили серьезные травмы, Монин же, по заключению судебно-медицинской экспертизы, умер от инфаркта. Предвидеть такую развязку не мог никто.

Гибель Лузгина меня потрясла, хотя я и сознавал: так, очевидно, и надлежало ему закончить свою жизнь. В сватке. Может, жестоко рассуждаю, но иных утешений не нахожу.

Выбил меня из колеи этот непредсказуемый финал, но расслабляться было нельзя: дело подходило к концу. Главным объектом теперь являлся Ярославцев. «Вел» его неутомимый Кровопусков, но спокойной жизни ни ему, ни мне главный объект не давал. Порою казалось: все, хватит, пришло время ареста, но тут же следовала либо очередная его встреча с невыявленной группировочкой предпринимателей, либо еще какой-нибудь сюрприз. В частности, установили, что гражданин Ярославцев по паспорту иностранного торгового деятеля, находящегося в настоящий момент в столице, приобрел авиабилет по маршруту Москва — Лондон. Немедленно перепроверили документы иностранца — как выяснилось, состоявшего с Ярославцевым в давнем знакомстве... Документы в наличии у иностранца имелись, а потому сразу же родилась версия о дубликате-подделке. Прогонов? Навещал ведь его Ярославцев... Авиабилет он взял заранее, не торопился, что-то его здесь держало... Это «что-то» мы пытались прояснить, готовя одновременно систему будущих допросов с железными доказательствами, а их накопилось вагон и тележка... для перевоза, скажем, лодок, набитых северюгой. Тяжелее всех приходилось Кровопускову: с одной стороны, наблюдение предписывалось вести неотрывно, с другой — будоражить Ярославцева тоже не рекомендовалось, поскольку поводы для беспокойства у него и без того имелись в избытке. Прерванная связь с Мониним и Лямзиним, сигналы с разгромленных баз, звонки начальствующих деятелей, задетых за живое... Хорошо, вовремя удалось вмешаться в деятельность районного отделения, имевшего, полагаю, какие-то виды на нашего подопечного.

Судя же по поведению Ярославцева, готовился им вывоз за рубеж значительного количества ценностей, и препятствовать ему в их собирании не стоило. В общем, решили предоставить ему возможность подойти к последней черте и дать ее перешагнуть... Мы занялись проведением плановых операций, и вскоре с постановлением о проведении обыска, с понятными и милицией я позвонил в дверь квартиры Прогонова.

Визит наш хозяин воспринял спокойно: дескать, бывают ошибки, тревожат приличных людей по пустякам, но да приличным людям беспокоиться не о чем — заходите, гости нежелательные, располагайтесь, спрашивайте — отвечаем, отчего же не выяснить отношения?

На бланки паспортов, водительских документов, фальшивых печатей, обнаруженных в машине Матеро-го, Виктор Вольдемарович взирал с недоуменным высокомерием: не мое, не знаю... Монин? Да, просил несколько раз расчистить не представляющие художественного интереса иконки, заходил на чай...

Уверенно держался, скусаючи. Знал: с опытным преступником дело имел и за здорово живешь мастера своего он не сдаст; мастер — капитал — непреодолимый.

Обыск тоже не дал никаких результатов.

— Гражданин Прогонов, — начал я доверительно, уединившись с допрашиваемым в уголке комнаты, возле журнального столика, — знакомо ли вам понятие: измена Родине?

— Никогда... — торжественно привстал Прогонов.

— Значит, — сказал я, — вы добросовестно заблуждаетесь. Возьму на себя труд повысить ваш уровень правовых знаний. Так вот. Недавно некто Ярославцев, он же Хозяин, принес вам интересный и в полном смысле — международный паспорт.

— Какой еще... — Вы уж не перебивайте.

Прогонов возмущенно засопел, но уши его простоты оттопырились от внимания к последующим моим словам.

Я кратко ознакомил его с перспективой очутиться на скамье подсудимых как соучастника государственного преступления.

— ...это именно побег за границу с целью избежания наказания за совершенные преступления, — вещал я. — Побег, не какой-нибудь незаконный переход... Контрабандой Ярославцев не занят, любимой девушки или же родственников в странах с иной общественной системой не имеет...

— Такую, с позволения сказать, лекцию я мог бы прочесть и вам, молодой человек, — перебил меня Виктор Вольдемарович. — Увы, ни одного юридического открытия... Ладно, продолжайте.

— Ярославцев еще в стране, под нашим плотным контролем, — уверил я. — Билет Москва — Лондон им уже заказан. Посему... вам имеет смысл повиниться... — Очень хорошее слово! — поддержал Прогонов, подняв палец. — Но... представим теперь идеальный, хотя и отвлеченный вариант: я оказываю, причем добровольно! — как жертва шантажа этого ужасного государственного преступника — помощь следствию... Боле того — никакие причины в дальнейшем не побудят меня к совершению аналогии...

— Виктор Вольдемарович, — перебил на сей раз я. — Вы чересчур многого хотите. Нет. С паспортом разберемся подобра-подзорову, за остальное придется пострадать. Ярославцев же покрывать вас не станет,

не надейтесь. Преступление слишком серьезное, чтобы мы позволили ему уползти. Да и кто вы для него? Так, эпизод. Кстати, с подокопничка следы стерли?

— Паспорт... было! — после длительной паузы выдал из себя Прогонов. — Очень нехорошо, понимаю... Мы... как? — Растерянно огляделся. — Придется прийти или...

— Сожалею, Виктор Вольдемарович... Принес вам несчастье. Такая работа.

— Тогда — звонок любимой женщине, чтобы при- смотрела за пингвином. Родное существо...

— Существо придется сдать в зоопарк. По крайней мере до окончания следствия.

— Молодой человек... не надо столь лукаво обнадеживать. — Прогонов вздохнул. — Следствия... До окончания срока. — Он приподнялся со стула. — Просьба номер два, у меня в холодильнике мясо, знаете, икорка... Разрешите? Прощальный ужин...

— Конечно, Виктор Вольдемарович, конечно. — Я проглотил слюну, вспомнив, что не успел сегодня ни пообедать, ни поужинать. Домой заявлюсь за полночь, разогревать что-либо будет лень, опять сухомытка и сон...

Сопроводив Прогонова до машины, я отправился в УВД. У Кровопускова новостей для меня не имелось. Вечером Ярославцев явился домой, и, видимо, надо ожидать следующего утра.

Следующий день тоже яркими событиями не отличался. Ярославцев квартиру не покидал, к телефону не подходил, а жена его Вероника всем интересующимся, в том числе младшему лейтенанту Курылеву, отвечала, что у мужа приступ повышенного давления, он отдыхает и в переговоры вступать не намерен. Так несуетно минули еще одни сутки. Болезнь Ярославцева даровала нам некоторое затишье и возможность передохнуть в преддверии дня решающего, когда в международном аэропорту нам надлежало задержать некое лицо, под чужой личиной пытающееся незаконно покинуть страну.

За три часа до объявления вылета я выехал в аэропорт. План действий был отретирован, люди расставлены. Таможенный и паспортный контроль Ярославцев минет беспрепятственно, все его возможные контакты уже здесь, в порту, будут строго учтены; арестуют же его на подходе к трапу.

Еще не началась регистрация пассажиров, когда пришло настораживающее известие: из дома объект так и не выходил... Мы немало переполошились, предчувствуя внезапный поворот событий. И — состоялся такой поворот!

Прошла регистрация, паспортный контроль, в течение которого каждый пассажир проверялся особо тщательно, но в итоге самолет улетел в Лондон с одним пустующим местом...

Ломаю головы, кинулись обратно, в город, оставив на всякий случай двух сотрудников в порту, но зная: без пользы оставив...

Разговор с женой Ярославцева все прояснил. В тот вечер, когда в последний раз зафиксировали его возвращение на место жительства, он собрал чемодан, сообщил жене, что поздно ночью должен уехать в командировку в Сибирь. Всем, кто будет звонить, просил отвечать про пресловутое давление, мотивируя просьбу такого рода разными служебными хитростями и интригами с начальством... Послушная жена в точности исполнила наказ мужа. Личной машиной тот не воспользовался, вышел из дома, вероятно, в гриме — тут, впрочем, существовало много вариантов...

По справочной Аэрофлота выяснили: той же ночью вылетел Ярославцев в Красноярск. В гостинице не останавливался. И, едва успела взволнованная его супруга сообщить нам, что в Красноярске живут его старинные, еще по институту друзья, как оттуда пришло сообщение о гибели ее благоверного...

Я срочно вылетел в Сибирь. И уже через несколько часов был посвящен в подробности довольно-таки странной истории.

Институтские друзья хором утверждали следующее: Ярославцев прибыл в Красноярск, дабы утрясти, как он туманно выразился, некие животрепещущие проблемы, касающиеся деятельности местных предприятий — каких именно, не уточнил, лишь сообщил день спуска, будто поставленные перед ним задачи выполнены. Затем же уговорил большую компанию вспомнить — благо, приблизились выходные дни — бытовавшую ранее традицию: сходить в тайгу, в поход, на берег одной маленькой речки, впадающей в Енисей, и сплавиться по ней на плоту...

Погода стояла теплая, тайга цвела и пахла; в общем, убедил Ярославцев компанию без труда.

Речка, с течением стремительным и бурным, извирами огибавшая поросшие хвоей бесконечные сопки, была живописна; единственное, что мертва благодаря долгим годам молевого лесосплава. Лесорубы работали справно, и неслись, кружа в водоворотах, бесчисленные бревна — часть из которых топляками устала со временем дно, часть же гнила по берегам... Но плотогонов-любителей неслись по соседству вековые стволы сосен не смущали, напротив, это приносило им, судя по всему, еще какие-то острые ощущения игры, риска, необходимости быть настороже.

На одном из порохов громоздкий плот, несший компанию, сильно трянуло, и зазевавшийся Ярославцев очутился в воде... Его скрыли следовавшие за плотом

бревна; никто не успел даже вскрикнуть, не то чтобы прийти на помощь...

Плот погнало дальше, за поворот, а причалить к берегу удалось лишь через пятнадцать минут...

Из шести свидетелей необъективными могли быть трое; остальные Ярославцева прежде не знали и... что говорить, внушали доверие. Работник районной прокуратуры, дав мне для ознакомления дело «Об утонутии гр. Ярославцева...», справедливо сказал: повинна стихия, а не страсти людские. И еще сказал: если в отстойники труп прибило — тогда труба дело!

Посмотрел я и на отстойники — зрелище угнетающее: тысячи огромных стволов, напирających друг на друга в зоне впадения реки.

В чемодане Ярославцева, изъятого из квартиры его приятеля, у которого он остановился, мы обнаружили авиабилет Москва — Лондон и заграничный паспорт — последний шедевр Прогонова. Впрочем, не последний. Последним, видимо, будет плакат для внутренней агитации колонии «На свободу с чистой совестью!». Желать Прогонову этой творческой удачи я мог с полным основанием.

Итак, возник естественный вопрос: было ли утонуть? Если нет, тогда надо отдать должное: игру вел Ярославцев тонкую: давал нам контакты, оттягивая арест, приобрел с провокационными целями билетик, заставив уверовать нас в свой побег в чуждаленные страны... Но имелись аргументы и за «утонуть». Во-первых, несмотря на все изящество, риск игры превышал уровень крайней ее опасности. Во-вторых, фактически Ярославцев ушел в никуда голым... К примеру, что стоило ему захватить с собой деньги, обнаруженные нами в тайнике, оборудованном под газовой плитой в его квартире, — деньги, о которых и жена-то не знала...

— Как-то он хитренько смылся в эту Сибирь, — сказал я шефу. — Не нравится мне... И труп не обнаружен... Розыск объявлять?

— Хитренько, — согласился тот. — И что ж? Дела утрясать уезжал. Какие вот?.. А труп... тебе же насчет отстойников объяснили... Потом это не речка-вонючка в нашем пригороде, а приток могучего Енисея, сурового и глубокого. Маловато оснований для розыска... я так считаю. Тем паче... — Шеф как-то странно помедлил, отвернувшись. — Умер он. Так или иначе. Не будет уже Ярославцева. Того Ярославцева. Умерь пыл, в общем.

Вот, собственно, и все. Осталось огромное бумажно-хозяйственное дело, которое еще предстояло разбирать и разбирать... И я принялся вместе с другими разгребать эту гору, состоящую из десятков дел... Выделенных, как у нас говорят, в отдельное производство. Но какой-то осадок остался... Подобный тому, какой, вероятно, бывает у ловца, подстрелившего вроде бы дичь, но так и не нашедшего ее в сумрачных топях...

Спустя два месяца меня навещил энергичный Кровопусков, крепко получивший по шапке за необеспечение бдительного наблюдения, халатности и тому подобное.

— Тебя-то гложет досада? — спросил, ища сочувствия.

— Ну, так... — сказал я.

— Тогда слушай. Недавно на речке этой обнаружили труп утонувшего... Нет, — покривился, — не Ярославцев... Какой-то тип бичующий, без документов, судя по всему, по пьяному делу в реку сверзился... Личность, несмотря на грандиозные старания, не установлена... Он выдержал паузу. — Похороны, поскольку тело сильно пострадало, будут производиться в закрытом гробу. А тут на одном кладбище есть постоянно просматриваемое местечко... Насчет же «постоянно» я позабочусь. Со сторожем там... Мой вопрос, короче. Ну, как считаешь? Ты бы навещил свою могилу?

— Жутковато, наверное...

— Не, давай без лирики, — напирал Кровопусков. — Он, конечно, мужик ушлый...

— Если он еще в книге жизни, то, наверное, придет, — сказал я. — Но проблема эффективности...

— Спорно, да, — кивнул Кровопусков. — Но — гложет меня, понимаешь...

— Точно, — высказался присутствующий при нашей беседе коллега Алмазов. — Должен прийти. Комары вон... на утюг летят... Инстинкт слеп. Лично наблюдал, — кашлянул он и замолчал, вращая глазами в поисках слов.

— Ну... типа того, — подтвердил Кровопусков, внимательно посмотрев на моего коллегу.

— Богатая мысль, — в мою очередь, сухо сказал я.

...Он вошел в купе, забросил чемодан наверх и отправился покурить в тамбур. Поезд тронулся — неслышно и плавно. По вагону проводница разносила чай, приглушенно играла музыка в динамиках, неслась в оконцах синяя темнота подступавшей ночи, редко прорезанная огнями. Дела он сделал, поездка, кажется, оказалась удачной, им будут довольны.

Исподволь вспомнил могильный обелиск. Чего-то в нем не хватало... Эпитафия, может быть? А какой? Какой именно?

— Кто ответит? — пробормотал он, отгоняя от себя пустое, ненужное раздумье.

Кто ответит?

Валерий ГУРИНОВИЧ,
Леонид ПЕРЛОВ

И сейчас после всего, что произошло с семьей Федоренко после смерти Василия, после суда, горьких — на нерве, на надрыве — писем, после долгих и сумбурных заседаний в брянском производственном объединении «Электрон», объяснительных записок и разговоров в различных областных и московских кабинетах, люди, причастные к этой трагической истории, вспоминают о ней с болью и недоумением. Но если одни ищут корни этой боли и этого недоумения в себе, спрашивая: как же так случилось? — то другие ссылаются на причины объективные, на обстоятельство, от них не зависящее, как бы давая понять: печально, мол, прискорбно, но так уж вышло.

То, что произошло в коллективе объединения, — выпивка на новогоднем «Огоньке» в общежитии, увольнение за появление на рабочем месте в нетрезвом виде слесаря-сборщика Василия Федоренко, лишение его уже выделенной квартиры — было бы достаточно обыденно в нашей, далеко еще не идеальной реальности, если бы не одно «но». Точнее — два «но»...

Объединение «Электрон» — учебно-производственное предприятие Всесоюзского общества слепых. Более половины работающих на нем — инвалиды по зрению I, II и III группы. Василий Федоренко, комсомолец, слесарь-сборщик радиоэлектронной аппаратуры, был тотально слепым. Проще говоря — от рождения ничего не видел.

На рассвете 9 марта он повесился в общежитии. Не оставив ни письма, ни даже коротенькой записки...

Драматизм ситуации обостряет память: люди, с которыми встречаемся, говорим, вспоминают детали событий. Правда, в преломлении собственного понимания, житейского и нравственного опыта.

Общежитие старое, двухэтажное, коридорная система. Комнаты достаточно просторные. Тут и холостяки, и семейные. Но мужья — в комнатах с товарищами, жены — с подругами. В 16-й жил Василий Федоренко, в 10-й — Федоренко Наташа, его жена.

К «Огоньку» готовились загодя, репе-

тировали выступления, шили обновы. Да и объединение подготовило ребятам подарки: только-только комиссия приняла новый дом на улице Ленина в квартале от «Электрона». Все семьи из общежития переселялись туда: список на получение квартир уже был утвержден. Не обошли и Наташу с Василием.

Выписка из протокола № 29 совместного заседания администрации, профкома, представителей трудового коллектива, партийной, комсомольской организаций брянского ПО «Электрон» ВОС:

«...Выделить Федоренко В. М. однокомнатную квартиру № 90 в 130-квартирном доме на состав семьи 2 человека».

Вот он, первый неприметный штрих, легкая шероховатость. Дело в том, что в списках очередников значилась Наталья Федоренко, а не Василий. Но, подумав, — мелочь, какая разница, не в бумаге дело. Муж и жена, им жить вместе. Оказалось, увы, не вместе. И дело — в бумажке.

Но тогда, в тот вечер, об этом не думалось — Новый год, праздник, впереди — новоселье. Разве кто предполагал крутой поворот, за которым — тяжба с предприятием, укоры начальства, похороны.

Не беремся обобщать, делать какие-то выводы из слов, оброненных в разговоре с нами старшим помощником прокурора Советского района Н. Н. Суминой: «...Годами не было в суде дел, связанных с увольнением из УПП ВОС. Но вот построили дом, стали квартиры распределять, и — один иск, второй, третий... На «Электроне» жилищная комиссия заседает, у нас — судебное заседание...»

За что же уволили Василия Федоренко?

Из служебной записки генеральному директору ПО «Электрон» Климову В. Е.: «Довожу до вашего сведения, что слесарь-сборщик Федоренко В. появился на рабочем месте в нетрезвом состоянии и был отстранен от работы. Начальник цеха В. Марченков».

Из объяснительной записки В. Федоренко: «...в 6.30 утра, идя на работу, выпил бутылку пива».

Это было утро после того самого «Огонька», на котором, как нам объясняют, пол-общежития выпивало, и Федоренко тоже.

— Он уже два часа отработал, все было нормально: операция тонкая, пьяному не справиться. А Василий без брака детали сдавал.

Звеньевая Галина Никитична Абрамова работает в сборочном почти 30

лет. Федоренко при ней начинал, учеником. Вспойминая, она волнуется, говорит торопливо, сбиваясь:

— Вася хороший был, уважительный. И пьяным я его на работе не видела. А тут вдруг узнаю — мастер его в медпункт повел, в трубку дуть. Что там трубка показала, разное говорят. А увидели, нас не спросив.

Из протокола совместного заседания администрации и профкома ПО «Электрон»:

«I. Дать согласие администрации на увольнение Федоренко В. по ст. 33 п. 7 КЗоТ РСФСР (за появление на работе в нетрезвом состоянии).

II. Отменить ранее принятое решение администрации и профкома в части выделения однокомнатной квартиры № 90 бывшему работнику предприятия Федоренко В.».

Двадцать семь декабрьских дней разделяют два решения: выделить Федоренко квартиру и уволить Федоренко. Выходит, всего за 27 дней так изменился молодой рабочий. Из добросовестного труженика и уважаемого человека стал злостным нарушителем трудовой дисциплины.

Мы побывали в заводском медпункте, видели аккуратно разложенную ученическую тетрадь: «Проба Рапопорта з/пункта ПО «Электрон» 1987—1988 гг.». В ней всего четыре записи. Три — в декабре. Записи однозначны, будто под копирку — «реакция положительная». Двое из троих должны были получать новые квартиры...

Выпил — не выпил, дрался — не дрался. Честно скажем, неловко чувствовали себя, пытались распутать все эти узелки, зная, что Василию уже ничем не поможешь; спрашивали товарищей по цеху, по комсомолу: как же случилось, что, споткнувшись на житейской колдобине, не ощутив поддержки, дружеского плеча, о котором столь красиво и многократно привыкли говорить, 25-летний парень ревился на крайность.

Сейчас и в профкоме, и в дирекции, и в комитете комсомола говорят, почему, дескать, он к нам не обратился? Попросил — мы бы пошли навстречу.

Попросил бы... Видно, не каждому легко это дается. Василий считал (и об этом говорили многие), что просьбы унижают человека, что слепой — не убогий, если душа зрячая. Он любил музыку, книги, с удовольствием возился у плиты, готовя к приходу Наташи что-нибудь «вкусненькое». Выпивал? Было. Но не будем ханжами, до всеобщей трезвости, ох, как далеко.

Он не пошел к начальству, не постучался в дверь профкома, комитета ком-

сомола. Он верил: разберутся. Конечно, накажут. Но не думал, что так. Что лишат квартиры, которую они с Наташей столько ждали.

Люба Зубкова, Оля Тихоненко, Люда Спинская — всего семеро членов бригады, в которой работал Василий, узнав об увольнении и о том, что квартиру отобрали, обратились к председателю профсоюзного комитета Коваленко, к генеральному директору Климову. Анатолий Петрович, сославшись на решение профкома, обещать ситуацию отказать. Виктор Егорович Климов был еще более краток и категоричен: «Я вас не вызывал».

В марте, после похорон Василия, Наташа с матерью приехали в Москву. «За справедливостью» — так сказала Тамара Кирилловна. В редакцию «Смены» они пришли вдвоем, рассказывая о случившемся, плакали, и Наташа все время повторяла: «Мы никому не нужны...»

Какими словами можно было убедить молодую женщину в обратном? Ведь она по-прежнему жила в общежитии; из начальства к ней так никто и не подошел со словами простого человеческого сочувствия.

...Суд отказал Василию Федоренко в иске о восстановлении на работе, и буква закона в данном случае не была нарушена. Но понимали в суде, что через месяц-другой Василия снова примут на «Электрон» — единственное предприятие ВОС в Брянске. Так оно и вышло. И в объединении люди «с понятием», знали: что бы ни решил суд, работать Василию все равно в сборочном, куда ему деться... Да, увольняя, были уверены, что возьмут обратно, наказывая, заведомо прощали. Но отчего же именно так наказывали, именно так «прощали»?

В феврале, когда состоялся суд, квартиры уже были распределены, новоселы расставляли мебель — поезд ушел. И частное определение в адрес объединения о неправомерности, незаконности лишения семьи Федоренко квартиры («...сам Федоренко В. М. очередником не являлся. Более того, квартира предоставлялась в связи с выселением всех проживающих из общежития, суд приходит к выводу, что совместное постановление администрации и профкома от 29.12.87 г. в этой части необосновано и вынесено в нарушение жилищных прав семьи Федоренко») было уже эхом вдогонку.

Скажем прямо: некрасиво поступило руководство на «Электроне», не по совести, да и, как выяснилось, не по закону. Можно ли было что-либо исправить? Не только можно, но и нужно. Ведь суд обязал «...принять меры для

решения вопроса о предоставлении со-ответствующего жилья семье Федорен-ко В. М. О принятых мерах сообщить в Советский райнарсуд в течение меся-ца со дня получения копии настоящего частного определения».

Не приняли, не сообщили. Будто и не видели, не читали этого определения.

Боль, обиду свою привезли Наташа и Тамара Кирилловна в Москву, не най-дя в Брянске сочувствия, соучастия. В ВЦСПС им подтвердили: квартиры они лишены незаконно. «Смена» направила письмо в адрес Брянского город-ского комитета комсомола с просьбой разобраться, помочь члену ВЛКСМ На-таше Федоренко. Было это в начале апреля. Ответа журнал так и не полу-чил. Лишь в июне, когда мы были в Брянске, инструктор орготдела Павел Зайцев вручил нам 27 строчек машино-писного текста, где перечислялись уже известные факты, но не было ни слова сказано об участии горкома комсомола в судьбе Федоренко.

Два комсомольца. Два члена город-ской организации. Одного уже нет в жи-вой. Другая не знает, куда обратиться со своей маетой, горем, с кем посовето-ваться, кому просто по-житейски излить душу. Товарищам по комсомолу?

Спрашиваем Зайцева:
— А ты с Наташей встречался?
Павел мнется, перекладывает на сто-ле бумаги.

— Да не вышло как-то... И потом к чему, ведь помочь уже не можем, квартир свободных нет...
— А просто поговорить?

— ...
Зайцев в горьком недавно. Возмо-жно, он еще не освоил тонкостей аппа-ратной работы, что называется, не вла-деет обстановкой, не умеет « подгото-вить бумагу». Да бог с ней, с бумагой! Показалось, не умеет самого важно-го — сопереживать. А как без этого комсомольскому работнику?

Ну, предположим, неопытен Зайцев. Не по душевной черствости не встре-чался с Наташей — текучка заела. Но эта история прошла и мимо секретарей горкома, которым в опыте не откажешь. Если бы задела сердце чужая беда, уверены, и Павел бы поступил иначе, и ответ в «Смену» не пылился бы в горкомовских кабинетах полтора ме-сяца.

«Электрон» — предприятие заметное не только в области. И в производ-ственной системе ВОС — одно из луч-ших: не обделено премиями, знамени-ми.

— В первую послевоенную осень са-рай был. Крутили веревки, вручную де-лали гвозди... И все — слепые. Голод-но, трудно, а люди держались друг дру-га, одной семьей жили, — с трудом да-ется Виктору Егоровичу Климову внеш-нее спокойствие. — Я в 1949-м пришел сюда. Стали потихоньку обустривать-ся, жить-то надо. На Брянщине земля выжжена, разорена, людям всякая ма-лостль потребна. Мы щетки, подушки вы-пускали — так они тогда нарасхват шли, как нынче финские сапоги. В 1962-м скооперировались с радиопро-мышленностью. Собственно, тогда и ро-дился «Электрон»...

Уникальные трансформаторы для станков в нашей стране выпускает только «Электрон». Почти весь станоч-ный парк отечественной промышленно-сти «завязан» на брянском пред-приятии.

От веревки, гвоздя — к сложным сов-ременным приборам, от копейного до-хода — к миллионной прибыли. Это ры-вок производственный. А рванулись ли души друг к другу, стали ли люди доб-рее, заботливее?

Мы сами из того, послевоенного вре-мени. Помним хлеб по карточкам, кило-метровые очереди за керосином, ком-наты в бараках. Но люди не могли прой-ти мимо инвалидов, мимо горя, страда-ния. Делились последним. Еще рядом была война, общая всенародная боль. Кровоточили раны, надрывно вскрики-

вала гармошка, слезы и смех круто пе-ремешались в той жизни. И нынче не-вольно обернешься, услышав скрип подшпника — почудится вдруг: на де-ревянной тележке катится безногий ин-валид... Но еще помнится: к тележке приторочен мешок с нехитрым инстру-ментом. «Холодный сапожник» — сколько их было на дорогах России! Люди, изувеченные войной, жизнью, хо-тели остаться и оставались людьми. Совестьными, работающими. Страна вставала из разрухи. Экономических прорех, дыр было не счесть. И многое в ту пору легло на плечи инвалидов.

Во Всесоюзном ордена Трудового Красного Знамени Обществе слепых, созданном в 1925 году, сегодня 110 объединений и предприятий, вырабаты-вающих продукции без малого на один миллиард рублей в год. Их вклад в на-родное хозяйство, в перестройку суще-ствен и весом.

Да, трудовой коллектив «Электрона» в общем-то такой же, как и на обычных предприятиях. Здесь действуют те же производственно-экономические за-коны, те же неписанные людские отно-шения. И все же тут особый микромир.

Долгое время, чего таить, мы вроде бы не замечали таких вот рабочих кол-лективов. Мол, есть у них своя органи-зация, которая решает специфические проблемы специфическими методами. Знали, что работа слепых, продукция, которую выпускают, как правило, по шкале производственных коопераций ценится очень высоко. Тот же «Элек-трон» практически не получает рекла-маций смежников. Психологи и специа-листы по организации труда утвержда-ют: именно слепым присуща особенная тщательность, высокий профессиона-лизм в мелкой, «дробной» технологии и сборке.

Но «Электрон» отличает еще вот что. Как мы говорили, здесь почти половина работающих — зрячие. Об антагонизме, неприязни и речи не может быть: жи-вут, работают вместе. Напротив, нас иное кольнуло — здоровые, со стопро-центным зрением ребята порой как бы вовсе не ощущают, что рядом с ними, бок о бок, люди увечные. Исчезает в общении сердоболье, души теряют зоркость. Ведь видели, не могли не ви-деть — в прямом и переносном смыс-ле — что происходило в тот день с Ва-силием.

— Жив был бы Вася, — никакого сыр-бора... Подумаешь, уволили, так и при-няли через месяц. У нас тут всегда так... Разве из-за квартиры вешают-ся? — мнение многих.

Черствость, нравственная слепота? Нет, страшнее — обыденность.

Макеев жил в одной комнате с Федо-ренко.

— Вздыхал все, — вспоминает Сер-гей Антонович, — воду пил. Да, вот еще: к Пантюхову за папиросой пошел, хотя некурящий...

Комната общежития. Та самая. Вос-емнадцать квадратных метров, три кровати, шкаф, круглый раздвижной стол. От Василия здесь уже ничего не осталось — ни магнитофона с колонка-ми, ни комплекта специального журна-ла «Наша жизнь»...

— Он душевный был, — продолжает Макеев. — Если что сделать надо — первый вызовется. И работал аккурат-но, в охотку. Я с ним прежде в одной бригаде работал, а после, когда Васю обратно взяли, его почему-то в другую определили. А там все новое — и люди, и работа. Конечно, глупо думать, что это его подтолкнуло. Но, знаете как бывает: одно на другое...

Узелок за узелком — перепуталась нить, тут уже единым махом рвать ре-шился Василий.

Мы спросили у секретаря комсомоль-ской организации Сергея Сереченко:

— Ну, а знали бы, что на душе у Ва-силия Федоренко, на краю чего стоит он, сумели бы помочь?

Ответил сразу, не раздумывая:

— Вопросов нет. С ним, с Наташей бы поговорили, подключили бы родите-лей — в общем, окружили бы заботой и вниманием. Квартира? Тут с ним не

по-человечески поступили, не по спра-ведливости. А в комитет он за помощью не пришел.

— А если бы пришел?

— Сделали бы! Хотя...

Многое за этим «хотя». С трибун, с га-зетных и журнальных полос говорим о самостоятельности первичек. О том, что давно пора комсомольцам реши-тельнее входить в общественную, соци-альную жизнь предприятий, страны. Но редко еще слова эти обрастают делом. И не вина комсомолки «Электрона», а, скорее, беда, что ребята с грузом своим душевным не идут за помощью в коми-тет ВЛКСМ. И впрямь, смог бы как-то Сергей, члены комитета реально повли-ять на распределение квартир, прислу-шались бы администрация и профком к голосу молодежи? Во всяком случае, когда отказывали Федоренко, мнением комсомольцев не интересовались. Мо-жет, забыли в спешке? Но и сам Сергей не припомнит, когда решение комитета ВЛКСМ стало бы определяющим в ра-бочих, житейских делах предприятия.

Сегодня дирекция и общественные организации «Электрона» единодушны: мы были не правы. Четыре месяца по-требовалось для того, чтобы понять это. Но неужто, отбирая у Федоренко квартиру, не понимали, не ведали, что незаконно это, да и по-человечески несправедливо?

В областном комитете отраслевого профсоюза, узнав о случившемся, раз-вели руками: как же так, такой креп-кий, грамотный профком и...

— Дикий случай. Ведь все можно было уладить на предприятии, не дово-дить до «точки кипения». Интуитивно чувствова, намеренно тянули время: ко-гда окончательно распределили квар-тиры, выдали ордера, можно и с Федо-ренко разбираться.

Что ж, прислушаемся к мнению пред-седателя обкома профсоюза Михаила Андреевича Данилина. Тем более, что на самом «Электроне» происшедшее так и не получило принципиальной оценки. Секретарь парткома Белихина Светлана Петровна, женщина непосред-ственная, округлив глаза, сказала:
— Я четырнадцать лет квартиру ждала. Жила в том же общежитии. И не возмущалась. А тут, видите ли, все ви-новаты. Неправильно это, не по-комсо-льски.

«Сидели бы тихо, не высывались». Сколько раз в иных местах, по иным поводам слышали мы это. И что удиви-тельно: не то, что поступили незаконно, не сама смерть Федоренко по-настоя-щему встревожила руководство объе-динения. Вот когда жалобы пошли, ко-гда Наташа и Тамара Кирилловна обра-тились в Брянский обком партии, в Мо-скву, тогда забеспокоились, заволнова-лись.

Вполне возможно, что Наташа полу-чила бы квартиру. Через год, другой, третий. Тихо, спокойно, не доводя себя до душевного иступления, когда уже и слез нет. Но только ли в квартире, в отдельных квадратных метрах нуж-далась молодая женщина, так трагиче-ски, нелепо потерявшая мужа?

Тамара Кирилловна рассказывала: «Для нас был удар, когда Наташа поте-ряла зрение. Это случилось во время выпускных экзаменов. Врачи говорили: нервы... Куда мы только не обраща-лись, не писали, не ездили! Были в ин-ституте Гельмгольца в Одессе, в Фила-товском, у Федорова... Никто ничем по-мочь не смог. Как-то, в минуту особого отчаяния, написали на телевидение Юлии Белянчиковой, что «Здоровье» ведет. Понимали, конечно, чем она-то помочь может? Но хотелось слово под-держки услышать. И слово это нам за-помнилось навсегда: «Мужайтесь»...

Они обязаны были запастись муже-ством на долгую жизнь. У Василия за-пас этого мужества иссяк. Вправе ли мы осуждать его за это?

...Знакомая, слепые протягивают руку с уверенностью, что мы, зрячие, увидим эту раскрытую дружескую ла-донь, пожем ее. Но иногда протянутая рука повисает в воздухе

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Елабуга: автомобиль для человека или человек для автомобиля?

Демограф Виктор Переведенцев о межнациональных браках.

АЗС на курорте? Мнения писателя и ученых.

Наши публикации. Борис Слуцкий.

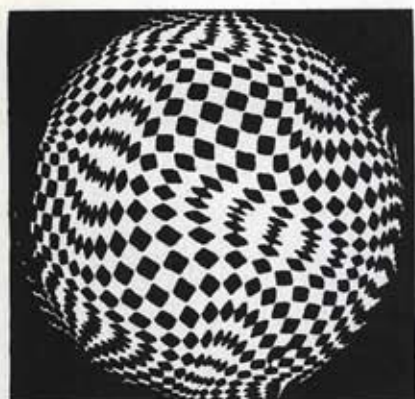

Усадьба Остафьево: посторонним вход воспрещен.

Группа «Статус Кво»: рок-н-ролл жив!

Мнения о ценах: письма читателей.

Повесть Буало-Нарсежака «В заколдованном лесу».

30-я шахматная олимпиада
Под редакцией
гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

Многоходовок с ферзем сравнительно немного. Непросто удерживать в повиновении сильнейшую фигуру долгое время.

К. ШРЕДЕР
1950 г.

Мат в 4 хода

Невозможно сразу 1.Крa2? из-за 1...e5+!

1.Крa1!, провоцируя шах 1...Фg1+, уводящий ферзя с диагонали a2—g8. Теперь 2.Крa2! Фg8 3.Лb2+. Если 1...Крa8, то 2.Фс6+.

Другие ложные следы — 1.Крb1?, Крa3? — опровергаются соответственно 1...Фg6, Фg3+!

А. ВОРОНОВ
1979 г.

Мат в 4 хода

В этой обоюдоострой позиции со свободным черным ферзем и открытым белым королем белые неожиданно играют на цугцванг!

1. Фb7! Фg5 2. Сg6!, 1...Фd6 2. Cf5! Ложный след 1. Крg6? Фf8 2. Фd7! опровергается 1...Фg5+!

Трудность и неожиданность вступления усиливается тихими вторыми ходами белых.

Л. КУБЕЛЬ
1940 г.

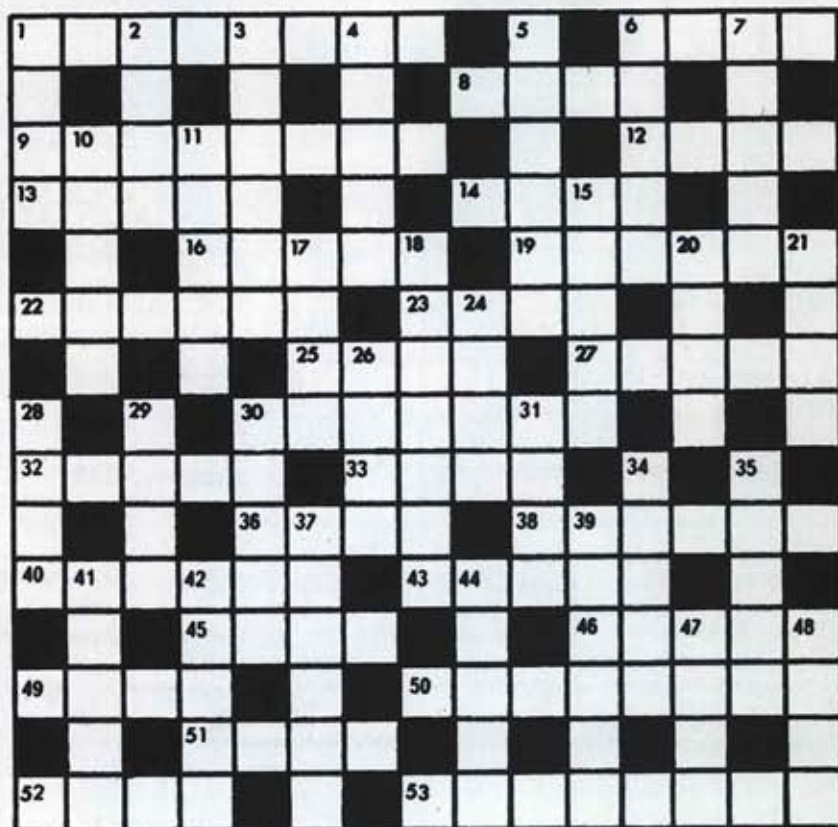
Мат в 4 хода

1. Фf3! f5 2. Фh3! (цугцванг) 2...f4 3. Ф:c8.

Предварительным маневром белые вынуждают движение пешки f6 и затем ставят черных в положение цугцванга — черный ферзь прикован к полям c3 и h8, а пешка связана.

КРОССВОРД

Составил И. Манега. Речица Гомельской области

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Киргизская желтая собака в романе Д. Мамина-Сибиряка «Хлеб». 6. Змея и ...— элемент медицинской эмблемы. 8. Высокий скалистый берег реки. 9. Литовский художник, сливший живопись и музыку. 12. Буква греческого алфавита. 13. Большая прорубь для ловли рыбы на севере. 14. Ракетный старт. 16. Финальная часть трагедии в древнегреческом театре. 19. Должность Тараса Бульбы перед последним боевым походом. 22. Соль лимонной кислоты. 23. Погода на экваторе. 25. Мера скорости судна. 27. Писатель и философ, чей портрет молодой Лев Толстой носил на груди вместо креста. 30. Дозорный в старой кавалерии. 32. Дерево, из которого был сделан знаменитый троянский конь. 33. Капитан Национальной гвардии

во времена Парижской коммуны. С 1925 года жил в СССР. 36. ...одолеет — никто не пригreet (пословица). 38. Азотистое вещество,

благодаря которому хамелеон меняет окраску. 40. «Верный ...» — сказка М. Салтыкова-Щедрина. 43. Начальный пункт судоходства на Луаре. 45. Нарезка для вставки дна в бочке. 46. Танец, завершающий оперу М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 49. «И первыми в танец вступают березы, накинута сквозной ...» (А. Ахматова «Три осени»). 50. Остров южнее Огненной Земли. 51. Жерловина. 52. Должность Санди Прузля на «Эспаньоле» в романе А. Грина «Золотая цепь». 53. В конце XVIII века на Кубу завезли контрданс. Танец, возникший из него.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Народное собрание на Руси, где большинство определяли по силе крика. 2. Титул Гленарвана (Ж. Верн «Дети капитана Гранта»). 3. Жук, объедающий цветы плодовых деревьев. 4. Судно разведывательной или посыльной службы в иностранных флотах. 5. Нижний ряд лож в театре. 6. Птица, чей крик дал название кварку. 7. «Медведь» А. Чехова (жанр). 10. Молодогвардеец, участник Второго Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 11. Отец Одиссея. 15. Пол Маккартни, Джон Леннон, Джордж Харрисон — электрогитары, Ринго ... — ударные. 17. Мебель, которую в Западной Африке как знак почтения несут с собой, идя в гости. 18. Английский врач, победивший оспу. В Лондоне ему стоит памятник с надписью: «Благодетелю матерей, детей, народов». 20. Виадук, эстакада (тип сооружения). 21. Газ, с помощью которого открыт и получен курчатовий. 24. Приток Оки (бассейн Ангары). 26. Денежная единица одноименной страны в Африке.

28. Второй по величине спутник Сатурна. 29. Река, на которой стоит эстонский город Тярва. 30. В 1525 году Афанасий дель Альбонези в Ферраре перенул трубу бомбарды пополам. Инструмент, который получился из нее. 31. Одно из русских названий волокиты, проныры. 34. Феодалная вотчина в средневековой Англии. 35. Металл, который ни высокие температуры, ни электроток не могут вырвать из объятий кислорода. 37. Мексиканский живописец. 39. Залив у берегов Лабрадора. 41. Самоцвет, считавшийся в древности камнем страсти, способным изгнать тоску и оживить воина. 42. Уста играет мелодию с вибрацией звука, дамкеш исполняет тянущий звук (инструмент). 44. Без рук, без ног, а одеяло вздымает (загадка). 47. «Меня в заблужденье он ввел и в ... — прямо из мертвой петли» (В. Высоцкий «Смерть истребителя»). 48. Животное, вскормившее Зевса. Его шкуру он превратил в Эгиду, а рог — в рог изобилия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. Жгутик. 6. Обыск. 10. Атос. 12. Нервизм. 13. Бритва. 14. Ашуг. 15. Стокгон. 16. Купава. 19. Исса. 20. Топаз. 21. Ульянов. 26. Заползья. 27. Евдокимов. 28. Шафарик. 32. Место... 35. «Юбка». 36. Лялька. 37. Хулиган. 38. Гном. 39. Деверь. 40. Амнезия. 41. Поэт. 42. Галка. 43. Ыганья.

По вертикали:

2. Гармонь. 3. Тристан. 4. Каманин. 5. Пулуствав. 7. Беркут. 8. ...сатрап. 9. Энеску. 11. Лабаз. 17. Поляна. 18. Вальми. 22. Ливрея. 23. Ярость. 24. Ирис. 25. Чоха. 26. Зообентос. 28. Шахматы. 29. Фаланга. 30. Рагозин. 31. Коньяк. 32. «Млада». 33. Славка. 34. Окорок.

Пролетарии
всех стран
соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1474) ОКТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена ОВЧИННИКОВА

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 06.09.88.
Подписано к печати 16.09.88.
А 11779. Формат 70 × 108.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 3065.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

ВАГИЗ ХИДИЯТУЛЛИН

Сергей МИКУЛИК

фото Юрия СОКОЛОВА

Взлет его был настолько феерическим, что даже у видавших виды болельщиков дыхание перехватывало — такого игрока зрители, случается, десятилетиями ждут. В 16 лет, окончив ростовский спортинтернат, он едет «покорять столицу». Едет играть в «Торпедо», но волею случая оказывается в «Спартаке». Подобных вояжей футбольная Москва знавала великое множество, но этот был не похож ни на что: талантливый и дерзкий мальчишка с ходу закрепляется в основном составе популярнейшего клуба. Его разрывают на части тренеры юношеских и юниорских сборных страны, а в 18 лет он уже полноправный член сборной команды. Взрослой.

А в 22, когда всем уже казалось, что футбол без Хидиятуллина немислим, он вдруг отвернулся от команды, сделавшей его Игроком.

Была еще сборная страны, и там он выкладывался, как мог, доказывая, что если потускнела игра в клубе, то это не конец, «звезды» вспыхивают, чтобы светить, а не гаснуть. Доказывал иногда с излишней горячностью. И в последнем — тренировочном! — матче сборной перед чемпионатом мира 1982 года недоиграл до конца ровно одну минуту. Сам пошел на жесткое столкновение с Черниковым, и в результате — травма.

Год на лечение, год на восстановление. Потом он пытался найти себя в армейской команде Львова, но это был уже другой Хидиятуллин — осторожный и потерявший уверенность в себе. Нога прошла все-таки не до конца, он ее подсознательно берег, а так, решили недавние его почитатели, в футбол не играют. И болельщики, запасшись терпением, стали поджидать новых кумиров.

Но он боролся. С болезнью, с судьбой, с самим собой. А когда понял, что в одиночку не победит, пришел к... Бескову. Вернулся, хотя его никто не звал, не ждал и вообще все основательно забыли. Пять лет, потерянных в метаниях, для футбола — вечность.

Говорят, что к боли нельзя привыкнуть. Он наистово рвался на поле, а колени приходилось едва ли не заговаривать перед каждой игрой. Поначалу тренировочной — из «основы» легко выпасть, вернуться тяжело. Бесков не спешил — выпускал бывшего премьер-министра на последние 15—20 минут, давал вновь освоиться в некогда привычной обстановке. Скептики философствовали: «В одну реку нельзя войти дважды». А на их глазах вершилось чудо — большой игрок возвращался в большой футбол.

Потом была сборная, «серебро» чемпионата Европы и приглашение в «Тулузу» — один из сильнейших профессиональных клубов Франции. А пройдет два года, и он вернется. Вернется домой, в «Спартак».

Визит — визит в свое время!